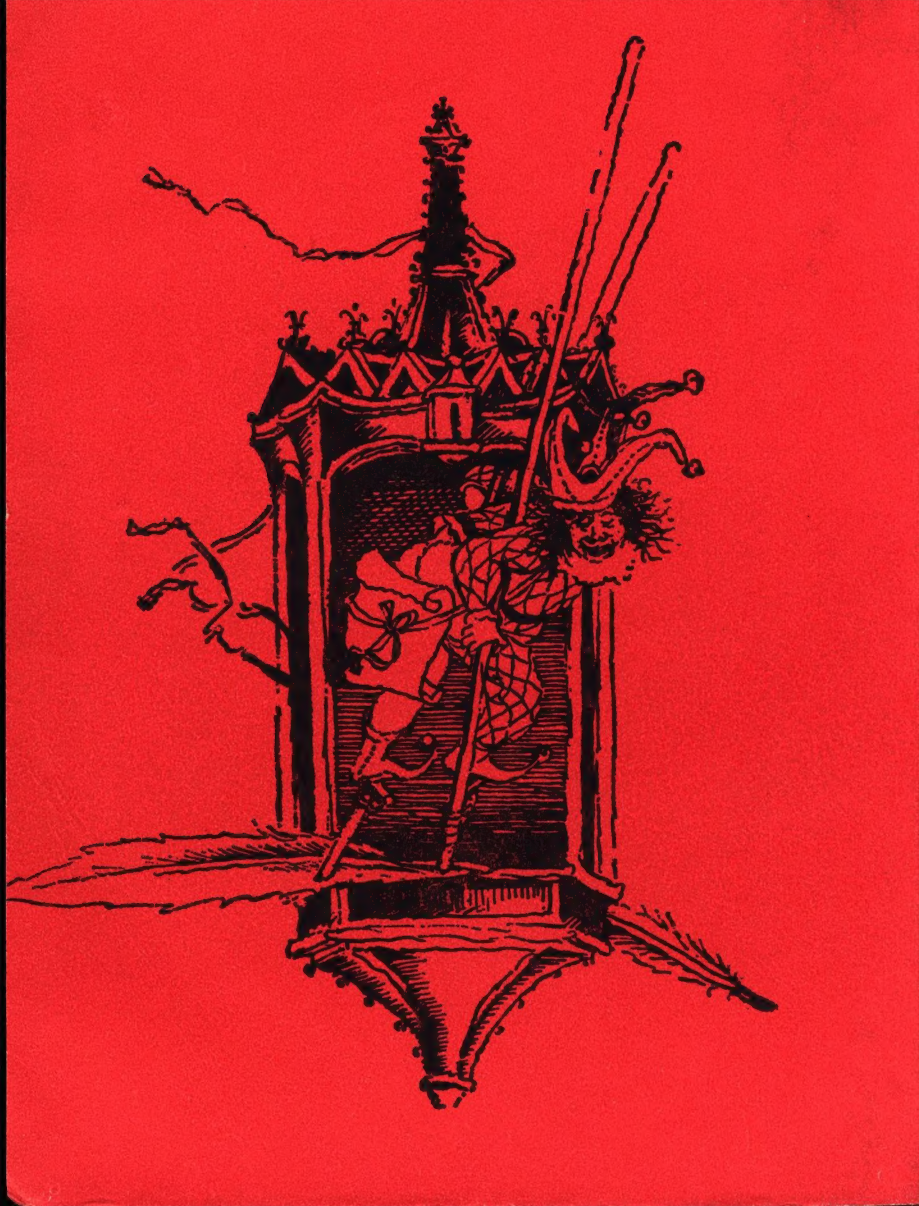

Дитер Форте
Мартин Лютер и Томас Мюнцер, или Начала бухгалтерии

Дитер Форте.
Мартин Лютер и Томас Мюнцер,
или
Начала бухгал-терии.

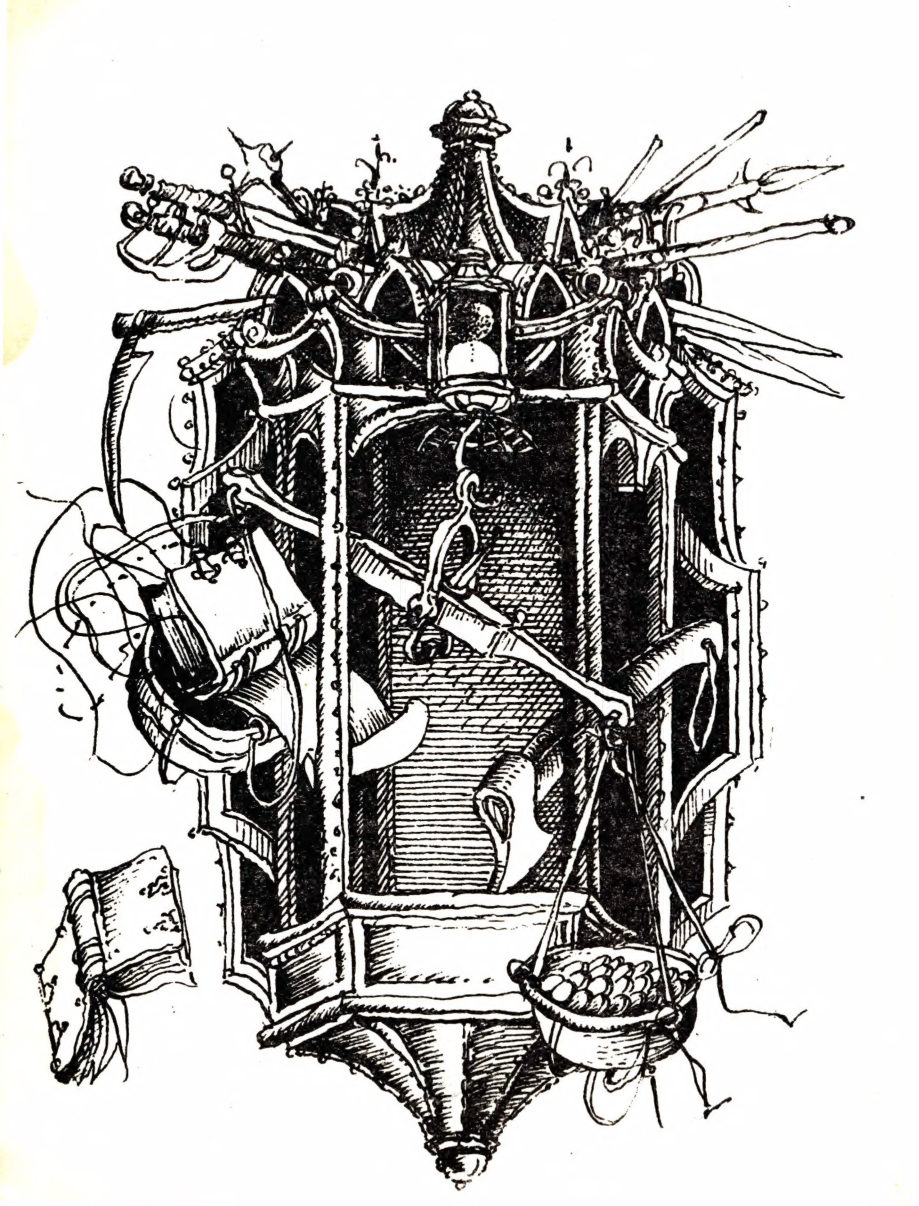

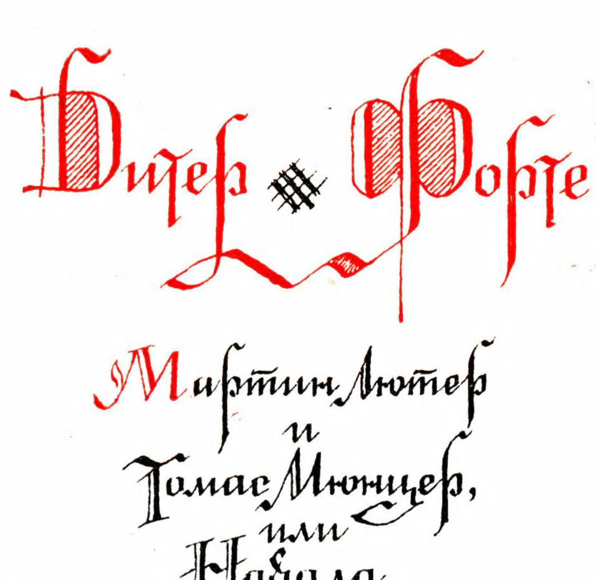

Дитер Форте

Мартин Лютер
и
Томас Мюнцер,
или
Начала бухгалтерии

И

Дитер Форте

Мартин Лютер и Томас Мюнцер, или Начала бухгалтерии

Москва
Искусство
1976

И (Нем)
Ф 80

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
Э. ВЕНГЕРОВОЙ

Дитер Форте родился в 1935 году в Дюссельдорфе. Окончив Коммерческую школу, он начал работать в Дюссельдорфском рекламном агентстве и одновременно писать для радио и телевидения.

Его радиопьесы «Стена», «Апофеоз одного вечера», «Соседи» принесли ему популярность и дали возможность оставить работу в агентстве и заняться литературным творчеством. В течение пяти лет (1966—1970) он изучал источники по истории Крестьянской войны и Реформации в Германии. «Я хотел доказать,— говорил Форте в интервью корреспонденту журнала «Theater heute»,— что можно представить убедительную картину исторических событий, которая до мельчайших деталей будет соответствовать фактам, и все же создать захватывающе интересную театральную пьесу». Так появилась его драма «Мартин Лютер и Томас Мюнцер, или Начала бухгалтерии».

Впервые пьеса была поставлена в Базеле в 1970 году. Затем право постановки приобрели еще 25 театров ФРГ.

Пьеса переведена на английский и французский языки. За короткий срок она выдержала три немецких издания. Была издана в США.

Ф $\frac{70600\text{-}176}{025\,(01)\text{-}76}$ 68-69-76

Отнесение к современности
весьма облегчает
понимание текста

МАРТИН ЛЮТЕР

Немцы
лучше разбираются в индейцах,
чем в немцах.

СЕБАСТИАН ФРАНК,
ХРОНИКА 1531 ГОДА.

Не к лицу демократическому обществу еще и теперь видеть в восставших крестьянах просто мятежных разбойников, которых власти быстро усмирили и поставили на место. Но именно так писали историю победители. Свободной и демократической Германии пора написать свою историю заново — начиная со школьных учебников. Я полагаю, что события тех лет — нетронутый клад, заслуживающий того, чтобы его спасли от забвения и прочно закрепили в сознании народа. Ничто не может помешать нам открыть и оценить по достоинству те силы в нашей истории, которые жили и боролись ради того, чтобы немецкий народ мог сам — политически зрело и со всей нравственной ответственностью — созидать основы своей жизни и своего строя.

ПРЕЗИДЕНТ ФРГ ГУСТАВ ХАЙНЕМАНН, 1970

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЛЮТЕР,
34 года.

МЕЛАНХТОН,
20 лет.

КАРЛШТАДТ,
37 лет.

МЮНЦЕР,
27 лет.

ФРИДРИХ САКСОНСКИЙ,
54 года.

ЕГО ШУТ
(лилипут)

СПАЛАТИН —
его тайный секретарь, 33 года.

КАРЛ V,
19 лет.

МАРГАРИТА —
его тетка, 39 лет.

ГАТТИНАРА —
его канцлер, 54 года.

ПАПА,
46 лет.

КАЭТАН —
кардинал-легат, 48 лет.

ФУГГЕР,
58 лет.

ШВАРЦ —
его бухгалтер, 20 лет.

АЛЬБРЕХТ ФОН БРАНДЕНБУРГ,
27 лет.

ИМПЕРАТОР МАКСИМИЛИАН,
60 лет.

БИББИЕНА —
кардинал, 51 год.

МИЛЬТИЦ —
дипломат, 27 лет.

ФАЙЛИЧ —
советник, 30 лет.

ГУТТЕН,
31 год.

БЕРЛЕПШ —
капитан, 57 лет.

ПФАЙФЕР,
25 лет.

ЭРАЗМ,
58 лет.

ПАРАЦЕЛЬС,
32 года.

ГОЛЬБЕЙН,
26 лет.

ФРОБЕН,
65 лет.

СОВЕТНИКИ, КАРДИНАЛЫ, КНЯЗЬЯ, ДВОРОВЫЕ, СЛУГИ, СТУДЕНТЫ, НАРОД.

ГАЙЛЕР ФОН КАЙЗЕРСБЕРГ.

ВИЛЛИНГЕР.

ПОЙТИНГЕР.

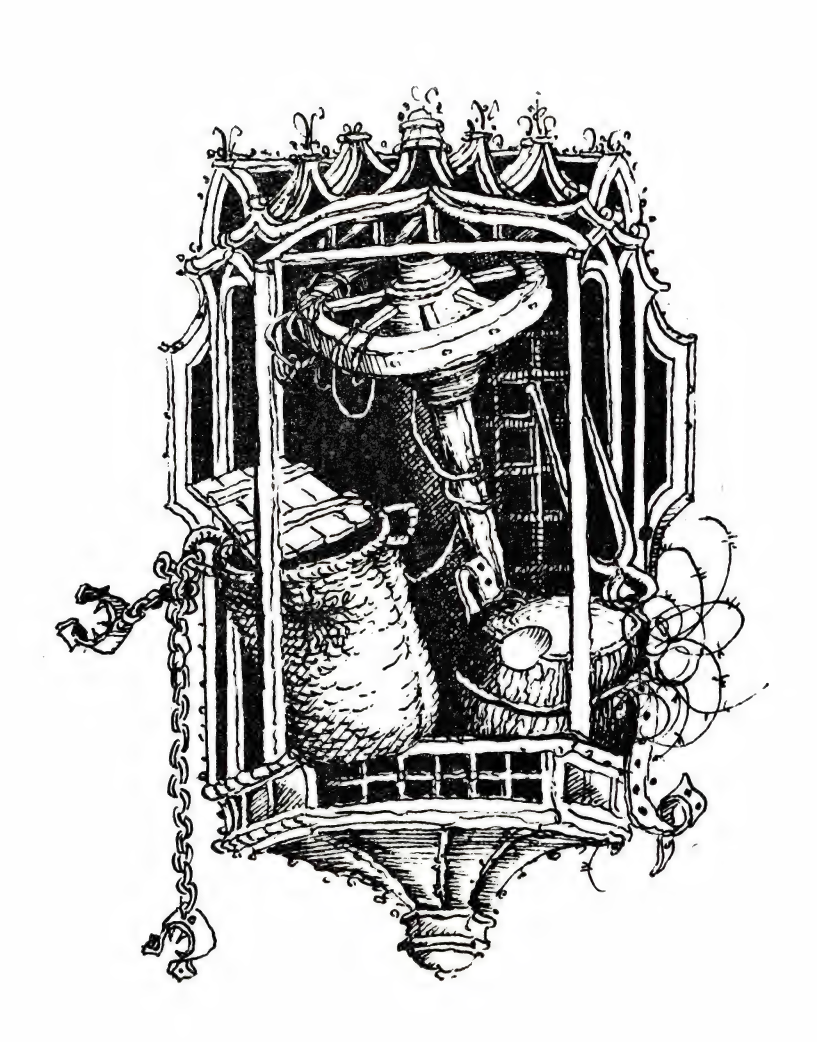
ГУТ.

ХИПЛЕР.

ИОГАНН.

ГЕРОЛЬД.

Актеры, занятые в эпизодах, могут играть по нескольку ролей. Роль папы может быть поручена молодой женщине.
Справа и слева от центра сцены — деревянные помосты, на каждый помост ведут две лестницы: спереди и сзади.
У рампы — справа и слева — стол и стулья. Во время всего действия актеры остаются на сцене. Ремарка «уходит» означает, что актер спускается с помоста по задней лестнице.
Тексты в основном подлинные. Цифры и факты подтверждаются документально.
Все расчеты приведены в западногерманских марках.

Х о р *(скандирует за сценой).*

Адам пахал, а Ева пряла,
Тогда богатых не бывало.

Занавес. Демонстрация с т у д е н т о в, *возглавляемая* М ю н ц е р о м. *Они пересекают сцену слева направо.*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

За столом т р о е б ю р г е р о в *пьют пиво.*

П е р в ы й б ю р г е р. Опять этот Мюнцер.

В т о р о й б ю р г е р. Где Мюнцер, там и смута.

Т р е т и й б ю р г е р. И вечно он таскается со студентами.

П е р в ы й б ю р г е р. Они вон орут, что в городском совете все берут взятки.

Т р е т и й б ю р г е р. И всегда брали. Подумаешь, орут.

Х о р *(скандирует).*

Адам пахал, а Ева пряла,
Тогда богатых не бывало.

В т о р о й б ю р г е р *(кричит).* А университет теперь, видать, совсем закроют, а?

Т р е т и й б ю р г е р. Ну и дела.

Входит ч е т в е р т ы й б ю р г е р.

Ч е т в е р т ы й б ю р г е р. Городской совет подал в отставку.

П е р в ы й б ю р г е р. Из-за Мюнцера?

В т о р о й б ю р г е р *(кричит).* Это все денег стоит! Наших денег. Вот у вас, например, есть деньги?

Т р е т и й б ю р г е р. У кого деньги, тот и прав.

Первый бюргер. У кого деньги, тому и карты в руки. Зачем ему еще и права?

Хор *(скандирует)*.

Адам пахал, а Ева пряла,
Тогда богатых не бывало.

Студенты уходят, бюргеры идут вслед за ними.

ПОМОСТ СПРАВА.

Фуггер в молельне на коленях с четками в руках. Шварц стоит за пюпитром, на котором лежит толстая книга. Бухгалтерия дома Фуггеров.

Фуггер. Начнем.

Шварц. Общий капитал фирмы «Якоб Фуггер» составляет девятнадцать миллионов шестьсот семьдесят девять тысяч сто марок.

Фуггер *(крестится)*. Восславим господа нашего.

Шварц. Во веки веков, аминь. Да будет позволено мне как вашему бухгалтеру заметить, что вы самый богатый человек в Европе.

Фуггер. Ближе к делу.

Шварц. Альбрехт фон Бранденбург!

Альбрехт поднимается на помост и ждет.

Фуггер *(в молитвенной позе)*. Почему Майнц?

Альбрехт. Желательно Майнц. Он как раз ничей.

Фуггер. Самая большая и самая богатая епархия Германии.

Альбрехт. Само собой.

Фуггер. Церковь возбраняет накопление должностей.

Альбрехт. Церковь многое возбраняет.

Фуггер. Вы слишком молоды для сана епископа.

Альбрехт. Я архиепископ Магдебургский и протектор Хальберштадта.

Фуггер. И собираетесь стать архиепископом Майнцским?

Альбрехт. Я полагаю, это вопрос денег.

Фуггер. Есть у вас деньги?
Альбрехт. А иначе разве бы я пришел сюда?
Фуггер. Шварц?
Шварц. Регулярный налог на архиепископство Майнцское составляет один миллион четыреста тысяч. Плюс деньги для подкупа святого отца.
Альбрехт. Для подкупа? Но позвольте...
Фуггер *(Шварцу)*. Рукопомазание.
Шварц. Святой отец имеет в виду рукопомазание в размере одного миллиона двухсот тысяч.
Альбрехт. И это любовь к ближнему?
Шварц. Святой отец имел при этом в виду двенадцать апостолов. По сто тысяч на каждого.
Альбрехт. Их точно было двенадцать? Папа не ошибается?
Фуггер. В денежных вопросах папа непогрешим.
Альбрехт. А что если — семьсот тысяч? По числу смертных грехов?
Фуггер. Сойдемся на миллионе по числу заповедей.
Альбрехт. Стало быть, два миллиона четыреста тысяч.
Фуггер. Три миллиона.
Альбрехт. Десять и четырнадцать — это двадцать четыре.
Фуггер. Император Максимилиан тоже хочет получить свою долю. Так принято. И дом Фуггеров, к сожалению, не может работать безвозмездно.
Альбрехт. Три миллиона?
Фуггер. Саксония тоже очень заинтересована.
Альбрехт. Два восемьсот.
Фуггер. Два девятьсот.
Альбрехт. Во имя господа.
Фуггер. Как вы собираетесь расплачиваться?

Альбрехт пожимает плечами.

Шварц. Майнц — богатый город.
Альбрехт. Похоронивший трех архиепископов подряд.
Фуггер. Стало быть, обеднел.

Шварц. Господин архиепископ получит в Майнце великолепно оборудованный бордель.

Альбрехт. Побойтесь бога, кто сейчас туда пойдет? Нынче можно где угодно получить это дело даром. Ваше заведение на ладан дышит.

Фуггер. Поскольку неизреченная мудрость святого отца предусмотрела это обстоятельство, он в своей безмерной благости позволяет нам предоставить ему новый заем под индульгенции на строительство собора святого Петра и назначить вас комиссаром по их реализации.

Альбрехт. Я же говорю, вопрос денег.

Фуггер. Шварц.

Шварц. Заем на восемь лет. Пятьдесят процентов от сбора — святому отцу, пятьдесят процентов — комиссару.

Альбрехт. Приятно слышать.

Фуггер. Учтите, что пятьдесят процентов для святого отца должны выплачиваться сверх регулярного налога.

Альбрехт. Вот как?

Фуггер. А вторую половину я позволю себе удержать до тех пор, пока вы не погасите своего долга. Для этой цели мои люди будут сопровождать ваших представителей. Они получат ключи к каждой церковной кружке и будут забирать все поступающие деньги.

Альбрехт. А что же получу я?

Фуггер. Вы получите Майнц. *(Поднимается с колен.)* Хотите совет? Возьмите Тетцеля. Первоклассный агент. С большим опытом. И еще. Положение на рынке сейчас плохое. Цены падают. Поэтому обставьте дело как можно привлекательнее. Нужна динамичная реклама. Обычными разговорами о спасении душ больше ничего не заработаешь. Продавайте индульгенции на мертвых.

Альбрехт. А их берут?

Фуггер. Их не берут, но продавать можно. И продавайте на тех, кто не раскаивается.

Альбрехт. А это можно?

Фуггер. Этого нельзя, но их берут. Главное, получить оборот.

Альбрехт. Я ничего не понимаю в теологии.

Фуггер. Достаточно хороших связей с банком.

Шварц. Наш отдел ценных бумаг внимательно следит за всеми изменениями на рынке индульгенций и информирует своих клиентов в первую очередь.

Альбрехт. А где мне можно торговать?

Фуггер. В Саксонии нельзя.

Альбрехт. Без Саксонии игра не стоит свеч.

Фуггер. В Саксонии нельзя. У Фридриха свои собственные индульгенции, а эта история с Майнцем ему и без того не по нутру.

Альбрехт. Вот рудники бы иметь!

Фуггер. Вы ведь собираете епархии.

Все трое сходят с помоста.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фридрих сидит в кресле и жует курицу. Сзади него за столом — Файлич и писец со списками. На специальной подставке — карта Германии.

Файлич *(читает список реликвий).* «Кирпич из стены города, где родилась дева Мария,— одна штука. Нить, которую она спряла,— одна штука. Обломок стены дома, где Марии было благовещение,— две штуки. Кусок дерева, под которым Мария произвела господа в бальзаминовом саду...».

Фридрих. Одна штука или две?

Файлич. Одна.

Фридрих. Купить вторую.

Файлич *(продолжает читать).* «Клочков от сорочки Марии — четыре штуки. Клочков от покрывала Марии, забрызганного кровью с распятия,— две штуки. Кусок воска, который Мария дала благочестивой Матроне,— одна штука».

Спалатин поднимается на помост. Файлич продолжает тихо читать.

Фридрих. Спалатин, я сердит.

Спалатин. Но что мы можем поделать, ваша княжеская милость? Тетцель расположился прямо у границы, и народ к нему валом валит. Людей невозможно удержать.

Фридрих. Я сказал Фуггеру, что саксонские деньги не для Альбрехта. Я не собираюсь оплачивать епархии этого сопляка. Деньги моих подданных пойдут только в мой карман. Это мой долг перед народом.

Спалатин. Формально к ним не придерешься, ваша княжеская милость. Тетцель не переступил границ Саксонии.

Фридрих. Он просто открыл свою лавочку на самой границе. *(Жует.)*

Файлич *(продолжает читать вслух)*. «Обломков яслей Христовых — тринадцать штук. Кусок пеленки, в которую он был завернут,— одна штука. Клочков сена из яслей — две штуки. Обломок камня, с которого Христос возгласил в Иерусалиме: «Здесь средина мира»,— одна штука. Кусок камня, на котором Христос оплакивал Иерусалим,— одна штука».

Фридрих *(оборачиваясь к нему с видом мученика)*. Вы тоже скоро будете оплакивать, но не Иерусалим, а Виттенберг. Если сюда перестанут поступать деньги. Как прикажете теперь продавать мою индульгенцию под реликвии? И как вы представляете себе День всех святых в замковой церкви? Кто будет покупать отпущение у меня, если люди уже купили его у Тетцеля?

Спалатин. Оборот, без сомнения, упадет.

Фридрих. «Без сомнения». Хорошие у меня советники. Нечего сказать. *(Жует.)*

Файлич *(продолжает читать)*. «Ком кровавой земли с участка, приобретенного за тридцать сребреников, за которые был продан Христос,— одна штука. Горсть земли, на которую пролился кровавый пот Христов,— одна штука».

Фридрих одобрительно кивает.

«Кусок покрова, обрызганного кровью Христовой,— одна штука».

Фридрих. Что нужно этому Альбрехту? Что за этим скрывается? Сначала Магдебург, потом Хальберштадт, теперь Майнц. Все земли, некогда принадлежавшие нам. Саксония оказалась в кольце. Кругом сплошь Бранденбурги. Прямо страшно взглянуть на карту.

Спалатин. Это все император Максимилиан. Он считает, что Саксония слишком могущественна. Он хочет ее прижать. Если ваша княжеская милость в ближайшее время не примет меры, он ее прижмет. *(Подходит к карте.)* Дальнейшее расширение границ уже теперь столкнется с большими трудностями.

Фридрих. Саксония — самая могущественная держава в Германии.

Спалатин. Но Бранденбурги набирают силу. У них теперь два голоса в коллегии курфюрстов, и им известны планы императора.

Фридрих *(откладывает курицу)*. Весь аппетит пропал. *(Встает и вдруг орет во весь голос.)* Я Фридрих Саксонский или я какой-то бесштанный граф? Я первый князь Германии и собираюсь им остаться! *(Смотрит на карту.)* Уберите. Меня от нее тошнит.

Спалатин переворачивает карту. Фридрих подходит вплотную к Файличу.

Файлич *(продолжает читать)*. «Клочков полотенца, которым господу нашему Иисусу были завязаны его святые глаза,— три штуки. Огарок свечи, которой коснулся покров господа нашего Христа,— одна штука. Обломок, которым распятие было закреплено в камнях,— одна штука».

Фридрих. А мои реликвии? Значит, все это теперь дерьмо? Зачем же я вкладывал в них деньги? *(Выходит на авансцену.)* Тетцель — шарлатан. Что за методы финансирования? Чем он торгует? Облигациями дома Фуггеров. Бумажками, не имеющими никакой ценности. Голыми обещаниями. Во что люди вкладывают деньги? А я даю им гарантии. Каждая индульгенция обеспечена моими реликвиями. Надежнее золо-

та. Но мои доброкачественные индульгенции лежат без движения, а люди давятся за этими клочками бумаги. Да, народ надо просвещать.

Спалатин. Торговать стало трудно. Агенты Тетцеля ходят по домам и уговаривают людей. А мы сидим в замковой церкви и ждем, что люди сами придут к нам.

Фридрих. Не рассылать же мне реликвии по всей стране.

Спалатин. Надо стимулировать спрос. Нужно еще больше реликвий, больше индульгенций.

Фридрих. Только и делаю, что скупаю реликвии. Сколько у нас?

Файлич. Семнадцать тысяч четыреста сорок три.

Спалатин. Прежде всего нам нужно как можно больше индульгенций. У нас их сейчас на сто двадцать семь тысяч семьсот девяносто девять лет и сто шестнадцать дней. Этого мало. Нужно больше.

Фридрих. Не забывайте, что индульгенции пока еще выдает папа, а он, по всей видимости, предпочитает выдавать их другим.

Спалатин. Необходимо рукопомазание.

Фридрих. Уж сколько лет пытаюсь. Не берет.

Спалатин. Еще большее рукопомазание.

Фридрих. Я хочу наживать деньги, а не тратить их. Надо просвещать народ. В Дании один монах проповедовал против таких вот финансовых авантюристов вроде Тетцеля — и успешно.

Спалатин. В Германии тоже были эксперты, которые высказывались на этот счет. Иоганн фон Везель, Вессель Ганцфорт.

Фридрих. Что же их не слышно?

Спалатин. К сожалению, умерли.

Фридрих. Спасибо.

Спалатин. Эразм Роттердамский. Лучшего вашей княжеской милости не сыскать. Самое знаменитое перо в Европе. Светоч науки.

Фридрих. Светочи слишком ненадежны. Предложи этому хоть графство, так он еще трижды подумает.

Спалатин. Он независим.

Ф р и д р и х. Ну а у нас-то? Повымерли все, что ли? Зачем же я основал университет? Меня грабят, а университет ни гугу. Чем занимаются господа профессора? В карты играют?

С п а л а т и н. Иоганн фон Везель преподавал в Эрфурте, и у нас есть профессора, обучавшиеся в Эрфурте.

Ф р и д р и х. Ну вот, пожалуйста. За что же я плачу этим господам? Чтобы они диспутировали о непорочном зачатии? Пусть что-нибудь придумают. Только побыстрей. Дело не терпит.

С п а л а т и н уходит. Фридрих садится и снова начинает обгладывать куриную кость.

Ф а й л и ч *(продолжает читать)*. «Тернии из венца господа нашего Иисуса — восемь штук. Кусок гвоздя, которым руки или ноги господа нашего были прибиты к распятию,— одна штука. Шкатулка со святыми мощами, каковые не могут быть названы по отдельности, ибо рукопись поблекла и не может быть прочитана,— всего сто семьдесят восемь штук».

Ф р и д р и х. Портит мне всю обедню. За мои же деньги. Я этому сопляку покажу. Я ему такую куриную кость в задницу загоню, что он на ней все свои митры повесит.

П р и д в о р н ы й ш у т Фридриха, лилипут, взбирается на помост.

Ш у т *(вырывает у Фридриха куриную кость, подымает ее вверх и кричит)*. Кость из задницы святого Фридриха!

Фридрих оглушительно хохочет.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

С п а л а т и н. Доктор Лютер! Какое совпадение. Я только что подумал: а как там наш доктор Лютер? Что-то о нем ничего не слышно!

Л ю т е р. А что обо мне слышать? Читаю лекции. Занимаю должность ректора, а сверх того я еще и викарий ордена, настоятель одиннадцати монастырей, управляющий рыбными пру-

дами, адвокат в Торгау — вот и пишу целый день письма, письма, письма. У меня работы на двух секретарей хватит.

Спалатин. И совсем нет времени на составление тезисов, на диспуты?

Лютер. А зачем?

Спалатин. Профессора должны диспутировать. Если о них совсем ничего не слышно, начинаешь сомневаться в их полезности.

Лютер. Я опубликовал памфлет против схоластической теологии. Разослал его. Я хотел спорить. Никто не откликнулся. Ничто не шелохнулось. А тезисы были острыми.

Спалатин. Наш университет еще молод. Его пока не слишком принимают всерьез, но все может измениться. Вы, кажется, учились в Эрфурте?

Лютер. Да.

Спалатин. Тогда вам, конечно, известны труды Иоганна фон Везеля.

Лютер. Разумеется.

Спалатин. В том числе и трактат об индульгенциях?

Лютер. И этот трактат.

Спалатин. Везель — интересный автор?

Лютер. Он выступает против папы, против поклонения святым, против исповеди, против Тайной вечери, против последнего причастия, против постов. Считает, что папа и Вселенские соборы могут ошибаться. В таком духе.

Спалатин. И он против индульгенций?

Лютер. Почему вы спрашиваете?

Спалатин. К этим вещам проявляют интерес.

Лютер. При дворе?

Спалатин. Вы уже слышали о новой индульгенции?

Лютер. Омерзительная история. Этот Тетцель проповедует неслыханные вещи. Народ обманом лишают вечного спасения.

Спалатин. Да, скверно. А что скажет на это просвещенный муж?

Лютер. Я набросал несколько тезисов...

Спалатин. Тезисов? Уж не против ли новой индульгенции?

Лютер. Против злоупотребления ею. Против самого отпущения как такового возразить нечего.

Спалатин. Но почему об этом ничего не слышно? Это же в высшей степени любопытно!

Лютер. Везель погиб в застенках инквизиции.

Спалатин. Ах, полно, нашли что вспомнить. Времена меняются.

Лютер. Инквизиция в руках доминиканского ордена, а Тетцель — доминиканец.

Спалатин. Наш курфюрст — не доминиканец.

Лютер. Тезисы не отделаны, они составлены наспех.

Спалатин. Надо отделать. Хорошо бы вставить несколько фраз о том, как добрые немецкие денежки уплывают в Рим, чтобы неправедным путем наполнить папские карманы.

Лютер. Зачем вам это?

Спалатин. Да так. Курфюрсту любопытно, на что способны его профессора. Бывает, знаете ли. Нет ли у вас случайно каких-либо пожеланий?

Лютер. Мне пригодилась бы новая ряса.

Спалатин. Новая ряса. Это можно устроить. *(Уходит.)*

Лютер садится за стол, заваленный книгами, и начинает писать. Входит Карлштадт, держа под мышкой несколько книг. Он бросает их на стол и сам садится на него.

Карлштадт. Собачья жизнь!

Лютер. Ты еще слишком мягко выразился, Карлштадт.

Карлштадт. Немецкий профессор — ну и должность. Да еще в этой дыре, в этом, с позволения сказать, университете.

Лютер. Было бы лучше, если б тут училось поменьше народу. Одна смута. Курфюрсту не мешало бы прижать их покрепче.

Карлштадт. Уж этот мне курфюрст.

Лютер. Студенты совсем распоясались. Вместо того чтобы учиться — таскаются с девками да еще задают несуразные вопросы. Разве это порядок? Вчера один спросил меня, где был бог до сотворения мира. Ну, я ему задал трепку.

Карлштадт. А где он был?

Лютер. Кто?

К а р л ш т а д т. Бог.

Лютер молча продолжает писать.

И что мы только проповедуем целыми днями! Мы ведь в это не верим. И студенты не верят. Богатым — им все равно, бедным ничего другого не остается, а курфюрсту только того и надо. И все ради чего? Ради жалованья. Тошнит меня от всего этого.

Л ю т е р. Стереть бы в порошок все университеты. Они только развращают молодежь. Сплошь рассадники неверия и критики. У геенны и дьявола нет на земле более надежного оплота, чем университеты.

К а р л ш т а д т. Но, мой милый, они кормят своих профессоров.

Л ю т е р. Это верно. Где твоя книга с изложением тезисов против индульгенций?

К а р л ш т а д т *(находит книгу и читает вслух заголовок).* «Сто пятьдесят один тезис доктора Андреаса Карлштадта, профессора теологии в Виттенбергском университете». *(Бросает книгу Лютеру.)* Ни единому человеку нет до них дела. Да и кому это интересно.

Л ю т е р. Университет еще молод. Его пока не слишком принимают всерьез. Но все может измениться.

К а р л ш т а д т. Что ты там строчишь?

Л ю т е р. Записку для двора.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Ф р и д р и х сидит в кресле. С п а л а т и н поднимается на помост, держа в руке листок бумаги.

С п а л а т и н. Памфлет против новой индульгенции.

Ф р и д р и х. Он на что-нибудь годен?

С п а л а т и н. Немного заумный, но может пригодиться. Если бы ваша княжеская милость соблаговолили бросить один взгляд...

Ф р и д р и х. Боже упаси. Не хочу иметь ничего общего с этим делом. То, чего я не знаю, я не обязан отрицать. Полностью полагаюсь на вас. Кто написал?

С п а л а т и н. Некий Лютер. Вы в свое время оплатили ему степень доктора. Угодно вам его видеть?

Ф р и д р и х. Ни в коем случае. Хороший человек?

С п а л а т и н. Неглуп, но несколько ограничен.

Ф р и д р и х. Стало быть, пригодится. Надежен?

С п а л а т и н. Думаю, что да.

Ф р и д р и х. Удачное сочетание. Что просит?

С п а л а т и н. Новую рясу.

Ф р и д р и х. Дешево.

С п а л а т и н. Как прикажете поступить?

Ф р и д р и х. Пусть пошлет это Альбрехту. И позаботьтесь о распространении.

С п а л а т и н уходит.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

С п а л а т и н. Дорогой Лютер, ваши тезисы вызвали большой интерес. Вы могли бы послать их Альбрехту.

Л ю т е р. Архиепископу?

С п а л а т и н. Вот набросок письма.

Л ю т е р. Но любезнейший Спалатин. Это ведь тезисы. Полемические тезисы для научного диспута. Это для профессоров.

С п а л а т и н. Курфюрсты тоже иногда не прочь поспорить.

Л ю т е р. Мне бы не хотелось, чтобы наш милостивый курфюрст и Альбрехт... Вы понимаете?

С п а л а т и н. Нет.

Л ю т е р. Два курфюрста, придерживающиеся различных взглядов,— это политика. При чем здесь мои тезисы? Их могут неверно истолковать.

С п а л а т и н. Не думаю.

Л ю т е р. Архиепископ — моя высшая власть, мое начальство.

С п а л а т и н. Ваше начальство — курфюрст. Начальство всегда тот, кто платит. *(Втискивает ему в руки тезисы.)* И попытайтесь заманить сюда Тетцеля.

Л ю т е р. Зачем?

С п а л а т и н. Для небольшого научного диспута.

Л ю т е р. Он вряд ли приедет.
С п а л а т и н. Ему гарантируют безопасность, квартиру и стол.
Л ю т е р. Кто? Неужели его княжеская милость?
С п а л а т и н. Он самолично. *(Уходит.)*

Лютер остается в полном недоумении.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

С л у ж и т е л ь с письмами. Входит А л ь б р е х т под руку с у л и ч н о й д е в и ц е й.

А л ь б р е х т. Ну как она тебе нравится? Истинное дитя Майнца.
С л у ж и т е л ь. Ваше высокопреподобие, как всегда, сделали удачный выбор.
А л ь б р е х т. Есть что-нибудь важное?
С л у ж и т е л ь. Письмо от одного монаха-августинца. Он жалуется на то, как Тетцель продает индульгенции.
А л ь б р е х т. Не стоит внимания.
С л у ж и т е л ь. Письмо выдержано в резком тоне.
А л ь б р е х т. Мне-то что. У нас другие заботы, а, детка?
С л у ж и т е л ь. Этот человек — профессор Виттенбергского университета.
А л ь б р е х т. Виттенберг... Разве там есть университет? *(Насторожившись.)* Виттенберг?
С л у ж и т е л ь. Точно так, ваша светлость.
А л ь б р е х т. Фридрих, значит. Ну и скотина.
Д е в и ц а. Котик! Разве архиепископам можно говорить такие слова?
А л ь б р е х т. Только одному, детка. Только одному.
С л у ж и т е л ь. Как будет благоугодно решить вашей светлости?
А л ь б р е х т. Отложить, отложить. На этом деле можно обжечься. И немедленно известить Рим. То-то папа обрадуется.
С л у ж и т е л ь. Слушаюсь, ваша милость.
А л ь б р е х т. А теперь, дитя мое, я покажу тебе мой собор.

Оба удаляются с хохотом. С л у ж и т е л ь уходит.

ПОМОСТ СПРАВА.

Кардинал Каэтан погружен в чтение книги. На помост поднимаются кардинал Биббиена и второй кардинал с книгами и бумагами в руках.

Биббиена. Мойше видит церковь. «Папоцка, цто это узе за дом с такая высокая басня?» — «Мойше, это уже церковь».— «А цто это такое — целковь?» — «Ну, гоим говорят, там живет бог».— «Папоцка, бог зивет на небо?» — «Да, он-таки живет на небо, а в церковь он имеет свой гешефт».

Оба хохочут.

Святой отец.

Папа поднимается на помост. Он обут в сапоги, на шее длинная цепь.

Папа. Я приказал укоротить подол. Как вам нравится новая длина?

Биббиена. Ваше святейшество, вы с каждым днем становитесь все непринужденней.

Каэтан. Может, стоило бы созвать Вселенский собор, чтобы раз и навсегда установить длину подолов.

Папа. Ты ввергнешь человечество в пучину бедствий. Есть только две пристойные темы для разговоров: погода и длина юбок. Останется одна погода?

Второй кардинал. С позволения вашего святейшества позволю себе заметить, что ваше святейшество в сапогах.

Папа. А что, они мне не идут?

Второй кардинал. Будет неудобно целовать ногу вашего святейшества.

Папа. Отменить церемонию. *(Каэтану.)* Ты все еще штудируешь своего Коперника? Земля вращается вокруг себя самой и вращается вокруг Солнца?

Каэтан. Он прав.

Папа. Ничего не имею против. По-моему, это очень мило. Так живо. Все движется. Как представлю себе, что я в своем Вати-

кане мчусь сквозь мировое пространство,— прелесть, мне нравится.

Каэтан. Земля больше не центр вселенной.

Папа. Знаю. Леонардо того же мнения.

Второй кардинал. Но тогда папа — не центр Земли.

Папа. Увы.

Каэтан. Но если отменен верх и низ, что тогда? Где небеса? Где бог?

Папа. Вот именно, где бог? Биббиена, ты должен знать, ты атеист.

Биббиена. Об этом есть в моей новой пьесе.

Папа. Готовишь нам что-то новенькое?

Биббиена. Я работаю над пьесой, в которой самый важный персонаж не играет никакой роли, а появляется лишь в короткой сцене под занавес.

Папа *(второму кардиналу)*. Есть ответ от Эразма?

Второй кардинал. К сожалению, нет.

Папа. Эразм — вот человек! Какое образование. Какая эрудиция. Какой стиль. Но он не приедет. Только деньги берет.

Каэтан. Писатель!

Биббиена. Сделай его кардиналом.

Папа. Прекрасная мысль. Отныне буду назначать кардиналами только художников, ученых и атеистов. Это вообще решение вопроса. Всех священников отлучить, а лоно святой церкви переместить в голову.— Что нового?

Второй кардинал. Донесение о действиях святой инквизиции в Испании. Похоже, она не такая уж святая.

Папа. Они еще не угомонились? Мне надоело. Какая косность! Мир с каждым днем становится все больше и шире. Америка, Африка, Индия, Китай. Везде новые страны, новые народы — и везде старые культуры, древние религии. А эти думают, что только они и правы. Не одни же мы на свете! Религия, как и все остальные. И в сущности, все не правы. Эта сказка о Христе, о господи! Ну да, она приносит деньги, но я вот как раз читаю Платона, и он мне больше по душе.

Каэтан. Могу рекомендовать вашему святейшеству Коран.

Папа. Нам еще учиться и учиться. Мой врач — еврей. Один из моих лучших друзей — мавр. Знаете Аль-Хасана Ибн-Мухаммеда Аль-Ваззана? Он объездил пол-Африки. Теперь пишет об этом книгу. Какая культура! Какие красоты! У них там есть культуры на тысячелетия старше наших. А мы говорим — глупые дикие негры. Все это россказни купцов,— чтобы им можно было торговать неграми как рабами. Я категорически против. Вот и индейцев за океаном порабощают. Я этого не допущу. Надо издать буллу или что-нибудь в таком духе. Напомни мне потом. Что еще?

Второй кардинал *(подает папе книгу)*. Талмуд.

Папа. А, великолепно, я приказал отпечатать Талмуд. До сих пор его не печатали. Позор. *(Биббиене.)* Взгляни, какой переплет.

Второй кардинал. Сафьян.

Папа. И какой шрифт.

Второй кардинал. Шрифт Библии.

Биббиена *(рассматривает цепь)*. Новая цепь?

Папа. Челлини. Кстати, у Челлини вернисаж. Надо пойти. *(Каэтану.)* Ты уже видел последние работы Рафаэля? Он расписал ванную комнату Биббиены. Ну, доложу я вам, мне как папе стало неудобно, я даже покраснел.

Каэтан. Я предпочитаю Леонардо да Винчи.

Папа. Леонардо — гений, знаю. Но он ничего не доводит до конца. Все только идеи. Искусство концепций.

Биббиена. Мона Лиза великолепна.

Папа. Мона Лиза хороша. Но он теперь почти не пишет картин. Недавно опять устроил хэппенинг. Запер людей в комнате, где лежала куча очищенных бараньих кишок. А потом с помощью мехов, спрятанных в соседней комнате, так надул кишки, что всех к стене прижало. Говорит, таким образом можно увидеть воздух.

Второй кардинал. Уж эти мне современные художники.

Биббиена. У меня был Тициан. Просил аванс.

Папа. Тебе нравится Тициан?

Каэтан. Мой художник — Микеланджело.

Папа. Ну еще бы, Микеланджело!

К а э т а н. Это величайший гений. Я был у него в мастерской.

П а п а. Да-да, конечно. Роспись Сикстинской капеллы. Сногсшибательно. И все-таки я обожаю Рафаэля. Проект собора святого Петра. Какой замысел! Но влетит в миллионы. Я как раз издал новую индульгенцию.

В т о р о й к а р д и н а л. Индульгенцию. В Германии недовольны продажей индульгенций. Один профессор протестует против индульгенции на постройку собора святого Петра.

П а п а. Пошли ему проект Рафаэля.

В т о р о й к а р д и н а л. По всей вероятности, за этим скрывается Фридрих Саксонский.

П а п а. Ах, этот. Ему тоже нужны индульгенции. Ну так дайте ему их. И дело в шляпе. Напиши ему, что только что прибыл корабль с обломками святого распятия, с кучей костей разных мучеников и носовыми платками святого Иисусика. Пусть поскорей запасается.

В т о р о й к а р д и н а л. Португальский посол просит дозволения передать вашему святейшеству белого слона.

П а п а. Белый слон? Чудо господне.

Все уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Ф а й л и ч показывает Ф р и д р и х у новые реликвии.

Ф а й л и ч. Кость из руки святого Бенно.

Ф р и д р и х. Прекрасная вещь. Великолепная. И такой же точно длины, как моя.

На помост поднимается С п а л а т и н.

Ф а й л и ч. Гребень святой Урсулы с семнадцатью волосами.

Ф р и д р и х. Очаровательно. *(Спалатину.)* Новейшие святыни с Франкфуртской ярмарки.

С п а л а т и н. Я видел счет.

Ф р и д р и х. Я за ценой не постою. Качество. Главное — качество. Когда народ ползет к реликвии на коленях через всю цер-

ковь, ему надо же показать вещь. Народ нельзя обманывать, верно, Спалатин?

Спалатин. Ни в коем случае, ваша княжеская милость.

Фридрих. Качество всегда себя окупает.

Файлич. Бутылочка молока святой девы Марии.

Фридрих. Прелестно. Прелестно. Это — сокровище. Сколько уже у нас этих бутылочек?

Файлич. Пять.

Фридрих. Подлинных?

Файлич. Их подлинность подтверждена знаменитейшими университетами Парижа и Базеля. Речь идет об очень раннем молоке, десятидневном от рождества Христова.

Фридрих. Что значит век науки. Одно удовольствие жить в такое время. Вы просматривали почту, Спалатин? Что скажете? Папа шлет нам новые индульгенции. Мы заработаем много денег, очень много. Дело обстоит лучше, чем я думал. Этому Лютеру нужно дать его рясу.

Спалатин. Дворянство во многих местах поддерживает распространение тезисов.

Фридрих. Еще бы.

Спалатин. Народ также реагирует положительно.

Фридрих. Вот видите. Народ всегда недооценивают.

Спалатин. Ваша княжеская милость сегодня снова слишком добры.

Фридрих. Знаю-знаю. А чтобы и папа знал мнение народа, пусть этот человек пошлет свои тезисы в Рим. Можно приложить любезное сопроводительное письмо, немного дипломатии не повредит, но текст составьте вы. Вообще вам стоило бы знать, над чем он работает. Чтобы все шло по нужному руслу.

Спалатин. Он показывает мне все, что пишет.

Фридрих. Разумно. Как вы думаете, он справится — сам?

Спалатин. Поживем— увидим.

Фридрих. Это слишком ненадежно. А кто у нас есть еще?

Спалатин. Карлштадт.

Фридрих. Дельный?

Спалатин. Радикал.

Фридрих. Может, стоило бы подумать о подкреплении.

Спалатин. Когда дело примет серьезный оборот, нам понадобится человек, владеющий греческим и древнееврейским, чтобы подстраховать научную сторону трудов Лютера.

Фридрих. А у нас такой есть?

Спалатин. Меланхтон. Молод еще. Но очень интеллигентен.

Фридрих. Пригласите его в Виттенберг. Нам нужна молодежь. Немного революционного духа не помешает. Мы живем в неспокойное время. Все преобразуется. Не надо экономить на интеллигенции. К тому же она дешево стоит.

Спалатин. Эти молодые люди, конечно, обеспокоены последствиями.

Фридрих. Скажите им, что они находятся под защитой нашей княжеской милости. Что с ними ничего не случится. Что мы благосклонны к молодежи. А Лютеру передайте, он должен проявить стойкость. Мы возлагаем на его стойкость большие надежды. Материалы для Аугсбургского рейхстага — при вас?

Спалатин. В кабинете.

Фридрих. Нам надо хорошо подготовиться. *(Берет в руки бутылку с молоком.)* Действительно — настоящее?

Файлич. Подтверждения знаменитых...

Фридрих. Знаю-знаю. *(Обнюхивает горлышко, затем отпивает глоток.)* Божественно.

Все уходят.

Веселая музыка. Слуги расставляют на столах напитки и яства. До самого конца беседы между Лютером и Каэтаном на всей сцене разыгрывается оргия чревоугодия и возлияний. Слева встает слуга.

К рампе из глубины сцены подходит Фуггер. Гости заполняют сцену.

Фуггер. Господа, я приветствую вас на собрании рейхстага в Аугсбурге. Надеюсь, вы чувствуете себя хорошо в моем доме.

Слуга *(докладывает)*. Кардинал Альбрехт фон Бранденбург.

Альбрехт *(входит)*. Кардинал! Кардинал, мой дорогой Фуггер!

Фуггер. Поздравляю. Когда вы станете папой?

Альбрехт. Это вопрос денег, только денег. *(Поворачивается.)* Мне к лицу?

Фуггер. Великолепно сидит.

Альбрехт. Мне кажется, в этом есть нечто божественное.

Фуггер. Не знаю, что сейчас носит бог.

Альбрехт. Вы еретик, мой милый. Я собственной рукой разожгу костер на вашем аутодафе.

Фуггер. Но прежде не забудьте вернуть долги.

Альбрехт. Не человек, а сплошные числа с головы до пят. Вы и спите с числами?

Фуггер. С нулями.

Альбрехт. Ужасно. Кстати о нулях. Что там у нас на повестке дня?

Фуггер. Император Максимилиан собирается сделать своим преемником Карла.

Альбрехт. Скажите пожалуйста. Вот так новость! Этого испанского замухрышку?

Фуггер. Да.

Альбрехт. И ему нужны наши голоса?

Фуггер. Вы — за Карла?

Альбрехт. Если мне заплатят.

Фуггер. Я плачу.

Альбрехт. За Карла.

Фуггер *(с легким поклоном)*. Ваше преосвященство.

Альбрехт. Еще раз назовете меня преосвященством — и я ни за что не ручаюсь.

Слуга *(докладывает)*. Курфюрст Фридрих Саксонский.

Входит Фридрих.

Альбрехт. А, этот неотесанный саксонец. Где вино?

Фуггер. В той зале. *(Фридриху.)* Вы хорошо доехали?

Фридрих. Далековато к вам ехать. Но в последнее время рейхстаги происходят только у вас дома.

Фуггер. Так уж получилось.

Ф р и д р и х. Вы уже приобрели монополию и на рейхстаги?

Ф у г г е р. Убыточное дело.

Ф р и д р и х. Да, хотел извиниться перед вами. За эту дурацкую историю с индульгенциями.

Ф у г г е р. Но дорогой курфюрст. Какие могут быть извинения...

Ф р и д р и х. Вы понесли убытки.

Ф у г г е р. Мелочь. Кроме того, я был застрахован. Знаете ли, я давно уже в этом отношении не доверяю рынку. Конъюнктура смещается. Хотите совет? Инвестируйте очень осторожно.

Ф р и д р и х. Мои реликвии идут пока недурно.

Ф у г г е р. Реликвии еще некоторое время будут находить спрос. Все-таки видишь, что покупаешь. В них еще можно верить. Но индульгенции? Эти бумажки — мертвое дело. Как ваши рудники?

Ф р и д р и х. Могли бы работать и лучше. Людей не хватает.

Ф у г г е р. Инфляция. Огромный спрос, а рынок рабочей силы выметен дочиста.

Ф р и д р и х. Рабочие требуют повышения зарплаты. Какие уж тут прибыли.

Ф у г г е р. Я повсеместно ввел рационализацию. Мы работаем по новой системе. Три смены по семь часов.

Ф р и д р и х. Где вы берете людей?

Ф у г г е р. Рабочие не должны получать слишком большое жалованье. Тогда они работают две смены подряд.

Ф р и д р и х. Они потребуют двойной платы.

Ф у г г е р. Заморозьте зарплату. Держите ее на минимуме, а цены взвинтите.

Ф р и д р и х. Рабочие разбегутся.

Ф у г г е р. Запретите всякую перемену рабочих мест. Прежде всего ни один предприниматель не должен брать людей, которые выражали недовольство в другом месте. Рекомендую вам эту систему. Ваш племянник герцог Георг уже ввел ее. Он доволен. Я со своей стороны готов вам помочь.

Ф р и д р и х. Что стоит ваша помощь?

Ф у г г е р. Не то, что вы думаете, курфюрст. Я владею самыми крупными и самыми высокопроизводительными рудниками

Европы. Несколько независимых рудников мне не страшны. Как бы то ни было, вам придется считаться со мной. Самую большую прибыль дает ведь не добыча, а обработка. Металлургические заводы, плавильные заводы, прокат, литейные мастерские, производство оружия, пушек. А это все в руках концерна. Вот где прибыль. Ваши рудники и ваши плавильные печи, извините меня,— это кустарщина.

Фридрих. Не забывайте, что ваш самый крупный и самый современный металлургический завод как-никак находится на моей земле и под моей опекой.

Фуггер. Будем надеяться, что ваша опека пребудет над ним вечно.

Фридрих. Будем надеяться. Мало ли что может случиться. А вы поставляете продукцию в Германию, Голландию, Испанию и Португалию. Рынки крупные.

Фуггер. Дорогой курфюрст. У меня европейская монополия на руду, золото, железо, свинец, а прежде всего на олово, серебро и медь. На медь у меня даже всемирная монополия. Дом Фуггеров — самый крупный банк Европы. Я могу держать металл на складах два года. А могу и затопить им рынок. Как захочу. Могу вздуть цены, и вы на этом наживетесь. Могу сбить цены — притом так сильно и на такой долгий срок, что вы рады будете подарить мне ваши рудники. Мне приходилось разорять людей. Но о чем мы говорим! У вас есть рудники, у меня есть рудники. Все прочие сидят в той зале, пьют и не имеют ни гроша за душой. Вы — предприниматель с инициативой, со своей собственной политикой. Правда, без рудников вы уже не политик.

Фридрих. А ваш концерн не концерн без металлургического завода.

Фуггер. Что вы имеете против моего завода?

Фридрих. Он расположен как раз в центре моих рудников.

Фуггер. Это удачное местоположение.

Фридрих. К сожалению, он перерабатывает почти исключительно венгерскую руду. Руду моих конкурентов. Да еще по таким ценам, что мои предприниматели задыхаются.

Ф у г г е р. Я пользуюсь и вашей рудой. Например, меня снабжает ею некий Лютер, владелец рудника. Говорят, у него есть сын.

Ф р и д р и х. Да, есть, говорят. Но, может быть, этот Лютер захочет продавать больше руды и по более высоким ценам.

Ф у г г е р. Сразу же, как только я подниму производительность. Дорогой курфюрст, мы оба прекрасно понимаем, что так дальше продолжаться не может. Нам необходима новая трудовая мораль. Вы знаете, что в году более ста церковных праздников? Более ста праздников, дорогой курфюрст! Паломничества, ярмарки, бог весть что. Народ обжирается и пьянствует и вообще не думает трудиться. Если устранить эти бесполезные церковные праздники, годовая производительность повысилась бы на треть, прибыль — по меньшей мере наполовину, вопрос о рынке рабочей силы был бы решен. Да, и еще посты! Я постоянно должен хлопотать о разрешениях не поститься — для моих рабочих. Рабочие должны работать, а не поститься. Это надо, наконец, урегулировать. Ежедневный труд должен стать священным долгом. Люди должны благодарить господа, что вообще могут трудиться. Награду они могут получить на небесах. Тогда на земле им понадобится не так уж много, и мы, наконец, получим дешевую рабочую силу. Вот как обстоит дело с вашим Лютером.

Ф р и д р и х. Каким?

Ф у г г е р. Отцом, конечно.

С л у г а *(докладывает)*. Император Максимилиан.

Входит М а к с и м и л и а н.

М а к с и м и л и а н. Всем привет, всем привет, я здоров как бык, как бык здоров. Привет, Фуггер. Привет, Фридрих. Я как бык.

Ф у г г е р. Вода помогла?

М а к с и м и л и а н. Еще как! Пью воду и — прямо молодею, прямо молодею.

Ф р и д р и х. Воду?

Максимилиан. Простую воду, помогает, очень, очень. Фуггер, слушай, мне надо денег.

Фуггер. Я в распоряжении вашего величества, в моей конторе. *(Уходит.)*

Максимилиан. Я сейчас, сейчас. Фридрих, пострел, ты хорошо выглядишь. *(Хлопает его по животу.)* Но нельзя тебе есть столько курятины, нельзя.

Фридрих. Водянка хуже.

Максимилиан. Хочешь меня подковырнуть, да? Слушай, скажи, ты — за Карла? Он мне вроде внука.

Фридрих. Надо подумать.

Максимилиан. Брось, мы же свои. Он славный парень. И очень хочет быть моим преемником. Смотри, Нидерланды, Бургундия и Испания у него уже есть, еще пол-Италии и эта новая, как ее... Америка. Я ему подкину Австрию и Венгрию. Швейцарию я прозевал, ну да ладно. Зато я ему дам еще Богемию, Моравию и Силезию. Недостает только Германии. Мальчик будет так рад.

Фридрих. А Франция? А папа?

Максимилиан. Этих он слопает — и все.

Фридрих. А потом и нас слопает — и все.

Максимилиан. Слушай, брось, скажешь тоже, мы же родня. Ну, ты — за?

Фридрих. А что мне за интерес?

Максимилиан. Я знаю, ты сердит, я отдал Альбрехту Майнц. Но что мне было делать? Все это чепуха, чепуха. Мы договоримся. Если ты за Карла, мы договоримся,— мое императорское слово, договоримся.

Фридрих. Сначала мне нужно договориться с папой.

Максимилиан. Слушай, эта штука с Лютером — великолепно. Просто великолепно. Шедевр. Этот парень — золото. Его надо беречь хорошенько. Он нам еще очень пригодится. У нас скоро будет возможность им воспользоваться, вот увидишь. Мне бы, мне бы такого. Но разве я додумаюсь? Ни в жизнь! Несколько лет я пытался прибрать к рукам немецкую цер-

ковь. Не вышло. Доходы папы от Германии в сто раз больше моих. Слыхал? В сто раз. Вот это деньги.

Фридрих. Ты донес на него папе.

Максимилиан. Политика, политика. А что мне было делать? Этот Каэтан подсунул мне письмо. Ну, я и подписал. Но это ничего, ничего. Он заважничает, заважничает, вот что самое забавное. Теперь все приняло официальный оборот. Теперь у него есть цена, ты за него можешь кое-что потребовать. Нет ли у тебя при себе тысчонки?

Фридрих. Все в банке у Фуггера.

Максимилиан. Вечно вы отдаете все деньги Фуггеру. А сотни не найдется? Я совсем издержался, пью только воду.

Фридрих. Для поддержания здоровья.

Максимилиан. Брось, это все враки. Все выдумали в моей канцелярии.

Виллингер *(подходит к Максимилиану с бумагами в руках).* Ваше величество.

Максимилиан. Чего тебе?

Виллингер показывает ему бумаги.

(Фридриху.) Слушай, извини, я на минуту. *(Отходит немного в сторону с Виллингером.)*

Фридрих идет к одному из столов.

Виллингер. Письмо от Карла. Он полагает, надо воззвать к родственным чувствам.

Максимилиан. К родственным чувствам? Мальчишка спятил. Деньги. Много денег. Больше ничего не поможет. Француз уже насовал курфюрстам полны карманы. Они не успевают загребать. Ну и порядки, просто невероятно. Нельзя же подкупать всех подряд. Во всяком случае, мы должны дать больше. Мальчик получит земли, сейчас не до экономии.

Виллингер. Карл исходит из расчета — четыреста тысяч на курфюрста.

Максимилиан. «Четыреста тысяч». Смешно. Мальчик слишком хорош для этого мира. Четыреста тысяч — это чаевые, они

пропьют их в один вечер. Миллионы. Нужно швырять миллионы. Князей, рыцарей, господ, секретарей, всех надо подмазать. И главное — пустить в дело баб. Француз обещал Бранденбургу принцессу Рене, значит, нам придется сунуть ему в постель по крайней мере Катарину, иначе не выйдет.

Виллингер. Сестру Карла?

Максимилиан. Пусть хоть раз займется делом. А то — одно рукоделие. Да, пока не забыл, баварец не хочет Иоанну, ну эту, знаешь, Неаполитанскую. Не нравится. А такая бойкая девочка. Что ж, дело вкуса. Дадим ему дочь Эрнандеса. Но пусть уж потом не меняет. А его брату — ему тоже нужно — устроим Элеонору. Пальчики оближешь.

Виллингер. Она обещана португальскому королю.

Максимилиан. Не видать ему ее. Старый хрыч. Губа-то не дура. Он уж и забыл, как это делается.

Виллингер. Значит, Катарина...

Максимилиан. ... Бранденбургу. Или нет, ее лучше племяннику Фридриха, ему уже можно жениться. А то саксонец что-то нос воротит.

Виллингер. А он фигура важная.

Максимилиан. Самая важная. Значит, наоборот. Катарину — в Саксонию. А что же мне делать с Бранденбургом? Вот проклятье. Князей больше, чем баб. И еще эти швейцарцы. Черт подери. Совсем забыл. Что прикажете делать со швейцарцами? Денег у них хватает. Кого им класть в постель — понятия не имею. У них республика. Да, Виллингер, разнюхайте, нельзя ли переманить к нам этого Лютера. Чего он не видел в Саксонии? Австрия куда как лучше.

Слуга *(докладывает)*. Кардинал-легат Каэтан.

Максимилиан *(кричит)*. Идите сюда, Каэтан, здесь весело! Идите сюда! *(Притаскивает Фридриха.)*

Подходит Каэтан.

Вы знакомы?

Каэтан. Нет.

Слуга приносит вино. Все трое берут бокалы.

Максимилиан. Это Фридрих Саксонский, Саксония — это... Ну, в общем, это там, далеко.

Каэтан и Фридрих приветствуют друг друга.

Фридрих. Как вам нравится Германия?

Каэтан. Я страшно мерзну. Где у вас солнце? Как можно жить без солнца!

Максимилиан. Не говорите. Вот я — император всей страны. В общем-то, я австриец. Так сказать, еще человек. Но эти немцы. Я вот уж двадцать пять лет пытаюсь управлять ими. Но с ними сладу нет. Вы сами увидите. Тут вам и Бавария, и Вюртемберг, и Гессен, и Тюрингия, и Пфальц, и Рейнские земли, Бранденбург, Гамбург, Любек...

Фридрих. И Саксония.

Максимилиан. И Саксония. Я в этих немцах все равно не разбираюсь. Хотя воевать они умеют. Знатно воюют. Как заварилась где-нибудь каша — немцы тут как тут, можете быть уверены. Готовы драться с кем попало. И уж так могут врезать — будь здоров. Какие я с ними делал походы! Великолепно, великолепно! Сначала артиллерия — бумс, а потом немцы. Артиллерия. Вот это изобретение. В этом деле я знаю толк. Если бы мог, завел бы себе артиллерию... У вас случайно не найдется тысчонки?

Каэтан. Весьма сожалею.

Максимилиан. А может, кольцо мне свое дадите?

Каэтан. Кольцо?

Фридрих. Ломбард уже закрыт.

Максимилиан. Тоже верно. Да. Как поживает папа?

Каэтан. Его святейшество чувствует себя превосходно.

Максимилиан. Надо папой быть, вот это должность. Я и так чуть было им не стал. Совсем на мази было дело. Фуггер не захотел за меня платить. Жаль, жаль. Имел бы хорошую ренту, а потом стал бы святым, и после моей смерти вы бы мне поклонялись. На коленях. Вот было бы славно.

Каэтан. Но зато вы избавлены от неприятностей из-за одного немецкого еретика.

М а к с и м и л и а н. Вы с этим Лютером будьте осторожны. Очень осторожны, верно, Фридрих? Такой опасный тип.

К а э т а н. Мне казалось, ваше величество придерживалось того мнения...

М а к с и м и л и а н. Конечно, конечно. Я как раз говорил Фридриху, что этого Лютера надо бы сжечь. Разве не говорил, а?

Ф р и д р и х. Когда?

М а к с и м и л и а н. Только что. Ну вот мы говорили еще насчет воды. Не припоминаешь?

Ф р и д р и х. Нет.

М а к с и м и л и а н *(Каэтану)*. Он забыл. Да.

Мимо проходит с л у г а.

Эй, парнишка, нет ли у тебя при себе десятки?

С л у г а. Нет, ваше величество.

М а к с и м и л и а н. Что ж, ничего не поделаешь. Не везет мне сегодня. Пойду к Фуггеру. Счастливо оставаться, ребятки. Потом дернем с вами по одной, верно?

К а э т а н. Интересно, чего?

Ф р и д р и х. Может, по кружке воды.

М а к с и м и л и а н *(за одним из столов)*. Привет, привет.

Каэтан и Фридрих окидывают друг друга оценивающими взглядами.

К а э т а н. Курфюрст?

Ф р и д р и х. Кардинал?

К а э т а н. Святой отец в последнее время недоволен одним из ваших земляков. Он доставил неприятности, которые чувствительно сказываются на доходах святого отца.

Ф р и д р и х. Теологические споры. Я в них не вмешиваюсь. Я в теологии профан.

К а э т а н. Но вы еще и христианский князь.

Ф р и д р и х. Верный сын римской церкви. Готовый на любые жертвы.

К а э т а н. Названный Лютер высказывает еретические взгляды.

Ф р и д р и х. Ну, здесь вы сами с ним разбирайтесь. Я уже сказал, что ничего в этом не смыслю.

К а э т а н. Будет вполне достаточно, если вы выдадите его церкви. Мы попридержим его у нас, пока брожение умов несколько не уляжется.

Ф р и д р и х. Да я бы и выдал, но как?

К а э т а н. Разве я говорю не с курфюрстом Саксонским?

Ф р и д р и х. С курфюрстом. Но сначала я должен знать, что скажут на это мои подданные.

К а э т а н. Ах.

Ф р и д р и х. Да, у нас в Германии так уж принято. Мы, князья, ровно ничего не можем сделать. По малейшему поводу мы должны запрашивать подданных.

К а э т а н. Интересная форма государственного устройства. Кто же у вас правит? Император? Князья? Или подданные?

Ф р и д р и х. Подданные. А это как раз Бавария, Вюртемберг, Гессен, Тюрингия, Пфальц, Рейнские земли, Гамбург, Бранденбург...

К а э т а н. И Саксония.

Ф р и д р и х. И Саксония.

К а э т а н. Так вот, если бы я захотел допросить одного саксонского подданного по имени Лютер?

Ф р и д р и х. Спросите лучше его самого, захочет ли он приехать?

К а э т а н. А где я смогу его увидеть?

Ф р и д р и х. Кажется, он живет в Виттенберге.

К а э т а н. Кажется?

Ф р и д р и х. Но я могу и ошибаться. У нас нет обязательной прописки.

К а э т а н *(повышая голос)*. Курфюрст!

Ф р и д р и х. Кардинал!

Все оглядываются на них.

К а э т а н *(теребит свой воротник)*. Здесь жарко.

Ф р и д р и х. Вы только что мерзли. Видите, как быстро привыкаешь к здешнему климату. А климат здесь сейчас такой, что мы собираемся избрать Карла немецким императором. Тем

самым Карл станет властелином Европы, если, конечно, не считать таких мелочей, как Франция или Ватикан.

Каэтан. Чудовищная идея. Это — катастрофа.

Фридрих. Говорят, он милый мальчик.

Каэтан. Святой отец решительно против. Он считает, что Карл приобрел слишком большую мощь.

Фридрих. А между тем все прочие — за Карла. На стороне папы — только я. Что он заплатит?

Каэтан. Если вы предотвратите избрание Карла, мы могли бы о многом договориться.

Фридрих. Сколько?

Каэтан. В этом случае папа наградил бы вас орденом Золотой Розы Добродетели. Это высочайшая награда христианского мира. Она будет украшением вашей коллекции. Весь свет будет платить вам за то, чтобы ее увидеть.

Фридрих. А индульгенции?

Каэтан. Будут вам представлены самым щедрым образом.

Фридрих. А Лютер?

Каэтан. Мы готовы смотреть на Лютера сквозь пальцы. Разумеется, если он не предпримет новых агрессивных шагов. Надо же знать меру. Вы понимаете. Папа есть все-таки папа.

Фридрих. Хорошо.

Каэтан. Вы проголосуете против Карла?

Фридрих. А папа сдержит свои обещания? Иначе я натравлю на него Лютера.

Каэтан. Вы такого дурного мнения о нем?

Фридрих. Да хуже некуда.

Каэтан. Не предполагал в вас чувства юмора.

Фридрих. Это самое опасное в немцах.

Каэтан *(смеется)*. Но с вашим Лютером я должен побеседовать. Раз уж я здесь. Иначе что скажет общественное мнение? Это всем бросится в глаза.

Фридрих. Вы выслушаете его здесь, в Аугсбурге, поговорите с ним — разумеется, мягко, отечески — и пришлете назад целым и невредимым.

Каэтан. В Виттенберг?

Фридрих. Если он туда захочет.

Каэтан. Но явится ли он? Ведь ваши подданные суверенны!

Фридрих. Я постараюсь убедить его.

Каэтан. Очень любезно с вашей стороны.

Фридрих *(откланивается)*. Кардинал.

Каэтан *(откланивается)*. Курфюрст. *(Идет к одному из столов.)*

Фридрих *(знаком подзывает Спалатина)*. Я получу орден Золотой Розы Добродетели.

Спалатин. Розы?

Фридрих. Которого я ждал четыре года. Удачная сделка, Спалатин! *(Потирает руки.)*

Спалатин. А Лютер?

Фридрих. Пришлите его сюда. Дайте ему моих лучших советников. Пусть не спускают с него глаз. Чтобы ни единого самовольного шага! Все должно быть согласовано. И передайте ему, он должен проявить стойкость. Если он отречется, попадет к черту в лапы. Дорогу я оплачиваю.

Спалатин уходит. Фридрих направляется к столам.

ПОМОСТ СПРАВА.

Фуггер и Шварц за пюпитром склонились над бухгалтерской книгой. На помост поднимается Максимилиан.

Максимилиан. Привет, привет. У тебя новый служащий?

Фуггер. Он ведет мои книги.

Максимилиан. А, библиотекарь. Привет, дружок. Что это у тебя за толстая книга?

Шварц. Двойная бухгалтерия, ваше величество.

Максимилиан. Я тоже хочу такую. Она с картинками?

Шварц. С числами, ваше величество.

Максимилиан. Ах, числа. Так ведь это скучно.

Шварц. Это искусство.

Максимилиан. С каких это пор числа стали искусством?

Фуггер. С недавних, ваше величество.

Максимилиан. И что это за искусные числа?

Фуггер. Дела фирмы.

Максимилиан. Да ведь их всегда записывали в книги.

Фуггер. Теперь записывают только деньги. Больше не записывают ни грузов, ни весов, ни пушек, ни полотна, ни муки, ни шерсти, ни меди. Только деньги. Товары, животные, люди — все становится капиталом, который должен расти.

Шварц. А бухгалтерия — это душа капитала.

Максимилиан. А, брось. Чепуха.

Фуггер. Это величайшее открытие человечества. Теперь можно не отвлекаться на мелочи — на сантименты, соображения нравственности, на личности и прочее. Видишь только деньги. А деньги должны приумножаться.

Максимилиан. Деньги надо тратить.

Фуггер. Ваше величество заблуждается, их надо умножать.

Шварц. С помощью процентов и процентов с процентов.

Максимилиан. Что? Двойные проценты с одних и тех же денег? Ах вы разбойники! Церковь вообще запрещает давать деньги в рост.

Фуггер. Ваше величество снова заблуждается. Проценты с процентов. Если я вам...

Максимилиан. Перестань, я все равно ничего в этом не пойму. Я уж лучше начну войну.

Фуггер. Начать ли вам войну — решает эта книга.

Максимилиан. А что, я в ней тоже есть?

Шварц. Ваше величество, вы занимаете несколько страниц.

Максимилиан. Да это орудие дьявола!

Шварц. Это в высшей степени христианская вещь. Изобретена одним францисканцем.

Максимилиан. Вот и доверяй после этого монахам. Слушай, Фуггер, мне нужно денег.

Фуггер. Шварц.

Шварц. Ваше величество имеет в дебете двадцать три миллиона пятьсот восемьдесят пять тысяч четыреста марок.

Максимилиан. В чем?

Фуггер. Ваше величество должны нам эту сумму.

Максимилиан. Что ты мне толкуешь о старых долгах? Прошлогодний снег.

Ф у г г е р. Ваше величество давно превысили свой счет, и ввиду вашего преклонного возраста...

М а к с и м и л и а н. Это еще что значит?

Ф у г г е р. Это значит, что вы все равно скоро умрете.

М а к с и м и л и а н. Да разве так говорят с людьми? Это тоже входит в вашу бухгалтерию?

Ф у г г е р. Это из нее вытекает.

М а к с и м и л и а н. Да ведь ты нажил на мне миллионы.

Ф у г г е р. Это другой счет.

М а к с и м и л и а н. А ты перепиши в этот.

Ф у г г е р. Так не делается.

М а к с и м и л и а н. Но у тебя ведь есть деньги.

Ф у г г е р. Я уже сказал, это другой счет.

М а к с и м и л и а н. Ну, дай так.

Ф у г г е р. Можно дать, только записав в книгу, а книга требует гарантий.

М а к с и м и л и а н. Черт вас дери совсем, да что же я тебе дам? Тебе и так принадлежит вся страна. Рудники, металлургические заводы, вся промышленность. Все подчистую. Ведь ты уж оплачиваешь и моих министров и моих чиновников. Я должен быть рад, что люди мне в глаза не смеются.

Фуггер пожимает плечами.

(Орет во всю глотку.) Виллингер, Виллингер! *(Сбегает вниз по лестнице.)*

Ф у г г е р. У нас еще есть товар из Инсбрука?

Ш в а р ц. Той фирмы, что обанкротилась? Товар лежит. Никто его не берет.

На помост снова поднимается М а к с и м и л и а н. Он тащит за собой В и л л и н г е р а.

М а к с и м и л и а н. Идемте, идемте. *(Фуггеру.)* Мой казначей даст тебе поручительство.

Ф у г г е р. К сожалению, ничего не выйдет. Он уже давал поручительства.

М а к с и м и л и а н. Верно?

Виллингер. Да.

Максимилиан. Ловко. У меня здесь рейхстаг...

Фуггер. У вас рейхстаг? Ваше величество, вы забываете, что этот рейхстаг оплачиваю я.

Максимилиан *(растерянно)*. Виллингер...

Виллингер. Вы не могли бы дать его величеству денег хотя бы на карманные расходы?

Максимилиан. Мне же нужно поить этих обезьян, а у меня нет ни пфеннига.

Фуггер. Сто тысяч.

Максимилиан. Что мне сто тысяч. Они пьют как лошади.

Фуггер. Триста тысяч.

Максимилиан. Я знал, что ты человек. Только без этих твоих двойных процентов.

Фуггер. Без процентов.

Максимилиан. Чудесно. Я же говорю, он человек. С ним можно иметь дело.

Виллингер. А какие условия?

Фуггер. Вы рассчитываетесь со мной поставками руды. Кроме того, на сто тысяч вы купите транспорт руды с моего инсбрукского склада, превосходный товар.

Виллингер. Наши эксперты обследовали вашу инсбрукскую руду. Она никуда не годится. Отходы.

Фуггер. И кроме того, на восемьдесят тысяч партию прекрасного полотна, тоже из Инсбрука.

Виллингер. Спасибо. Эту партию мы тоже знаем. Это не полотно. Это тряпье. Вы что же, хотите подсунуть императору тряпье и шлак?

Фуггер. Его величество может отказаться.

Максимилиан. Где мне подписать?

Шварц подает ему расписку. Максимилиан собирается подписать.

Виллингер. Разрешите? *(Берет расписку.)* Ваше величество дает расписку на триста пятьдесят тысяч. Это на пятьдесят тысяч больше, чем вы получаете. Сто восемьдесят тысяч вы

отдаете за бросовый товар. Таким образом, ваше величество платит двести тридцать тысяч, чтобы получить триста тысяч, которые к тому же подлежат пересчету на поставки руды.

Максимилиан. Ну вот, а я думал, что это хорошая сделка.

Виллингер откладывает расписку и выходит.

(Подписывает.) Я думаю, мне и вправду лучше поскорей умереть.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Каэтан сидит в кресле. Лютер, Файлич и несколько советников поднимаются на помост.

Каэтан. Кто из вас Лютер?

Лютер. Я, ваше высокопреподобие.

Каэтан. А прочие господа?

Лютер. Мои советники.

Каэтан. Попрошу господ советников на некоторое время удалиться в соседнюю залу.

Советники медлят.

Я не людоед.

Файлич шепчет что-то на ухо Лютеру. Лютер кивает. Файлич и советники сходят с помоста. Лютер бросается на землю.

Встань, сын мой.

Лютер выпрямляется, но остается на коленях.

Но, сын мой, что означает это представление? Встань, пожалуйста.

Лютер. Простите, преподобный отец. Так мне было приказано.

Каэтан. Лучше бы ты явился вовремя.

Лютер. Простите, преподобный отец, я должен был подчиняться приказаниям советников курфюрста. Они настаивали на предоставлении мне императорской охранной грамоты.

К а э т а н. Это улажено с твоим курфюрстом. Разве тебя не информировали?

Л ю т е р. Меня информировали, преподобный отец, и тем не менее я должен был строго следовать приказаниям...

К а э т а н. ...советников курфюрста. Да. Твой курфюрст очень озабочен твоей судьбой.

Л ю т е р. Не понимаю, преподобный отец.

К а э т а н. Так вот, послушай, сын мой. Мы оба в достаточно неприятном положении, и, прежде чем начнем беседовать официально, давай побеседуем разумно. Ты обнаружил некоторые неправильности в деле с индульгенциями...

Л ю т е р. Простите, преподобный отец, что я вас перебиваю. Это не так.

К а э т а н. Что?

Л ю т е р. Ко мне приходили знакомые, они возмущались тем, как происходит продажа индульгенции. Я пытался избегать бесед на эту тему, но они высказывались в таком духе, что это даже угрожало авторитету папы.

К а э т а н. Ужасно.

Л ю т е р. Что мне оставалось делать? Я отнюдь не собирался выступать против торговцев индульгенциями. Больше того, я всем сердцем желал, чтобы их проповеди казались каждому истинной правдой. Но мои собеседники выдвигали такие убедительные возражения против индульгенций и были так настойчивы, что в конце концов приперли меня к стенке.

К а э т а н. Однако тезисы написал ты?

Л ю т е р. Я хотел только дискуссии. Мне это казалось лучшим выходом из положения, ибо я не хотел ни с кем соглашаться и никому противоречить. Я совсем не имел в виду доставлять папе какие-либо неприятности.

К а э т а н. Ты — может быть.

Л ю т е р. Не понимаю, преподобный отец.

К а э т а н. Похоже, что здесь принято не понимать.

Л ю т е р. Я и этого не понял, преподобный отец.

К а э т а н. Так слушай же, сын мой. Ты придаешь этому слишком большое значение. Согласен, проповеди были ложными, мно-

гое было неправильным, но что с того. Главное, чтобы в кассу поступали деньги.

Лютер. А души верующих?

Каэтан. Индульгенция — это налог, побор, и больше ничего. На это живут церковь, князья, все мы, да и твое жалованье должно же откуда-то поступать.

Лютер. Но души верующих?

Каэтан. Сейчас мы говорим о деньгах. Даже твой христианнейший курфюрст в свое время просто удержал доходы от продажи индульгенции за участие в войне против турок и основал на них твой университет.

Лютер. Потому что вы с турками не воюете.

Каэтан. Вы хотите поставить папе в упрек, что он не ведет войны?

Лютер. А что скажет папа, если султан войдет в Рим?

Каэтан. Папа — человек воспитанный, он скажет ему «здравствуй».

Лютер. Вы издеваетесь надо мной.

Каэтан. Любезный сын мой, ты и это принимаешь слишком всерьез. Вы, немцы, ужасный народ. Послушай, турки очень милые люди. Султан — благородный человек. Мы с ним прекрасно понимаем друг друга. Ведем торговлю, наживаем деньги. Все хотят жить.

Лютер. Султан хочет завоевать Европу.

Каэтан. Ну что ты, все это давно урегулировано. Подписаны договоры.

Лютер. А если султан их нарушит?

Каэтан. Что ж, примем магометанство. Весьма любопытная религия.

Лютер. Тогда зачем папа собирает с верующих деньги?

Каэтан. Художники. Тебе этого не понять. Вечные авансы.

Лютер. Но почему он собирает деньги на войну с турками?

Каэтан. Неужели ты думаешь, что люди будут давать деньги, если папа скажет, что должен платить своим художникам? Люди дадут деньги, только если им покажут смертельного врага. Они должны бояться, бояться, что враги нападут на

них и им придется туго. Иначе никто не заплатит. Если папа честно скажет, что хочет построить собор святого Петра, наверняка явится кто-нибудь вроде тебя и начнет драть глотку: при чем здесь собор. *(Пауза.)* А ведь это грандиозный замысел. Сначала Микеланджело должен был...

Лютер. Кто такой Микеланджело?

Каэтан. Ах да. Ну, в общем, теперь во главе строительства стоит Рафаэль...

Лютер. Кто такой Рафаэль?

Каэтан *(садится)*. Мне нехорошо. Я думаю, это климат.

Лютер. Климат у нас довольно суровый.

Каэтан. Да. Ну еще раз сначала. Как я уже сказал в начале нашей беседы, нам надо потолковать разумно.

Лютер. Преподобный отец, я не очень-то ценю разум.

Каэтан. А что же тогда ты ценишь?

Лютер. Истину и веру.

Каэтан. Какую истину, какую веру?

Лютер. Ту веру и ту вечную истину, которая заключена в слове Писания. *(Протягивает Каэтану Библию.)*

Каэтан. Библия?

Лютер. Священное писание.

Каэтан. Да-да, замечательная книга, согласен, особенно на сон грядущий. Наверное, поэтому ее всегда кладут на ночные столики в гостиницах.

Лютер. Это слово божье.

Каэтан. Вполне возможно. Хотя немного устарело — ты не находишь? Может, пора наконец написать новые книги?

Лютер. Слово божье не стареет. Оно вечно и дает нам вечное знание.

Каэтан. Тут недавно кое-что опубликовал некий Коперник. Весьма интересно. Земля вращается вокруг Солнца и вокруг себя самой. Все это много сложнее, чем мы до сих пор думали.

Лютер. Сказки. Здесь все, что нужно знать о Земле.

Каэтан *(тяжело садится)*. Климат. Все дело в климате. Значит, так: если мы сейчас с тобой договоримся, ты отречешься?

Лютер. К сожалению, отречься не могу.

Каэтан. Ты получил строгие указания?

Лютер. Да.

Каэтан. От бога или от курфюрста?

Лютер. Может быть, господь явился мне в откровении через курфюрста.

Каэтан. Ну конечно. *(Делает Лютеру знак удалиться.)*

Лютер сходит с помоста. На помост поднимается священник.

Священник. Ну что?

Каэтан. Это может черт знает чем кончиться. Он еще верит в бога.

Священник *(в ужасе осеняет себя крестным знамением)*. Господи Иисусе!

Все уходят. Рейхстаг кончается.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Спалатин. Добро пожаловать в Виттенберг.

Лютер. Хорошо вам говорить. Я едва стою на ногах. Десять дней на этой полудохлой кляче. Благодарю.

Спалатин. Лошади и монашеские зады, увы, не созданы друг для друга.

Лютер. Ваши советники придерживаются другого мнения.

Спалатин. Наши люди проявили излишнюю осторожность, хотя в этом не было нужды. Но снизу видишь вещи иначе, чем сверху.

Лютер. Я следовал советам.

Спалатин. И правильно делали. Может быть, это как раз то, что нужно. Бедный монах верхом на старой кляче в сырую туманную ночь спасается бегством от злого и могущественного кардинала. Впечатляющее зрелище. Об этом пойдут разговоры, что придаст делу героический оборот.

Лютер *(щупает свой зад)*. Дать бы вам по голове этой Библией.

Спалатин. Есть новости из Аугсбурга?

Лютер. Я не отрекся.

Спалатин. Курфюрст поручил мне поблагодарить вас.

Лютер. Мы с советниками составили воззвание к папе. Собственно, я не хотел, но советники считали, что курфюрст это одобрит.

Спалатин. Да, конечно.

Лютер. Ну, слава богу. Никогда не знаешь, как угодить курфюрсту.

Спалатин. Такой уж у него нрав.

Лютер. Если папа не прореагирует, то можно апеллировать ко Вселенскому собору через голову папы. Это только предложение.

Спалатин. Слишком смелое.

Лютер. Ничуть. Недавно это проделал Парижский университет. Я просто возьму текст Сорбонны. Мне ничего не сделают. Не может же папа поставить мне в вину, что я ориентируюсь на самый католический из университетов.

Спалатин. Тонко. Такой ход — во вкусе курфюрста. Ударить, а потом сделать невинный вид.

Лютер. Понимаю. И еще: мне кажется, стоило бы опубликовать брошюру об аугсбургских переговорах, где выставить Каэтана на смех.

Спалатин. Тоже хорошо.

Лютер. Что написать сначала?

Спалатин. И то и другое. И немедленно отдайте в печать, чтобы мы имели это под рукой. Я тоже внесу свою лепту в составление текста. *(Передает ему письмо.)* Письмо папы Каэтану.

Лютер *(пробегает письмо глазами)*. Тут написано, что он может арестовать меня, а вы говорили, что никакой опасности нет.

Спалатин. Мы перехватили это письмо.

Лютер. А в Аугсбурге?

Спалатин. К тому времени оно уже потеряло силу. Мы об этом вовремя позаботились. Опубликуйте текст письма в брошюре. Это прекрасно объяснит ваше бегство, придаст делу драматизм и вызовет интерес.

Лютер. Но если письмо было перехвачено...

С п а л а т и н. Об этом знаем только мы, не правда ли?

Л ю т е р. Но как вы решились перехватить тайное письмо папы своему кардиналу?

С п а л а т и н. Я подкупил его секретаря.

Л ю т е р. И тем не менее хотите публиковать?

С п а л а т и н. Тем не менее.

Л ю т е р. Друзья посоветовали мне обратиться к курфюрсту, чтобы он спрятал меня в надежном месте.

С п а л а т и н. Боитесь?

Л ю т е р. Я слыхал кое-что об отравлениях.

С п а л а т и н. Вы преувеличиваете.

Л ю т е р. Видите ли, мысль эта исходит не от меня. Люди беспокоятся обо мне, о моей безопасности. Больше, чем я сам. Хорош ли совет — пусть решит ваша мудрость.

С п а л а т и н. Мы все предусмотрели. Вам не о чем беспокоиться.

Л ю т е р. Если в Риме выскажут недовольство, курфюрст сможет в свое оправдание сказать, что он невежда в теологии, ничего в ней не смыслит, и посоветует обратиться к университету. А университет на моей стороне.

С п а л а т и н. Вам бы заняться политикой.

Л ю т е р. Если же дело дойдет до процесса — лишь бы не в Риме. Меня устроят немецкие судьи, дружественные курфюрсту.

С п а л а т и н. Как мы и договаривались. Хотя вы написали Каэтану, что готовы подчиниться приговору церкви.

Л ю т е р *(смущенно)*. Чего только не напишешь.

С п а л а т и н. Да.

Л ю т е р. Но наша договоренность остается в силе?

С п а л а т и н. Все-таки боитесь?

Л ю т е р. Не за себя. О себе я не пекусь. Напротив. Мне больно, что я недостоин пострадать за истину. Я готов к любым лишениям, но как же университет? Я беспокоюсь об университете. Всем известно, что университет — любимое детище нашего курфюрста.

С п а л а т и н. Да, это известно.

Л ю т е р. Если меня удалят, то и университет скоро закроют.

С п а л а т и н. Есть и другие профессора.

Лютер. Без меня ни один не удержится. И что тогда будет с нашими талантливыми студентами, которые так страстно преданы науке? Они задохнутся в невежестве. Где они узнают истину? Вот о чем я пекусь. Я-то что... *(Делает небрежный жест.)* Ведь во время этой поездки я подвергал себя всем опасностям и неприятностям — вплоть до искушения господа.

Спалатин. Опасностям? У вас были деньги на дорогу и полные карманы охранных грамот. Разве кто-нибудь не оказал вам содействия?

Лютер. Что вы, напротив. Стоило мне показать рекомендации курфюрста, все становились очень милы и любезны. Люди восхищались охранными грамотами и не уставали славить курфюрста. Мне ни в чем не было отказа: меня сладко поили и кормили на убой. Я даже растолстел. Вот только эта кляча. Под конец меня подвезли в коляске.

Спалатин. Мы не можем каждый раз устраивать триумфальные шествия. *(Собирается уходить.)*

Лютер. Если я окажусь курфюрсту в тягость, то охотно отправлюсь во Францию.

Спалатин *(останавливается)*. Во Францию?

Лютер. В Парижский университет.

Спалатин. И не думайте. Вот еще.

Лютер. Я бы поехал.

Спалатин. Монахи не должны слишком умничать. Некоторые уже падали с ретивых коней только потому, что пренебрегали старой клячей.

Лютер *(откланивается)*. Мое нижайшее почтение всемилостивейшему курфюрсту.

Спалатин уходит. Лютер переходит направо.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Меланхтон и Карлштадт приветствуют Лютера. Мюнцер стоит рядом.

Карлштадт. Вернулся? Жив?

Лютер. Ну и задал я перцу высоким господам. Этот Каэтан,— о господи! Он смыслит в теологии не больше, чем осел в игре на арфе. Да, брат Меланхтон, я уж собрался было пожертвовать собой ради вас, ради молодежи и ради истины. Двум смертям не бывать... Но господь отверг меня. Боюсь, что я не достоин пострадать и умереть за правое дело. Такое счастье суждено другим — не мне. Кто это?

Меланхтон. Томас Мюнцер.

Лютер. А, тот самый? Мюнцер?

Карлштадт. Он хочет работать с нами.

Лютер. Тогда — ты наш.

Мюнцер. Я восхищаюсь вами, господин доктор.

Лютер. Еще бы. Я штурмовал небо и поверг мир в пламя. Ни один епископ, ни один теолог еще не отважился посягать на столь важные вещи.

Карлштадт. Положим, тут я мог бы назвать тебе несколько имен, не говоря уже о собственных тезисах.

Лютер. Ну бог с тобой, ладно. В Риме все идет вверх дном, там не знают, что делать. Я слышал, будто они собираются устранить меня с помощью предательства и яда.

Меланхтон. Яда?

Лютер. Конечно.

Меланхтон. Может быть, курфюрст укроет тебя на некоторое время.

Лютер. Скажи об этом Спалатину. Я бы давно погиб, если б господь не охранял меня и моего дела. Все были уверены, что мои тезисы, мои сочинения приведут меня к смерти. По дороге в Аугсбург мне повсюду мерещились костры. Ну я и сказал тогда нашему господу богу, что если он собирается использовать меня в игре, пусть позаботится, чтобы я в эту игру не вмешивался. *(Угрожающе смеется.)*

Мюнцер. Народ на вашей стороне. Во всей Германии.

Лютер. Я знаю, что народ на моей стороне. И высокие господа тоже знают об этом.

Мюнцер. Теперь нам надо идти дальше. Ни в коем случае не останавливаться.

Лютер. Только не надо бояться. Такое дело нельзя бросить. Это божье дело. Лишь бы мои друзья не оставили меня, как оставили Христа его ученики. Если истина окажется в одиночестве, ей придется защищаться собственными руками. А не моими.

Карлштадт. И не руками Спалатина?

Лютер. Не моими, и не Спалатина, и никакими другими человеческими руками. А теперь пойду выпью кружку-другую.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фридрих. Папа шлет специального легата, Мильтица. Возникает вопрос, прятать ли нам Лютера или нет.

Файлич. Я всегда был против. Человек этот полезен только здесь и только пока пишет. Если мы похороним его где-нибудь в глуши, дело погибнет. Ни в коем случае нельзя выпускать его из рук. Он должен оставаться здесь, только так он может быть полезен нам своими сочинениями.

Фридрих *(Спалатину)*. Вы были за то, чтобы его непременно спрятать.

Спалатин. И сейчас того же мнения. Но, может, стоит подождать приезда Мильтица.

Фридрих. Итак, Лютера пока оставляем. Подождем, что предложит Мильтиц.

Спалатин. Мы уже написали Лютеру, что предпочли бы, чтобы он уехал куда-нибудь.

Фридрих. Он отречется.

Спалатин. Он уже произносит прощальные проповеди.

Фридрих. Пусть произносит приветственные.

Спалатин. Он снова толкует о Франции.

Фридрих. Все никак не уймется? Стоит мне сказать «куда-нибудь», ему все слышится «во Францию». Больно он ловок, этот тип.

Файлич. Король Франции мечтает стать германским императором и целыми телегами шлет дукаты через Рейн. Странно, не правда ли?

Фридрих. А может, монаха подкупили?

Спалатин. Не думаю. Он понюхал политики и важничает.

Фридрих. Пусть занимается своей теологией. Политику делаю я. Франция. Ишь, чего захотел.

Файлич. Может, его немного ввести в курс дела? А то в один прекрасный день он наломает дров.

Фридрих. Так и быть. Займитесь этим вы, Спалатин. Уединитесь с ним на недельку в каком-нибудь из моих замков. Но не выкладывайте сразу всего.

Спалатин. Разумеется.

Фридрих. Итак, до приезда Мильтица — никаких военных действий. Пусть опубликует страничку-другую теологических сочинений. Что-нибудь приятное. Ничего воинственного. Исключительно для души.

Спалатин. Но, ваша княжеская милость, мы ведь уже дали делу ход.

Фридрих. Какому еще делу?

Спалатин. Опубликовали брошюру о событиях на Аугсбургском рейхстаге.

Фридрих. Я вас предупреждал — на вашу ответственность.

Спалатин. Откуда же мне было знать, что папа пришлет легата? И кроме того: выдержки из брошюры уже несколько дней лежат в ваших бумагах. *(Берет со стола экземпляр и передает Фридриху.)*

Фридрих. Уж нельзя стало поохотиться между делом. *(Листает брошюру.)* Ох и влипнем мы с вами в историю!

Спалатин. Опровергнуть?

Фридрих. Тоже не выход. Еще подумают, что мы спасовали. *(Читает.)* Фальшивка? Ну, дети мои, так дело не пойдет. Сначала вы крадете тайное письмо папы, потом публикуете его, а потом еще и пишете, что письмо подделано.

Спалатин. Именно потому что... мы думали...

Фридрих. Нет, дети мои, вы в самом деле перестарались. Нельзя же так явно переть на рожон. Они ведь тоже — только человеки. Мало у них из-за нас неприятностей? Это надо непременно убрать.

Спалатин. Уже напечатано.

Фридрих. Пусть цензура вычеркнет это место. *(Возвращает брошюру Спалатину.)* Фальшивка. Ах, дети мои, дети мои, наломаете вы мне дров. *(Уходит.)*

Файлич и Спалатин смотрят друг на друга и пожимают плечами.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Карлштадт. Мы должны держаться вместе и немедленно предпринять дальнейшие шаги.

Меланхтон. Я полагаю, прежде всего следует проанализировать наше положение и обдумать следующий шаг.

Карлштадт. Так я и думал.

Лютер. В первую очередь надо информировать Спалатина.

Карлштадт. Вечно ты носишься со своим двором. Всем известно, чего хочет двор.

Меланхтон. А мы обойдемся без Спалатина? Мне это представляется несколько сомнительным.

Карлштадт. У меня сейчас в Лейпциге диспут с Экком. Получается крупное дело. Мы приобретаем общественную трибуну, и тогда уж мы повоюем.

Лютер. Хорошо. Это я беру на себя.

Карлштадт. Ты? Почему ты?

Лютер. Я умею обращаться с высокими господами. Я-то справлюсь.

Карлштадт. Но Экк напал на мои тезисы.

Лютер. Он имел в виду и мои.

Меланхтон *(Лютеру)*. Так нельзя. Это его диспут и его книга. Он полгода над ней работал. При чем здесь ты?

Лютер. Все это можно отнести и ко мне. Предоставьте уж мне действовать. *(Карлштадту.)* Не хочу я, чтобы ты ввязывался в этот дурацкий диспут. Ты слишком большая умница, чтобы заниматься подобной ерундой. Я думал, Экк напишет о серьезных и важных вопросах, поднятых тобой. Вместо этого он раздувает в великую проблему мои жалкие писания. Но

мне, по воле божьей, не суждено ничего иного, как тратить свою жизнь на суетные склоки.

Пауза. Карлштадт и Меланхтон смотрят друг на друга.

Мюнцер. Эти вопросы несущественны. Разве не следует прямо обратиться к крестьянам, рабочим и бюргерам? Они с нами. Они на нашей стороне, а ведь речь идет о них.

Лютер. Речь идет о теологии.

Мюнцер. Я вижу это иначе.

Лютер. Ты не разобрался.

Мюнцер. Возможно. Но к чему вся теология, когда люди умирают с голоду?

Лютер. Если они жили по-христиански, они попадут на небо.

Мюнцер. Более по-христиански было бы накормить их.

Лютер. При случае расскажи об этом курфюрсту.

Мюнцер. Охотно. Я захвачу с собой несколько тысяч голодных, оборванных крестьян, посмотрим, что он на это скажет.

Лютер. Наш крестьянин — тот же вол, лишь рогов он не завел.

Мюнцер. Если все ваши споры только о том, кто предложит лучшее теологическое обоснование сходства крестьян с волами, то мне не о чем с вами говорить.

Лютер. А тебя никто не звал.

Мюнцер, Карлштадт и Меланхтон уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фридрих — в кресле. Шут стоит на коленях. На помост поднимается Спалатин.

Спалатин. Папский камергер Мильтиц.

Мильтиц *(стремительно преодолевает лестницу)*. Ваша милость, светлейший курфюрст...

Фридрих. Это мой шут. Он умеет показывать кардиналов.

Шут *(хватается за голову, бегает взад-вперед)*. Ах, климат, климат, климат, климат, климат...

Мильтиц. Восхитительно!

Фридрих. И Максимилиана он умеет.

Шут *(роется в карманах)*. Где тут у меня, минутку, у меня был четвертной. *(Мильтицу.)* Одолжи четвертной. Сейчас верну, немедленно. Мы договоримся. Мое императорское слово. Я тебе заложу — сейчас придумаем — мои ледники! За четвертной.

Мильтиц. Восхитительно!

Фридрих. Да.

Мильтиц. Ваша милость, всемилостивейший курфюрст! Святой отец шлет своему сыну во Христе сердечнейший привет.

Фридрих. А что еще?

Мильтиц. Грамоту, согласно которой два ваших внебрачных сына освобождаются от поражений в правах, связанных с незаконным рождением, и тем самым могут быть беспрепятственно назначены на высшие церковные должности.

Фридрих. Принято.

Мильтиц. Я подчеркиваю, самые высокие церковные должности.

Фридрих. Понимаю, принято.

Мильтиц. Кроме того, вам выдаются новые привилегии на ваше знаменитое собрание реликвий. Те верующие, которые внесут соответствующие пожертвования, получат сокращение срока в геенне огненной — по сто лет за каждую реликвию.

Фридрих. Принято.

Спалатин подсчитывает в записной книжке.

Мильтиц. Далее — Золотая Роза Добродетели. Святой отец пишет — куда это я задевал письмо,— ах, вот *(читает)*: «Любезный сын мой, священная Золотая Роза была освящена нами в четырнадцатый день поста: над нею было совершено папское благословение, помазание елеем и каждение. Ее передаст тебе наш любимейший сын Карл фон Мильтиц» — это я — «человек благородной крови и благородных помыслов» — это все я. «Эта роза есть символ драгоценнейшей крови Спасителя нашего, пролитой во искупление наших грехов. А потому, любезный сын мой, пусть божественное благоговение

проникнет в глубину души твоего высочества и да исполнишь ты все, что укажет тебе вышеназванный Карл фон Мильтиц». Вот залоговая квитанция. А сама Роза лежит у Фуггера.

Фридрих разочарованно отбрасывает квитанцию прочь.

Это высшая награда христианского мира.

Фридрих. Безусловно.

Мильтиц. Вручение которой связано с новыми индульгенциями.

Фридрих. Прекрасно.

Мильтиц. Которая дается за добродетельный образ жизни.

Фридрих. То-то обрадуются мои незаконные сыновья.

Мильтиц. Святой отец сожалеет о разногласиях, обнаружившихся в последнее время.

Фридрих. Я тоже. Но что поделаешь. Теология.

Мильтиц. Вы совершенно правы. Мне бы хотелось побеседовать с вашим профессором. Можно это устроить?

Фридрих. Пожалуйста. Говорите о чем хотите.

Мильтиц. Нижайше благодарю за аудиенцию, ваша милость. *(Уходит.)*

Фридрих. Болван.

Шут *(вручает Фридриху сухой цветок).* Вонючая Роза Помойки за третьего незаконного ребенка.

Фридрих. Исчезни. *(Спалатину.)* Вы рассчитали?

Спалатин. На каждую кость накидывается еще сто лет отпущения. Поскольку у нас большой ассортимент, при общем количестве реликвий восемнадцать тысяч девятьсот семьдесят это составит в целом на один миллион девятьсот две тысячи двести два года и двести семьдесят дней.

Фридрих. Один миллион девятьсот две тысячи двести два года. Тысяча пятьсот процентов чистой прибыли с тех пор, как у нас завелся этот Лютер. Видите, Спалатин, в крупные дела стоит крупно инвестировать. Постепенно все окупится.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Лютер и Мильтиц сидят за пивными кружками. Оба выпили, хохочут.

Мильтиц *(целует Лютера в левую щеку, потом обходит его кругом и целует в правую щеку)*. Я их спрашиваю, что они думают о римском престоле, а они говорят: «Откуда нам знать, какие там у вас в Риме столы — может, деревянные, а может, каменные».

Оба смеются, поднимают кружки, чокаются и пьют.

Лютер. Я рад, что вы приехали, Мильтиц.

Мильтиц. Ну, и задали вы хлопот курии, милый доктор. Лет сто уже такого дела не было. Наши бы миллион отдали, только бы замять эту историю. Миллион. Неплохие денежки, а?

Лютер. Меня насильно вовлекли в этот спор. Я действовал только по принуждению. Сцепление обстоятельств. Но можете мне поверить, не по доброй воле я заварил эту кашу. Моей вины тут нет. Бог свидетель.

Мильтиц. Папа изменил порядок выдачи индульгенций, милый доктор. Теперь все происходит в духе ваших тезисов. Так, как вы пожелали.

Лютер. Проклятые тезисы. Не хотел я их распространять. Я собирался обсудить их в нашем университете. С коллегами. А потом выбросить. Но, черт возьми, они вдруг начали вылезать со всех сторон. А ведь я нарочно сформулировал их темно и загадочно — в такой форме, что мне непостижимо, как их понимают.

Мильтиц. Я их по сей день не понял.

Лютер. Вот видите. Мне и самому многое было неясно. Но вдруг — только и слышишь: Лютер да Лютер. А какой переполох среди всех этих знатных господ! Я ничего не понимаю. Мне самому странно, что именно мои тезисы вызвали такой шум. Другие тоже об этом писали. Никогда ничего не происходило. Я сам публиковал тезисы куда острее этих.

Ничего не случалось. А эти вдруг понравились. При всем том — между нами — ничего в них хорошего нет.

Мильтиц. Я думаю, они просто кое-кому на руку.

Лютер. Я ведь сразу же послал их моему епископу, чтобы он вычеркнул все, что захочет, или бросил их в печку, мне не жалко. Но дело сделано. Я хотел даже написать книгу о силе отпущения и тем самым нейтрализовать эти тезисы, которые распространяют помимо моей воли. *(Пожимает плечами, пьет.)*

Мильтиц. Говорят, за этим скрывается курфюрст.

Лютер. Если бы вы там не начали возражать, все бы давно забылось. Никто бы не пикнул.

Мильтиц. Вы требуете от папы слишком многого. Святой отец воистину проявил терпение.

Лютер. Но теперь надо с этим покончить. Если мы будем продолжать спор, история совсем уже приобретет общественный резонанс и из теологических тезисов может выйти нечто серьезное. Поэтому самое лучшее сидеть смирно. Вы будете молчать, я буду молчать. И все дело выдохнется само собой.

Мильтиц. Конечно. *(Пьет.)*

Лютер. Передайте епископу Трирскому, он хороший друг нашего курфюрста, пусть назовет пункты, по которым я заблуждался, и я охотно отрекусь.

Мильтиц. Это не проблема. Я ведь говорю, папа изменил порядок отпущения. Но, может быть, стоило бы издать еще и обращение к народу, чтобы он сохранял верность и послушание церкви.

Лютер. Хорошая мысль. Это я сделаю. Обращение к народу. Верность и послушание. Хорошо.

Мильтиц. В народе беспокойство. Повсюду люди выступают против церкви и властей. Просто страшно. Из четырех человек, которых я опросил, трое — за вас.

Лютер. Не извиниться ли мне еще раз перед папой?

Мильтиц. Было бы неплохо. Начальство это любит.

Лютер. Да, я погорячился. Однако я уже тогда писал папе, что припадаю к его стопам — со всем, что имею и что я есть.

Что жду его одобрения или порицания. Что моя жизнь и смерть в его руках. Что подчинюсь любому решению. А он вешает мне на шею дипломатов.

Мильтиц. Канцелярия. Вы же знаете. Папа хочет мира.

Лютер. Я также. Я готов на все, на любое искушение, только бы прекратить это дело. Я хочу со всем смирением возносить хвалу церкви. Я хочу отречься и молчать во веки веков.

Мильтиц. Брат мой. *(Падает к нему на грудь и целует.)*

Мальчишка-газетчик *(раздает экстренный выпуск новостей)*. Император Максимилиан помер! Император Максимилиан помер! *(У него рвут листки из рук.)*

ПОМОСТ СПРАВА.

Трое господ сидят на стульях. Шварц стоит за пюпитром, пишет. На помост поднимается Фуггер.

Шварц. Чрезвычайное заседание фирмы Якоб Фуггер. Единственный пункт повестки дня: поставка Германии нового императора.

Фуггер *(крестится)*. Восславим Иисуса Христа.

Все. Во веки веков, аминь.

Фуггер. Господа, я вижу трех кандидатов. Король Франции, Фридрих Саксонский и Карл. Вы получили отчет нашего отдела расширения производства. Для наших целей наиболее подходящей кандидатурой является Карл. Он молод, мы можем связать себя с ним на долгий срок. Он гарантирует сохранение наших владений, рудников, металлургических заводов и т. д. Он приносит с собой в дело Нидерланды. Это важнейший торговый центр ближайших десятилетий. Он приносит Испанию и тем самым ртутные рудники. Он приносит Америку, чьи золотые и серебряные копи приобретают все большее значение. Он предоставляет нам возможность овладеть рынком пряностей. Ему придется вести войны. Поскольку значительная часть наших заводов переоборудована на изготовление оружия, нам нужен новый оптовый потребитель. От Максимилиана он унаследовал слабость к артил-

лерии, а наши пушки — товар высокого качества. Кроме того, каждый выстрел — это пятьдесят килограммов меди, а медь, как известно, покупают у нас. К тому же его главным врагом будет папа, а поскольку папа — также наш клиент, мы заработаем вдвое. Ни один из остальных кандидатов не предоставляет нам таких возможностей.

Первый господин. Король Франции много вложил в свое избрание. Большинство курфюрстов приняло его деньги. Значит, они проголосуют за него.

Фуггер. Я поручил передать названным господам, что плачу вдвое против того, что предлагает король Франции.

Второй господин. А Саксонец? У него хорошие шансы.

Фуггер. В смысле внутриполитическом он безусловно сильнее.

Первый господин. Зато способен доставить неприятности. Но он не выводит нас на международную арену.

Фуггер. Да.

Второй господин. Можно ли в таком случае просто переступить через него?

Третий господин. Не советовал бы. Он — ловкая бестия. Его на козе не объедешь.

Первый господин. И он — единственный, кто еще разбирается в общеимперской политике.

Фуггер. Выдающийся политик, без сомнения. Если угодно — единственный у нас. Но я уже достаточно ясно дал ему понять насколько ограниченны его возможности.

Третий господин. Карл дорого обойдется.

Фуггер. Настал час князей. Им надо заплатить по-княжески.

Первый господин. Сколько?

Фуггер. Я полагаю, миллионов сто. Мы образуем консорциум. Но мое решение твердо: мы участвуем в этой сделке. Есть возражения?

Трое господ делают отрицательный жест.

Итак, немецким императором будет Карл. Я закрываю заседание. *(Крестится.)* Восславим Иисуса Христа.

Фуггер и прочие уходят.

Шварц *(заканчивая запись в книге)*. Во веки веков, аминь. Точка. *(Уходит.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Биббиена. Если пройдет Карл, мы можем закрывать нашу лавочку. *(Папе.)* Он сделает тебя своим придворным священником.

Второй кардинал. Может, попытаться еще раз с Францией?

Папа *(отрицательно качает головой)*. Мертвое дело. У Фуггера денег больше.

Второй кардинал. А почему мы не отнимем у Фуггера заказы?

Папа. Потому что тогда Фуггер отнимет у нас свои деньги. Если нас кто еще и может спасти, так этот Саксонец. Ты его знаешь, Каэтан. Как к нему подъехать?

Каэтан. К нему вообще не подъехать.

Биббиена. Но деньги-то он возьмет?

Каэтан. Если не получит ничего лучшего.

Биббиена. Раз уж человека нельзя подкупить, значит, у него вообще нет характера.

Каэтан. Характер у него есть. Но ужасно склочный. Он рассказывает всему свету, что ничего не берет.

Папа. Тогда чего же он хочет?

Каэтан. Спроси меня, чего хочет Карл, чего хочет Генрих Восьмой, чего хочет Франциск Первый, чего хочет султан, но не спрашивай меня, чего хочет этот Фридрих. Только обрадуешься, что пришел с ним к какому-то соглашению, как он начинает совать палки в колеса.

Папа. Да, эта история с Лютером. Знаю. Он положил тебя на обе лопатки.

Каэтан. Мильтица он тоже положит. Он все выпихивает вперед своего Лютера. А с него самого взятки гладки.

Папа. Напишем-ка все же письмо этому Лютеру. *(Второму кардиналу, записывающему под диктовку.)* Пусть приедет в Рим. Я буду снисходителен. Господь сказал, что нет ему радости в смерти грешника, а радость — в обращении. И по-

заботьтесь о том, чтобы ему щедро оплатили дорогу. *(Прочим.)* Чтоб мне его пальцем никто не тронул. Пусть пишет что хочет. Мы его будем беречь как зеницу ока.

Биббиена. А зачем он тебе?

Папа. Поместите его в какой-нибудь замок. Скажем, в Кампанье или еще где. Если он хоть раз в жизни увидит солнце, он по-другому запоет.

Биббиена. Любовные арии?

Папа. Может быть.

Каэтан. Не думаю, чтобы тебе удалось перекупить у Саксонца этого человека. Вот уж было бы чудо.

Папа. Церковь кормится чудесами, как простые смертные — хлебом.

Биббиена. А как насчет чуда с Карлом?

Папа. Не требуйте, чтобы я еще и молился. Почему бы Фридриху не стать немецким императором?

Каэтан. Если он захочет, он им станет.

Папа. Есть у него шансы?

Каэтан. Лучшие, чем у Карла. Он командует немецкими князьями, как ему вздумается.

Папа. Тогда пусть будет императором. *(Второму кардиналу.)* Срочно гонца к Мильтицу. Пусть посетит Фридриха. Напишите курфюрсту, что я полностью на его стороне, что я все для него сделаю. Я признаю его императором, даже если он получит всего два голоса. *(Каэтану.)* Он их получит?

Каэтан. Играючи.

Папа. Итак, всего два голоса, и я сделаю его императором.

Биббиена. А что с Лютером?

Папа. Напишите, что Лютера он может назначить кардиналом и подарить ему большое, нет,— очень большое епископство.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА

Шут стоит на столе в одеянии кардинала.

Фридрих *(смеется)*. Это что?

Шут. Лютер — кардинал. *(Снимает мантию и надевает на голову корону.)*

Фридрих. А это что?

Шут. **Фридрих Саксонский — немецкий император.**

Фридрих *(смеется)*. Недурно. Немецкий император. Два голоса. Это можно устроить. Что скажете, Спалатин?

Спалатин. Я могу говорить откровенно?

Фридрих. За это я вам плачу.

Спалатин. Ваша княжеская милость должны очень серьезно подумать.

Фридрих. Ну так думайте.

Спалатин. Спасибо Лютеру, мы немного пощипали папу. То, что он нам может предложить, у нас уже есть. Ну, еще одна индульгенция, еще одно благословение. На этом не разживешься.

Фридрих. Верно.

Спалатин. Фуггер предлагает семь миллионов и сестру Карла для вашего племянника. Итак: чего нам ждать от папы? Ровно ничего. Чего нам ждать от Фуггера? Многого. Что произойдет, если мы выступим против папы? Ровно ничего. Что произойдет, если мы выступим против Фуггера? Многое.

Фридрих. Тоже верно. А что может сделать Фуггер?

Спалатин. Все. Если мы сорвем ему избрание Карла, он с нами рассчитается. Может, мы и продержимся года два, но он нас прикончит.

Фридрих. Неверно. Мы не продержимся и года. Но что нам потом делать с Карлом? Когда такой мальчишка получает трон, он сразу начинает воображать, что весь мир принадлежит ему.

Спалатин. А разве это не преимущество? Карл владеет столькими землями. Везде восстания, неприятности с дворянством, войны с Францией, с папой. Ему будет не до Германии. Сделает нам несколько визитов, и все. А во время его отсутствия делами в империи будет заправлять ваша княжеская милость. Следовательно, что изменится? Ничего.

Фридрих. Тоже верно. Но если мне этого мало?

Спалатин. Обусловьте избрание Карла жестким договором, который ограничил бы его права.

Фридрих. А если договор будет настолько жестким, что он практически не сможет править?

Спалатин. Ваш голос — самый важный. Вам они подпишут все.

Фридрих. Но император, который не может править,— что это такое?

Спалатин *(подумав)*. Придется создать Имперский совет. Да-да, я понимаю!

Фридрих. Меня это радует. Небольшой Совет избранных, которые будут управлять Германией.

Спалатин. А поскольку в этом Совете вы так или иначе — первое лицо, Германией будете управлять вы. Только без титула. Но зато вы получите семь миллионов и породнитесь с сестрой императора. Хорошая сделка.

Фридрих. Я с удовлетворением отмечаю, что вы у меня научились думать. *(Вынимает из кармана бумагу.)* Вот договор с условиями избрания.

Спалатин *(берет договор)*. Вас назовут Фридрихом Мудрым.

Фридрих. Надеюсь.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Карл V и Маргарита — на кушетке. Она читает ему вслух.

Маргарита. Макиавелли, «Князь», глава восемнадцатая. «В какой степени властелин должен держать свое слово. Опыт учит, что в наше время более всего достигают те правители, которые не обременяют себя честностью и опутывают людей ложью. Они всегда имеют преимущество перед теми, кто действует согласно закону. Надобно знать, что существует два рода оружия. Закон и сила. Таким образом, правитель должен быть одновременно и лисицей и львом. Умный правитель не может и не должен держать свое слово, если тем самым он вредит себе. Ибо никогда еще правители не испытывали недостатка в законных основаниях, чтобы оправдать нарушение своего слова. Тому можно привести

бесчисленные примеры из новейшего времени и показать, сколько было нарушено мирных договоров и обязательств. Тот, кто лучше умел прикинуться лисой, легче всех выходил сухим из воды. Надо только уметь придавать лисьей природе невинный вид и мастерски владеть искусством ханжества и притворства. Властелину вовсе не обязательно обладать добродетелями, но обязательно делать вид, что он ими обладает. Так, властелин должен выставлять напоказ мягкость, верность, человечность, справедливость, но в случае необходимости обращать их в их противоположность. Особенно недопустима для него богобоязненность. Ибо люди вообще судят по внешности. Каждый видит то, чем властелин хочет казаться. Лишь немногие понимают, каков он в действительности, но эти немногие не дерзают противоречить мнению, каковое, помимо всего, имеет на своей стороне поддержку государства».

На помост поднимается Гаттинара.

Гаттинара. Ваше величество, Фуггер платит, и Фридрих согласен. Тем самым вы — властелин Европы и всего остального мира.

Маргарита. За исключением нескольких мизерных стран.

Карл. Их я завоюю. Как ты меня учила, тетя. *(Отводит в сторону ее колено.)* Нижняя Италия уже моя. *(Отводит другое колено.)* Потом я захвачу Верхнюю Италию. *(Лезет ей под юбку.)* А потом я делаю — цап! И папа в моих руках.

Маргарита. Но, ваше величество, разве это не опасно?

Карл. Не для меня. Для папы.

Маргарита. А Швейцария?

Карл. А где она находится?

Маргарита. Чуть повыше.

Карл *(хватает ее за грудь)*. Здесь?

Маргарита. Ах, ваше величество!

Карл. Горы. У нас будут потери.

Маргарита. А Франция?

Карл. Францию я положу на лопатки. *(Опрокидывает Маргариту на спину.)* Чего еще не хватает?

Маргарита. Нападения.

Гаттинара. Гм... Гм...

Карл *(поворачивается)*. Политика, Гаттинара. Надо признавать реальности. *(Снова садится.)*

Гаттинара. Я вижу, мадам — сторонница тактики опрокидывания.

Маргарита *(выпрямляется)*. Императора надо как можно раньше посвятить в суть дела.

Карл. Тетя всегда помогала мне во всех неотложных делах.

Гаттинара. Мадам располагает большим опытом в том, что касается неотложных дел.

Маргарита. И его следует передать молодежи.

Гаттинара. Непременно.

Карл. А иначе откуда бы я узнал, где находится Швейцария?

Гаттинара. И как надо цапать папу.

Маргарита. И побеждать Францию.

Гаттинара. Ах, это он уже умеет. Ваше величество, я не вижу препятствий на пути к вашему правлению.

ПОМОСТ СПРАВА.

Перед помостом стоят Фридрих, Альбрехт и пять других курфюрстов. Фуггер и Шварц — на помосте.

Шварц *(подводит баланс)*. Самый дорогой император, который когда-либо был у нас.

Фуггер. Сколько?

Шварц. Восемьдесят пять миллионов сто девяносто одна тысяча восемьсот. Только то, что проходит по книгам.

Фуггер. Значит, я правильно оценил наших князей.

Шварц. Крупная инвестиция.

Фуггер. Напомните мне пожертвовать на часовню. Заключая крупные сделки, надо выделять долю богу. В целях предосторожности.

Шварц. Куда это занести? Под рубрику «Ипотеки» или под рубрику «Доля участников»?
Фуггер. Под рубрику «Контрольный совет».
Шварц. Начнем выплачивать?

Фуггер кивает.

(Громко.) Деньги для подкупа!

Ни один курфюрст не трогается с места.

Фуггер. Рукопомазание.
Шварц. Фу ты, никак не научусь. *(Громко.)* Рукопомазание!

Курфюрсты торопливо взбегают на помост. Шварц остается на заднем плане со своей бухгалтерской книгой. Курфюрсты выстраиваются перед ним в шеренгу. Альбрехт стоит первым.

(Дает Альбрехту чек.) Ваш чек.
Альбрехт. И четвертое епископство.

Фуггер кивает.

И сан кардинала-легата.

Фуггер кивает.

(Дает Шварцу свой избирательный бюллетень.) За Карла.
Шварц выдает чек первому курфюрсту.

Первый курфюрст. Минуточку. *(Проверяет сумму.)* Все правильно. *(Отдает свой бюллетень.)* За Карла.
Второй курфюрст. Еще два миллиона.
Фуггер. Нет.
Второй курфюрст. Тогда я спрошу свою совесть.
Фуггер. Мы купили Зиккингена. Он осадил город. У него очень боеспособный отряд.
Второй курфюрст. У меня тоже есть отряды. *(Выходит из шеренги.)*

Шварц выдает чек третьему курфюрсту.

Третий курфюрст *(отдает ему свой бюллетень)*. За Карла.

Четвертый курфюрст *(та же игра)*. За Карла.

Пятый курфюрст *(та же игра)*. За Карла.

Второй курфюрст *(подходит к Шварцу)*. Я спросил свою совесть. Миллион.

Фуггер *(показывает ему бюллетени)*. Мы уже получили большинство. Я мог бы несколько уменьшить вашу долю.

Второй курфюрст *(берет чек и бросает бюллетень)*. За Карла.

На помост поднимается Фридрих.

Шварц. Ваш чек.

Фридрих *(берет чек)*. Вы, конечно, только возвращаете мне старый долг?

Фуггер. Какой долг?

Фридрих. Старый. Надо лучше вести книги.

Фуггер. Разумеется. Все к услугам клиента.

Фридрих. А тайна вклада сохраняется?

Фуггер. Как всегда.

Фридрих собирается уходить.

Князь. Ваш бюллетень.

Фридрих. Пардон. *(Дает бюллетень Шварцу.)* За Карла. По убеждению.

Фуггер. Господа, вы можете отправляться в часовню, где свершится избрание императора.

ПОМОСТ СЛЕВА.

На помосте маленький стол и несколько табуретов.
Перед помостом два фанфариста. Курфюрсты торжественно всходят на помост. На помосте, лицом к публике,— гофмейстер. Собирается народ. Ударяет колокол.

Гофмейстер. Никто да не устранится. Таков старый обычай. Когда прозвучит колокол, падем на колени и всем сердцем

взовем к господу, дабы он ниспослал свою милость на курфюрстов и они избрали императора, который будет угоден всемогущему, Священной Римской Империи Германской Нации и всем нам.

Народ падает на колени и молится.

Курфюрсты начали заседание.
Фридрих и двое других курфюрстов садятся. Фридрих вынимает колоду карт, тасует и раздает. Прочие курфюрсты со скучающим видом стоят рядом.

Курфюрсты отдают свои голоса.

Фридрих. Восемнадцать, двадцать, туз, тройка, четверка, семерка, тридцать.

Прочие курфюрсты пасуют.

(Берет карты.) Христианская игра — крести козыри, господа. *(Сдает.)*

Альбрехт. Здесь воняет. Не слышите? Жутко воняет.

Фридрих. Заткнись.

Второй курфюрст *(заглядывая через плечо одного из играющих)*. Короля, давай короля. Чудак, он ведь на крестях играет.

Фридрих. В чем дело, господа, мы уже начали?

Гофмейстер. У Фридриха Саксонского возникли сомнения.

Четвертый курфюрст. А потом пойдем выпить?

Пятый курфюрст. Что же еще.

Альбрехт. Знаете анекдот? Выходит голый епископ из исповедальни...

Фридрих. Крести, крести, крести. *(Бросает карты на стол.)*

Гофмейстер. Курфюрсты считают голоса. Молитесь господу. Молитесь.

Фридрих *(подсчитывает взятки)*. Двадцать четыре, тридцать, сорок пять, пятьдесят, шестьдесят восемь. Этого достаточно, господа? Дешевая игра.

Гофмейстер *(кричит)*. Избран Карл!

Фанфары, колокола, звуки органа. Курфюрсты спускаются с помоста. Народ приветствует их возгласами ликования.

ПОМОСТ СПРАВА.

Карл лежит, положив голову на колени своей тетки, а ноги на кресло.

Гаттинара *(поднимается на помост)*. Карл Пятый, божьей милостью император Священной Римской Империи Германской Нации, августейший Римский король Испании, Германии, Сицилии, Иерусалима, Венгрии, Далмации, Хорватии, Болеарских, Канарских и Индийских островов, а также материка по ту сторону океана, эрцгерцог австрийский, герцог Бургундии, Брабанта, Штирии, Каринтии, Краины, Люксембурга, Афин и Неопатрии, граф Габсбургский, граф Фландрии, Тироля, пфальцграф Бургундии, Хеннегау, Пфирта, Руссильона, ландграф Эльзаса, князь Швабии, повелитель Азии и Африки.

Карл *(считает на пальцах)*. Правильно. Карл Пятый тра-та-та-та-та-та-та. Мило, не правда ли, тетя?

Маргарита. Очень мило, котик.

Карл. А есть ли у кого-нибудь более длинный титул?

Гаттинара. Что-то не припоминаю, ваше величество.

Карл. Его счастье. А то мне пришлось бы его обезглавить.

Гаттинара. Ваше величество! Так как господь ниспослал вам в своей неизреченной милости возвышение надо всеми королями и князьями, даровав державу, равной которой не владел никто со времен Карла Великого, то вы — на пути к мировому господству.

Карл. Во славу божью.

Гаттинара. А разве я не сказал этого?

Карл. Я ничего не слыхал.

Гаттинара. Ну тогда — во славу божью, для воссоединения всего христианства под скипетром единого властелина.

Карл. Властелина?

Гаттинара. Пардон, пастыря, конечно. Под скипетром единого пастыря. Теперь — программа правления. Смирение и страх божий.

Карл. Ясно.

Гаттинара. Выступать во всем величии. Если тебе ничего не приходит в голову — молчи. Все подумают, что у тебя умные мысли.

Карл. Карл Молчаливый.

Гаттинара. Выполнение договоров и обязательств, но только не во вред себе.

Карл. Карл Верный.

Гаттинара. Разумные законы, порядок в финансах.

Карл. Карл Предусмотрительный?

Гаттинара. Что касается герба, то им может быть только двуглавый орел со щитом в центре или щитами по всему полю. Печати различные — в зависимости от страны. Для всех значительных и тайных дел — личная печать его величества, император на троне — непременно со скипетром и державой, императорский герб — справа, королевский герб — слева. Для Бургундии — крест святого Андрея или колонны Геркулеса.

Маргарита. Лучше колонны, душка.

Гаттинара. Кроме того, небольшой тайный совет.

Карл. Его составите вы оба и Эразм.

Гаттинара. Эразм?

Карл. У него прекрасные идеи.

Маргарита. Эразм не приедет.

Карл. Деньги.

Гаттинара. Деньги-то деньги, но ради денег он не приедет.

Карл. Но я так хочу!

Гаттинара. Но он не хочет.

Карл. Интеллигент. Дерьмо.

Гаттинара. В общем, резюмирую: будь щедр, нечестен, лжив, нарушай слово и немного сдерживай себя.

Карл. В чем?

Гаттинара. Это пусть тебе тетушка объяснит. Теперь — о распорядке дня. Наиболее важными делами заниматься утром, сразу как встанешь или за утренним туалетом.

Карл. В этом тетушка и так всегда мне помогает.

Маргарита. Не переутомляйте ребенка. Он еще такой слабый.

Гаттинара. Вот-вот. Может, мадам будет столь великодушна и припомнит?

Маргарита. Что?

Гаттинара. Двое мужей мадам умерли от упадка сил.

Маргарита. Они не жаловались.

Гаттинара. Но, может быть, вы смогли бы несколько пощадить германского императора. Этот титул стоил нам слишком много денег.

Маргарита. Почему женщины должны вечно жертвовать собой?

Гаттинара. Карл, несомненно, предоставит в ваше распоряжение полк лейбгусар.

Маргарита. Ты сделаешь это, котик?

Карл. Подумаю.

Гаттинара. Боевое подразделение, если позволите дать вам совет.

Карл, Маргарита и Гаттинара сходят с помоста. В середине сцены они встречают идущих им навстречу Фридриха и прочих князей.

Карл. Дядюшка.

Фридрих. Мой дорогой мальчик.

Обнимаются.

Я так горжусь.

Карл. Я не понимай по-немецкии. Ты говорить французиш?

Фридрих. Не понимай.

Карл. По-испански?

Фридрих. Не-э, я по-саксонски.

Карл. Я править только с дядюшка.

Ф р и д р и х. Хороший мальчик. Милый мальчик. *(Немного тише.)* Когда свадьба?

К а р л. Свадьба?

Ф р и д р и х. Твоя сестра обещана моему племяннику.

К а р л. Не понимай.

Ф р и д р и х. Свадьба, сестра, племянник.

К а р л. Я сегодня праздновать.

Ф р и д р и х. Я тебе покажу «праздновать», ах ты...

К а р л *(хватает Фридриха за руку).* Спасибо за поздравление.

Ф р и д р и х. Договор с условиями избрания.

Один из князей передает ему грамоту.

Все свободы и привилегии немецких курфюрстов сохраняются. Князья формируют имперское правительство. Без нашего одобрения не ведется ни одна война, не заключается ни один союз, не подписывается ни один договор, не созывается ни один рейхстаг, не вводится ни один налог. Никаких чужеземных войск на территории Германии. Все, что будет добыто на войне, принадлежит нам. Все должности занимать имеют право только немцы. Рейхстаги устраиваются только в Германии. И еще: ни один немец не подлежит суду вне пределов империи. Кроме того, никто не объявляется вне закона без допроса, а лишь после законного судебного процесса. Это ясно?

Г а т т и н а р а. Этот пункт — персонально для Лютера?

Ф р и д р и х. Лютер — кто? Не понимай.

К а р л. Испания хорошо.

Ф р и д р и х. Ты обещать. Договор.

Карл поднимает руку для присяги.

Повторять за мной. *(Тише.)* Так как же со свадьбой?

К а р л. Не понимай.

Ф р и д р и х. Ты обещать.

К а р л. А пошел ты...

Ф р и д р и х *(громко).* Да поможет мне бог.

К а р л. Да поможет мне бог.

Гаттинара. А не собираетесь ли вы заодно надеть на него наручники?

Фридрих *(показывает на договор)*. Этого достаточно.

Маргарита. Послушайте, а как же мальчик будет править?

Фридрих. Разве я — император?

Гаттинара и Маргарита с остальными князьями отходят на задний план.

(Отводя Карла в сторону.) Скажи-ка, меня курфюрсты просили узнать, как у тебя насчет женщин?

Карл. Женщин?

Фридрих. Да. Мои коллеги полагают... ходят слухи... ты ведь еще очень молод... Ты понимаешь?

Карл. Женщина хорошо.

Фридрих. Разумеется. Я только думаю... то есть, женщины думают... то есть... в конце концов, это ведь очень важно!

Карл. Женщины? Не понимай.

Фридрих. Значит, нет никакого кардинала? Значит, ты, карамба, умеешь с женщинами... *(Щелкает пальцами.)* Вот так.

Карл. А, спать?

Фридрих. Именно.

Карл *(оборачивается и кричит)*. Тетушка, тетушка! *(Убегает в глубину сцены.)*

Фридрих. Странный мальчик.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фридрих поднимается на помост. Спалатин ожидает его.

Фридрих. Что нового?

Спалатин. Лютер. *(Передает ему письмо.)*

Фридрих. Опять какая-нибудь пакость?

Спалатин. Он затеял спор с епископом Мейссенским.

Фридрих. О господи! За что я плачу этому человеку? Чтобы он препирался с разными епископами и профессорами? Да он с ума сошел! Только смуту сеет — а толку никакого.

Епископа Мейссенского оплачивает другая партия — понятно, что он придерживается другого мнения. И вообще прекратите эту мышиную возню. Лютер напишет всем епископам и принесет свои извинения. Письма показать мне. Я требую, чтобы все, что он пишет, контролировалось и корректировалось. Пусть передает сюда все свои письма и рукописи. Я сыт всем этим по горло.

Спалатин. А как быть с письмом папы Лютеру?

Фридрих. Ах да, ведь папа предлагает ему мир.

Спалатин. И деньги на дорогу.

Фридрих. Затеряйте письмо.

Спалатин. А если Лютер о нем узнает?

Фридрих. Никакого письма сюда не приходило. Этого только не хватало. Стоит ему прочесть два-три дружеских слова папы, и он тут же поползет к распятию. С меня довольно истории с Мильтицем. Я думал, что приобрел борца за дело божье, а этот борец так и норовит уйти в кусты. Какая бесхарактерность. И именно сейчас. Слыхали последние новости? Гуттен, Зиккинген, рыцари. Эти господа сколачивают собственную партию. В интересах нации, видите ли. Единая германская империя под эгидой сильного императора Карла, а князей на виселицу.

Спалатин. Речь идет только о церковных владениях.

Фридрих. А о чем еще? Надо же как-то замаливать грехи. Завязли по уши в долгах. Им только и спасения, что церковное добро.

Спалатин. Я получил сведения, что они хотят привлечь на свою сторону вашу княжескую милость.

Фридрих. Потому что у меня есть этот Лютер.

Спалатин. Они надеются на вашу поддержку.

Фридрих. Спасибо, тут уж я без них справлюсь. Фуггер был прав. Конъюнктура смещается. Раз индульгенции больше не идут, лучше сразу прибрать к рукам всю церковь. Вам известно, что две трети земельных владений в Германии принадлежат церкви? Две трети! Вы когда-нибудь подсчитывали, сколько на моей земле монастырей, церквей, собо-

ров? И все они битком набиты сокровищами и произведениями искусства, которые скапливались там годами. Драгоценные ризы. Сосуды из золота и серебра. Это миллиардное дело. Сделка столетия. Мне она снится ночами. Но мне нужны основания. Прочные законные основания. Жалоб у меня достаточно. Навалом. Постановления рейхстагов. Отчеты Максимилиану. Книги Гуттена. Но это жалобы. А мне нужны обоснования. Я не могу просто так прикарманить церковное имущество. Это нужно суметь объяснить. Гуттен говорит: нация. Я христианский князь. Я могу конфисковать только при условии, что делаю богоугодное дело.

Спалатин. Я засажу за работу всю команду. Меланхтон на этом деле собаку съел.

Фридрих. Но чтоб все — под именем Лютера. Он введен в игру, а хорошую марку нельзя менять. И кроме того, у него такой подкупающий мужицкий стиль. В своем священном гневе он клеймит позором несправедливость, а это всегда производит впечатление.

Спалатин. Но эта молодежь понятия не имеет о деловой стороне вопроса.

Фридрих. Дайте им отчеты. И предоставьте в их распоряжение человека, который разбирается в делах. Эти господа должны мне так истолковать слово божье, чтобы от него для меня толк был и чтобы народу это было понятно.

Спалатин. Народ поймет, если ему скажут: нация.

Фридрих. Кто говорит — нация, имеет в виду деньги.

Спалатин. Кто говорит — христианство, тоже имеет в виду деньги.

Фридрих. Скажем: христианство и нация — и возьмем вдвое.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Лютер. Папа ответил?

Спалатин. Нет.

Лютер. Он отлучит меня?

Спалатин. Не исключено.

Лютер. Я же всегда заявлял, что готов на все. За что меня отлучать? Я столько раз обещал слушаться церкви. Я в любой момент готов отречься от своих взглядов. Как решит церковь, так я и поступлю. Я же написал папе, что сделаю все, что он хочет. Почему же он не отвечает?

Спалатин. Бог знает.

Лютер. Но он мог бы по крайней мере выслушать меня. Нельзя же так просто взять и отлучить человека от церкви.

Спалатин. Да, такие уж это люди.

Лютер. Я профессор теологии. Моя обязанность обсуждать тезисы. Все профессора это делают. Почему же я в особом положении?

Спалатин. Вы много писали.

Лютер. Мои книги. Их популярность только злит меня. Я бы хотел, чтобы все они раз и навсегда исчезли.

Спалатин. Поздно. Теперь вы уже «тот самый Лютер».

Лютер. Я хочу только одного — отделаться от моей профессуры и забиться в какой-нибудь угол. Я заведую этой кафедрой против воли. У меня сплошные неприятности. Поговорите с курфюрстом. Пусть он освободит меня.

Спалатин. Курфюрст выставит меня за дверь, если я сунусь к нему с таким предложением. Кстати, у него для вас есть интересное новое задание. Чистая политика. Никакой теологии.

Лютер. Из-за вашей политики меня в один прекрасный день сожгут живьем.

Спалатин. Положитесь целиком на курфюрста.

Лютер. А если курфюрст изменит свое мнение?

Спалатин. Я верю его слову.

Лютер. Прекрасная вера. Будем молиться, чтоб господь нам ее сохранил.

Спалатин. До сих пор о вас заботились.

Лютер. До сих пор.

Спалатин. Чего вы хотите? Перейти к другому курфюрсту? Его мнение тоже может измениться. Вернуться обратно в лоно церкви? Вот уж ее-то мнение твердо.

Лютер. Сукин сын этот папа, осел вонючий, сатана, сифилитик, бешеный пес, зарвавшаяся свинья.

Спалатин. Вот это правильный тон. *(Уходит.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Гуттен *(восклицает)*. Лютер!

Лютер. Гуттен!

Они обнимаются.

Гуттен. Ты — герой нации. Все еще не на костре?

Лютер. Курфюрст охраняет меня.

Гуттен. Я бы не очень на него надеялся.

Лютер. Что ты имеешь в виду?

Гуттен. Разное говорят.

Лютер. Что именно?

Гуттен. Может выдать.

Лютер. Кто говорит?

Гуттен. Всё слухи. Ничего точного. Просто не очень-то полагайся на князей. Эти господа — народ непостоянный.

Лютер. На кого же полагаться?

Гуттен. Переходи к нам, в партию рыцарей. Зиккинген охранит тебя. Он предлагает тебе убежище в своем замке.

Люттер. Вот это новость.

Гуттен. У меня новостей много. Вот письмо от Шаумбурга. Он предоставляет в твое распоряжение сто рыцарей. Для личной охраны.

Лютер *(берет письмо)*. Сто рыцарей. *(Смеется.)* Сто рыцарей!

Гуттен. А за ним стоит Зиккинген со своим войском.

Лютер. И я в любое время могу приехать в замок?

Гуттен. В любое. Переходи к нам. Мой девиз: «Жребий брошен. Я дерзнул».

Лютер. Тогда и для меня жребий брошен. Я презираю римскую курию, и ее благосклонность, и ее гнев. Я отвергаю примирение, я не желаю иметь с ними ничего общего. Пускай они теперь приезжают, эти римские попы. Пускай угро-

жают, пускай льстят. Я не желаю впредь иметь с ними ничего общего.

Гуттен. А если тебе опубликовать воззвание? Ты знаменит. Ты уважаем. Люди верят тебе.

Лютер. Очень кстати все получается. Я и сам собирался написать воззвание к дворянству.

Гуттен. Можешь доверить мне свои планы.

Лютер. Пора настала. Надо наконец вымести весь этот мусор. Я напишу такое воззвание, что народ валом повалит за нами.

Гуттен. И прежде всего напиши то, что люди хотят услышать. И напиши, что они тоже должны дерзнуть. Эту церковь надо вымести прочь. И еще — церковные князья. Им надо задать перцу.

Лютер. За этим дело не станет.

Гуттен. Надо также узнать мнение Фридриха. Присоединяется ли он к нам, сохраняет ли нейтралитет, и можно ли будет в случае нужды отступить на его территорию. Если он с нами, наше дело выиграно.

Лютер. А если нет?

Гуттен. Не бойся. За нами — все дворянство, а ты приведешь народ. У нас достаточно и оружия и кулаков. Твое дело — только писать. Очень много писать. Овчинка стоит выделки, поверь мне.

Лютер. И я в любое время могу приехать в замок Зиккингена?

Гуттен. Можешь целиком положиться на Зиккингена. *(Показывает письмо.)* Сто человек уже готовы драться за тебя.

Лютер. За партию рыцарей.

Гуттен. За свободу, за отечество и за церковное имущество.

Лютер. Так пусть же они не думают, что дело евангельское можно творить без шума, недовольства и мятежа. Из меча не сделать веника, из войны не сделать мира. Слово божье есть пóрча и яд, меч, война и мятеж.

Гуттен. Вот это правильный тон. *(Уходит.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Лютер *(передает Спалатину пачку писем)*. Вот тридцать благодарственных посланий от князей и других высоких особ за разосланную мною книжицу с воззванием к благородному дворянству. Высокие особы очень довольны мною.

Спалатин. Мы также, милый доктор, мы также. Курфюрст как раз пишет папе по вашему делу.

Лютер. Что он пишет?

Спалатин. Он продолжает притворяться глупым. Он настаивает, чтобы вам указали на ваши ошибки.

Лютер. Прекрасно. Может быть, курфюрст упомянет также, что мои взгляды широко распространены в Германии, что силой и отлучением папа ничего не достигнет. Он может даже написать, что я считаю своим долгом предупредить папу. Немцы народ упрямый, и дразнить их небезопасно.

Спалатин. Это объявление войны.

Лютер. Это произведет впечатление на трусливых собак. Может быть, вы заодно покажете курфюрсту вот это письмо. Один из друзей предоставляет в мое распоряжение сто рыцарей, для охраны.

Спалатин. Интересно.

Лютер. Я очень желал бы, чтобы курфюрст и об этом написал папе. Пусть папа знает, что отлучение только ухудшит дело. В Германии есть мужи, которые хотят и могут защитить меня. А под защитой этих рыцарей я буду выступать еще резче, чем под защитой курфюрста. Тогда я не должен буду считаться с его мнением.

Спалатин. На кого же вы собираетесь произвести впечатление — на папу или на курфюрста?

Лютер. Я просто ставлю в известность. А уж выводы делайте вы. Впрочем, некоторые полагают, что курфюрст должен добиться от императора эдикта, согласно которому я не могу быть объявлен вне закона.

Спалатин. Вы и с другими партиями торгуетесь на этот предмет?

Лютер. Я? Я ничего не знаю. Что вы хотите этим сказать?

Спалатин. В замке Зиккингена ужасные сквозняки. Я бы не рекомендовал вам отправляться туда. Швейцарское предложение я бы тоже отклонил, даже если они предлагают много денег.

Лютер. Мне предлагают помощь.

Спалатин. И все же я посоветовал бы вам не покидать Виттенберга.

Лютер. Разве я в плену у курфюрста?

Спалатин. Курфюрст защищает своих земляков от всех опасностей. Кроме того, я рекомендовал бы вам прочесть учебник по артиллерии. Глава чертвертая. Разрушение рыцарских замков.

Лютер. Дорогой Спалатин, я во всем полагаюсь на бога.

Спалатин. Я рад за вас.

Лютер *(кланяется)*. Мой верноподданнейший поклон его княжеской милости.

Спалатин уходит.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фридрих и Шут, который сидит у него на коленях.

Шут *(причитает)*. Господи Иисусик, господи Иисусик, господи Иисусик.

Спалатин с книгами поднимается на помост.

Фридрих. Ну и голосок. Влюбиться можно. *(Спалатину.)* Неужели мне все это читать?

Спалатин. Ваша княжеская милость насаждает профессоров,— следовательно, ваша княжеская милость пожинает книги. Такова их месть.

Фридрих. Ах, ребятки, не мучьте меня.

Спалатин втискивает книгу ему в руку.

Нет, нет, не хочу. Ребятки, давайте лучше сыграем в карты или споем.

Спалатин раскрывает одну из книг.

Я ничего в этом не понимаю. Христианскому дворянству германской нации.

Спалатин. Ваша княжеская милость извлекли на свет божий Лютера. Ваша княжеская милость должны хоть раз его прочесть. Рейхстаг в Вормсе не за горами. Мне нужны ваши указания.

Фридрих. Завтра. Завтра прочту. Да, вспомнил, мне как раз нужно было...

Спалатин. Прочтем вместе. Милость господня да пребудет...

Фридрих. Переверните страницу.

Спалатин. Следует посвящение императору.

Фридрих. Собственно говоря, я собирался на охоту.

Спалатин. Милость господня да пребудет...

Фридрих. Это я уже слыхал.

Спалатин. Не угодно ли будет вашей княжеской милости...

Фридрих. Нет, не угодно. Мне угодно знать, могу ли я присвоить себе церковь или нет. Простой вопрос. Простой ответ.

Спалатин. Тогда — да.

Фридрих. Хорошо. А как?

Спалатин. Мы нашли простой ход. Мы все — священники.

Фридрих. Не злите меня, Спалатин.

Спалатин. Обет безбрачия, разумеется, отменяется.

Фридрих. О, вот это уже разговор.

Спалатин. Каждый, кто был крещен,— священник. Духовным лицом становятся так же, как становятся бургомистром.

Фридрих. Ребятки, ребятки, разве так бывает?

Спалатин. В Библии не сказано ничего противоположного, а мы проштудировали ее от доски до доски.

Фридрих. Ну, если не сказано. Итак, все священники.

Спалатин. Далее: если мы все — священники, то нам не нужно особое духовное сословие. Это значит, что не нужны священники, а с ними и римская церковь. Существует только светская власть и только светское право. Духовное право мы можем сжечь.

Фридрих. Ребятки, ребятки.

Спалатин. Библия.

Фридрих. А как я получу деньги?

Спалатин. Мы откопали теорию чрезвычайного положения. Если церковь не в состоянии выполнить свой долг, задача светской власти — реформировать церковь. Правда, с другой стороны, если не справляется светская власть, церковь может вмешаться. Но второе положение мы опустили. И из чрезвычайного права власти мы сделали долг власти.

Фридрих. Такое чрезвычайное положение может оказаться очень, очень кстати. Значит, я буду реформировать церковь. Ну, а как я получу деньги?

Спалатин. Мы опубликовали особое сочинение. О вавилонском пленении церкви. В нем мы доказываем, что, собственно говоря, существуют только два таинства. Крещение и причастие.

Фридрих. А остальные?

Спалатин. Излишни. В Библии о них ни слова. И тем самым все наши любезные попы и монахи оказываются безработными. Ибо чем же им заниматься, если почти все таинства отпадают? Им придется уйти. И тем самым все церковные сборы, пожертвования и доходы освобождаются. Имущество немецкой церкви может быть использовано для других целей.

Фридрих. А чтобы денежки не попали в неправедные руки, я возьму их в свои, ибо я христианский князь и мое право и мой долг реформировать церковь. И никто не может ко мне придраться, так как я тоже священник. Что ж, чистая работа.

Спалатин. Ваша княжеская милость великолепно разобрались в существе дела.

Фридрих. И при всем том — это религия.

Спалатин. Исключительно религиозные дела.

Фридрих. Да. Все на свете — только вопрос упаковки. Сколько вы весите?

Спалатин. Семьдесят четыре кило.

Фридрих. Многовато. Сколько вам лет?

Спалатин. Тридцать три.

Фридрих. На каждый свой день рождения вы будете получать золотые гульдены по числу исполнившихся лет. В ваших интересах я надеюсь, что вы состаритесь у меня на службе.

Спалатин. Ваша княжеская милость слишком добры.

Фридрих. Знаю. Ну, а если кто-нибудь заявит, что все это не так?

Спалатин. Мы сошлемся на слово божье. Мы, как верующие христиане, строго придерживаемся слова божьего. А против слова божьего, как известно, возражать трудно.

Фридрих. А папа?

Спалатин. Разумеется, мы предусмотрели исключения.

Фридрих. Ах, можно делать исключения?

Спалатин. Ну конечно. Папа может спокойно оставаться. И кардиналы.

Фридрих. Это хорошо. В таком случае мы выводим их из-под линии обстрела.

Спалатин. Для дворянства также будут сделаны исключения. Например, монастырские владения могут использоваться как пансионы для княжеских сыновей.

Фридрих. Это обрадует отцов. А о Карле вы подумали?

Спалатин. Мы оговариваем, что королевство Неаполь принадлежит не папе, а императору.

Фридрих. Это обрадует Карла. А Фуггер?

Спалатин. Все ярмарки и паломничества отменены. Все праздники, кроме воскресенья, упраздняются.

Фридрих. Это обрадует Фуггера.

Спалатин. Кроме того, народ должен поменьше жрать и пить, а больше работать.

Фридрих. Фуггер будет просто счастлив.

Спалатин. Потом еще несколько приятных слов насчет университетов. Нам эти господа понадобятся. Кое-что против ростовщиков, это для рыцарей. Немного о помощи бедным — для народа. Сначала нужно обратиться ко всем. Потом рассортируем.

Фридрих. А это не слишком революционно?

С п а л а т и н. Отнюдь нет. Это консервативно. Мы берем деньги, все прочие получают слово божье.

Ф р и д р и х. А простые люди?

С п а л а т и н. Воспитываются в духе прилежания, скромности, послушания и живут в страхе божьем. Кроме того, они должны повиноваться властям и трудиться в поте лица своего. И это вы называете революцией?

Ф р и д р и х. Да как будто нет.

С п а л а т и н. Тогда передаю эти книги вашей княжеской милости. *(Отдает ему книги.)*

Ф р и д р и х. А если кто-нибудь все-таки будет несогласен?

С п а л а т и н. Не могу себе представить князя, который возражал бы против этих сочинений.

Ф р и д р и х. А если кто вздумает плясать под римскую дудку?

С п а л а т и н. Ничего страшного. Хоть мы и рекомендуем всевозможные изменения, но они не обязательны. Все может идти, как шло. Так или этак. Полностью на усмотрение вашей княжеской милости.

Ф р и д р и х. Значит, я не обязан вводить изменений?

С п а л а т и н. Нет.

Ф р и д р и х. Но если я пожелаю, мой священный долг — конфисковать имущество церкви.

С п а л а т и н. Да.

Ф р и д р и х. Значит, это только вопрос веры?

С п а л а т и н. Только вопрос веры.

Ф р и д р и х. Ну, если так, будем молить господа, чтобы он просветил нас и даровал нам истинную веру.

С п а л а т и н. Теперь насчет Вормса. Ваша милость имеет определенные виды на Лютера?

Ф р и д р и х. О да. Я знаю разных господ, которые уже давно ищут истинной веры. *(Возвращает книги Спалатину.)* Прочтете мне вслух по дороге в Вормс. Вместе со всеми предисловиями.

Оба уходят.

Ш у т *(причитает)*. Господи Иисусик, господи Иисусик. *(Уходит.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Спалатин вручает Лютеру грамоту.

Лютер. Отлучение?

Спалатин. Только угроза. Курфюрст желает, чтобы вы написали энергичное возражение.

Лютер. Лучше бы промолчать. Иначе из-за нашей собственной излишней активности отлучение в один прекрасный день обретет силу. Лучше всего предоставить событиям идти своим чередом. Тогда все уляжется само собой.

Спалатин. Князь желает, чтобы вы написали возражение в двух вариантах. По-латыни и по-немецки. Латинский, пожалуйста, порезче, для ученых. Немецкий помягче. Мы не хотим вызывать излишнее беспокойство в народе.

Лютер. Если бы вы так не настаивали, я положился бы на волю божью и не сделал бы больше ни шага.

Спалатин. Теперь мы начинаем дело в Вормсе. Вероятно, вы предстанете перед рейхстагом и не отречетесь. Более точные указания последуют позже.

Лютер. Меня могут сжечь?

Спалатин. Скорее, сгорят другие.

Лютер. За себя я не боюсь. На все воля божья. Я всем сердцем рад пострадать за доброе дело.

Спалатин. Тем лучше.

Лютер. Поэтому я напишу императору, что и не подумаю являться на рейхстаг.

Спалатин. Что?

Лютер. В случае, если мне надо только отречься.

Спалатин. Не понимаю.

Лютер. Но, дорогой Спалатин, это все равно как если бы я уже был в Вормсе и снова вернулся в Виттенберг. Можно туда и не ездить. Отречься я могу и здесь.

Спалатин. Вы хотите отречься?

Лютер. Нет, нет. Можете быть спокойны, я не отрекусь ни от единого слова. Но я бы очень не хотел, чтобы император запятнал начало своего правления моей кровью. Известно

ведь, что после сожжения Гуса императора Сигизмунда преследовали несчастья. Ему ничего более не удавалось. Он умер, не оставив наследника, его внук погиб, его имя забыто, его супруга стала блудницей. И прочее такое. Надеюсь, император знает об этом.

Спалатин. Вы отречетесь или нет?

Лютер. Да.

Спалатин. Что — да?

Лютер. Конечно, да! Вы можете целиком на меня положиться. *(Показывает на грамоту.)* Я напишу, что эта булла подделана.

Спалатин. Она подлинная.

Лютер. Но так удобнее аргументировать. *(Хочет уйти.)*

Спалатин. Эй. А Вормс?

Лютер. На то воля божья.

Спалатин. Да или нет?

Лютер. Если император хочет убить меня, я, конечно, приеду. Хотя мне было бы приятнее, чтобы моею кровью обагрили свои руки паписты.

Спалатин. Дорогой доктор, я должен вас жестоко разочаровать. Ни император, ни папа, ни кто-либо еще не жаждет вашей крови.

Лютер. Вот видите, Спалатин. Не полагайтесь на князей. Все суета сует. Ничего другого я и не ожидал.

Спалатин. Я поставлю курфюрста в известность.

Лютер. Верноподданнейше умоляю его княжескую милость о благосклонности и заверяю, что и в дальнейшем буду подчиняться ему со всем смирением.

Спалатин. Но в Вормс вы не едете?

Лютер. Разве я это сказал? Если император позовет меня, в том проявится воля божья. А слову божьему я должен следовать хотя бы и против вашей воли.

Спалатин. Против моей воли?

Лютер. Да. Тогда мне придется ехать в Вормс, даже если вам это будет и не по нраву. Бог мне свидетель, я хочу быть смиренным и покорным и слушаться императора. Будь то

жизнь или смерть, честь или позор, польза или вред. Для меня все едино. А потому я прошу его княжескую милость похлопотать перед императором, чтобы мне была предоставлена охранная грамота и чтобы я не подвергался преследованиям и поруганию.

Спалатин. Вы получите деньги, советников, охрану, императорский конвой.

Лютер. Я прошу не за себя, мне ничего не нужно. Это ведь дело не мое, дорогой Спалатин. Речь идет о благе христианства и германской нации.

Спалатин. Разумеется.

Лютер. Но вас мне жаль, Спалатин. И его милость, курфюрста, тоже.

Спалатин. Это еще что?

Лютер. Вы слышали слово божье и вняли ему, и вы не можете, не рискуя вечным спасением, отречься и оставить дело. Мы должны позаботиться о том, чтобы вы не оказались в числе тех, кто предает слово божье. *(Откланивается.)* Я молюсь за императора, за нашего курфюрста, за моих любезнейших господ и повелителей. *(Уходит направо.)*

Спалатин в полном недоумении садится на ступень лестницы.

Файлич *(входит, передает Спалатину письмо)*. Новости из Вормса. С Лютером все ясно?

Спалатин. Да. Нет. То есть, я думаю... в общем, как ни верти... слово божье.

Файлич. Случилось что-нибудь?

Спалатин. Да вроде бы — нет, но... тут все дело в слове божьем.

Оба уходят.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Лютер. Снова надо составлять возражение. Я этим папистам надаю по роже их же буллой.

Меланхтон. Я бы обождал.

Л ю т е р. Да. Я бы тоже предпочел, чтобы дела шли своим чередом. Но надо же и других принимать в расчет.

К а р л ш т а д т. Совещался со Спалатином?

Л ю т е р. Я знаю, у тебя зуб на придворных.

К а р л ш т а д т. Вспомни, ты начал это дело во имя Иисуса Христа.

Л ю т е р. И что?

К а р л ш т а д т. Оно слишком легко может обернуться в пользу курфюрста.

Л ю т е р. Ты не прав, Карлштадт. Если я и связываюсь с князьями, то лишь потому, что, оказывая мне услуги, они приобретают заслугу перед словом божьим и через то спасаются.

К а р л ш т а д т. Вот я и говорю.

Л ю т е р. С тобой невозможно дискутировать. Кстати, я еду в Вормс.

М е л а н х т о н. Ты сошел с ума?

Л ю т е р. Да, такой уж я человек. Уперся на своем — и еду. Знаю, мне предстоит мученическая смерть, но я не боюсь.

К а р л ш т а д т. И я бы поехал, имей я там столько друзей. Гуттен и партия рыцарей, Фридрих и партия князей. Партия городов. На улицах — добрый немецкий народ. Осанна.

Л ю т е р. Не тебе издеваться над моим подвижничеством. Не тебе. Ты вообще не имеешь представления об истинном величии.

К а р л ш т а д т. В этом ты прав. Я человек простой.

Л ю т е р. Мы одержим победу над папой и императором. Мы победим князей и будем презирать их. А теперь пойду выпью кружку-другую. Приглашаю вас. *(Карлштадту.)* Даже тебя.

М е л а н х т о н. У тебя есть деньги?

Л ю т е р. Я получил из разных мест. Всего пятнадцать тысяч.

М е л а н х т о н и К а р л ш т а д т *(вместе)*. Что?

Л ю т е р. Половину я уже роздал. Боюсь, бог хочет вознаградить меня. Я ведь ясно и понятно сказал, что либо верну их сразу же, либо промотаю.

М е л а н х т о н. Ты вернул?

Л ю т е р. Нет. Следовательно, должен промотать. *(Хохочет.)*

Все уходят.

ПОМОСТ СПРАВА.

Музыка. Идет подготовка к рейхстагу.

Карл *(развалившись в кресле).* Этот идиотский рейхстаг.

Маргарита. Но мы ведь скоро уезжаем.

Карл. Вомс. Вомс.

Маргарита. Вормс.

Карл. Ворм. Вормс. Я совсем расклеился.

Маргарита. Мой малыш.

Карл. И эта мигрень. С тех пор как я в Германии, что-то словно сдавливает мне голову.

Маргарита. Дурацкая корона. *(Снимает с его головы корону. Опрыскивает платок духами и кладет Карлу на лоб.)*

Карл. Ах, тетя. Мне бы так хотелось стать великим человеком. Как стать великим, тетя?

Маргарита. Это уж мы устроим.

Карл. Слава и почести. Надо совершить нечто великое. Все равно что. Подвиг или что-нибудь такое. Надо же подумать о грядущих поколениях. Мне бы хотелось оставить по себе достойную память.

Маргарита. Лучше всего война.

Карл. Карл Пятый. Карл Пятый. Ну что за честь — быть пятым Карлом. Карл — какой? Нужно, чтобы что-то произошло. Что-то потрясающее. Карл — какой? Смотри, тетя, у меня уже растет борода.

Маргарита. Как очаровательно.

Гаттинара *(поднимается на помост).* Я не помешал?

Карл. Опять ты с бумагами. Я хочу наконец вести войну. Сиди весь день сиднем и подписывай договоры. Осточертело.

Гаттинара. К сожалению, бог создал договоры прежде войн.

Карл. Дай мне коня, дай мне знамя, и я поведу народы на вечную войну.

Гаттинара. Народы, но не князей.

Карл. Ах, эти немецкие князья. Я атакую их первых.

Гаттинара. Я бы не советовал. Надо начинать войну, когда ты сильнее.

Карл. Сто раз слышали.

Гаттинара. У тебя нет денег и нет солдат.

Карл. У меня есть земли.

Гаттинара. Но больше ничего.

Маргарита. Кстати о землях. Совсем забыла. У меня есть для тебя сюрприз, малыш.

Карл. Можно — угадаю? Гм... Уже есть. Гм... Тоже есть. Что бы это могло быть?

Маргарита. Я купила тебе Вюртемберг.

Карл. Вюртемберг? Ах да, Вюртемберг. Как это мило с твоей стороны. А где это?

Маргарита. Недалеко от Швейцарии. Что надо сказать?

Карл *(делает поклон)*. Приветствую моих дорогих вюртембержцев. Кто заплатил?

Гаттинара. Фуггер.

Карл. Потрясающе! Похоже, у него есть деньги.

Гаттинара. Зато Испания для нас почти потеряна.

Карл *(Маргарите)*. То, что ты пристраиваешь спереди, он, кажется, теряет сзади. Договорились бы уж как-нибудь.

Маргарита. Если бы мы не купили Вюртемберга, он достался бы Швейцарии. Там прогнали бы всех управителей, и Германия превратилась бы в одну сплошную республику.

Гаттинара. Мадам переоценивает швейцарцев. Лучше бы мы заботились об Испании. А то у нас и там заведется демократия.

Маргарита. Испания — это по вашей части.

Гаттинара. Но, мадам, это вам приспичило ехать в Германию.

Маргарита. Мальчик хотел получить свою корону.

Карл. В чем дело?

Маргарита. Политика, детка, политика. Только не возбуждайся.

Карл надевает на голову корону.

Да сними ты эту штуку! У тебя от нее головные боли.

Карл. Это моя корона! Гаттинара, докладывай.

Гаттинара. С Испанией дела плохи. Гражданская война.

Карл. Я перенесу это с королевским спокойствием.

Гаттинара. У нас есть доказательства, что за этим скрывается папа.

Карл. Вот сволочь.

Гаттинара. Король Франции использовал момент и вторгся в Испанию и Голландию.

Карл. И он сволочь.

Гаттинара. Мы должны действовать. Предлагаю напасть на французов в Милане. Мы захватим Верхнюю Италию, вся Италия будет нашей, а Франция потеряет плацдарм.

Карл. Выступить против папы и против короля Франции? Ты же только что сказал: начинай войну, если ты сильнее,— или как там?

Гаттинара. Все дело в союзниках — вот ответ государственного мужа. Пусть немецкие князья дадут нам солдат, и пусть папа выступит на нашей стороне.

Карл. А как это устроить?

Гаттинара. Ну, сначала я дам сигнал Фуггеру, это всегда полезно. А потом займусь всерьез этим Лютером.

Карл. Этим дурацким монахом?

Гаттинара. Он принадлежит к партии князей. В этом деле замешана также партия рыцарей и города. Курия дрожит, едва заслышав его имя. Вот письмо нашего римского посланника. Он рекомендует взять Лютера под наше покровительство. Располагая его проповедями, мы доставим множество неприятностей папе.

Карл. Лютер — важная фигура.

Гаттинара. И поэтому мы должны его использовать. Дядюшка собирается привезти его с собой на рейхстаг. Мы не сможем это предотвратить, даже если и захотим. Поэтому пригласим его туда официально. Тем самым мы намекнем папе, что существует религия, которая может оказаться для нас более выгодной. Если пол-Европы поверит Лютеру, нам не понадобится маршировать в Рим. Нас туда на руках отнесут. Не успеем оглянуться, как папа будет наш.

Карл. Хорошо. Передай папе, что если будет путаться не в своё дело, то я ему устрою такую путаницу, что он ее не вдруг распутает. Пусть немедленно уберет свои лапы от Испании. И пусть подпишет со мной договор о нападении на Францию.

Гаттинара. Оборонительный пакт.

Карл. Но мы же собираемся нападать.

Гаттинара. Это называется оборонительный пакт.

Карл. Ну ладно. Пакт о защите, помощи и дружбе. И распусти слух, что Лютер приведет мне сто тысяч человек, которые горят нетерпением двинуться на Рим.

Гаттинара. Будет незамедлительно исполнено. *(Хочет уйти.)*

Карл. Гаттинара.

Гаттинара. Что, мой мальчик?

Карл. А нельзя перетащить к нам этого Лютера?

Гаттинара. Этим мы и занимаемся. *(Уходит.)*

Карл *(показывает на корону)*. Тетя, больше не жмет.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фуггер стоит на коленях в молельне, держа в руках четки, он молится. Шварц поднимается на помост.

Шварц. Известия из Вормса. Карл желает, чтобы вы приехали.

Фуггер. Я привык, что мои должники сами являются ко мне.

Шварц. Может быть, вам все-таки следовало бы...

Фуггер. Рейхстаг всегда происходит в моем доме. Молодой человек собирается ввести новую моду. Что ж. Пусть попробует. Посмотрим, как ему это удастся.

Шварц. Надо поговорить с ним о его долгах.

Фуггер. Сколько у него не погашено?

Шварц. Шестьдесят миллионов.

Фуггер крестится.

Сорок миллионов мы выкачаем из Австрии. Это еще реально. Но двадцать миллионов в испанских государственных займах.

Фуггер. Это тоже реально.

Шварц. Я бы отклонил, бумаги ненадежны. Бог знает, кто завтра будет править Испанией.

Фуггер. Карл. Я дам ему несколько пушек, он уладит это дело. И посчитайте ему по восемь процентов.

Шварц. С императора мы берем льготные проценты.

Фуггер. Именно так.

Шварц. Максимилиан платил пять.

Фуггер. Но он приезжал в Аугсбург.

Шварц. Значит, вы не едете в Вормс? У Карла обширные планы.

Фуггер. Обширные планы стоят денег, а деньги здесь. Пускай залезет в долги. В очень большие долги. А потом посчитаемся. Уж я об этом позабочусь. И закройте счет папскому нунцию.

Шварц. Но папа только что внес сто тысяч. На подкуп... на рукопомазания против Лютера.

Фуггер. Вот этот счет и закройте. Без денег нунций не многого добьется в Вормсе.

Шварц. Вы верите в Лютера?

Фуггер. Я верю в деньги и удачные сделки. Вы написали папе?

Шварц. Да, письмо отправлено.

Фуггер. Будем молить бога, чтобы он правильно понял наши счета, и тогда у нас скоро снова начнется священная война.

Шварц уходит. Фуггер продолжает молиться.

ПОМОСТ СПРАВА.

Папа. Они же все смеются над вопросами веры. Лютер — шут, он им нужен, чтобы сделать игру. Давайте играть и мы. Фридрих его использует. Карл его использует. Используем его и мы.

Каэтан. Ты — папа.

Папа. Я должен Фуггеру восемь миллионов, а не могу выплатить даже процентов. Я уже заложил ему мое самое цен-

ное кольцо. А он вдруг предлагает мне двадцать миллионов кредита. Конечно же, я их возьму.

Каэтан. Кредит на покупку немецких наемников.

Папа. Главное, у нас будут деньги.

Каэтан. Ты в самом деле собираешься заключить союз с Карлом?

Папа. Разве у меня есть выбор? Если он заключит союз с немцами, они войдут сюда через две недели. Карл сам по себе — это уже достаточно скверно. Но Карл и Германия — это наш смертный приговор.

Биббиена. Они в состоянии собрать Вселенский собор и сбросить нас.

Папа. Им нельзя дать объединиться. Ни в коем случае. Карл должен публично объявить Лютера вне закона. Непременно. Тогда мы раскалываем их на два лагеря, и Германия разделена.

Биббиена. А если после этого Карл появится у ворот Рима, в его тылу окажутся немецкие князья с Лютером. И у нас будет полная возможность задать ему перцу.

Папа. В случае необходимости я издам буллу. Немецкая национальная церковь, как во Франции,— почему бы и нет? Пожалуй, это выход. Нам надо благодарить этого Лютера.

Биббиена. Слава Лютеру — спасителю римской церкви и папы.

Папа. Напишите Карлу, что, если он объявит Лютера вне закона, мы устроим ему договор против Франции. В противном случае — нет.

Каэтан. Слава папе римскому — покровителю немецкой реформации.

Биббиена. Мы еще причислим Лютера к лику святых.

Папа. Только бы он не отрекся. Во имя отца и сына и святого духа.

Все. Аминь.

Папа. Я его благословляю.

Все уходят.

Карл, Гаттинара, Маргарита, Фридрих, Шут и князья появляются в центре сцены.

Шут *(причитает)*. Господи Иисусик, господи Иисусик...

Все вежливо аплодируют.

Карл *(Фридриху)*. Очень здорово, дядюшка. Исключительно.

Фридрих. Дай, думаю, займемся разок культурой. А то — одни выпивки.

Карл. Исключительно.

Фридрих делает знак. Шут передает Карлу букет цветов.

Шут. О, благородная юная кровь,
О Карл, германский кайзер!
Да снидут на нас мир и любовь,
Храни тебя боже, наш кайзер!

Все. Ура, ура, ура.

Карл. Очень мило. Как ты звать?

Шут. Клаус-шут.

Карл. Настоящим я открывать всеобщее собрание немецкий рейхстаг. Дядюшка, мы видеться потом.

Фридрих. Непременно.

Карл, Гаттинара и Маргарита поднимаются на правый помост. Фридрих, Спалатин, Альбрехт и некоторые князья — на левый.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Альбрехт. Послушай, этот Лютер пишет, что вы собираетесь закрыть бордели.

Фридрих. Так и написано?

Альбрехт. Вот, смотри. *(Показывает ему место в тексте.)*

Фридрих. О самых важных вещах узнаешь в последнюю очередь.

Альбрехт. Какое свинство. Мои бордели только что наладили работу.

Фридрих. Можно сделать исключение.

Альбрехт. Весьма надеюсь.

Служанка приносит на помост пивные кружки.

Князья. А! *(Пьют.)*
Альбрехт. Знаете анекдот? Выходит епископ голый из исповедальни...
Фридрих. Господа, с вашего позволения, займемся культурой. Построиться!

Князья строятся, образуя хор.

(Занимает место дирижера.) Настроим голоса.

Князья пробуют голоса.

Князья. Ла-ла-ла-ла. Пам-пам-пам...
Фридрих *(хлопает в ладоши)*. Господа, прошу вас, серьезней. Все в унисон, пожалуйста. Я слушаю.
Первый князь. Ничего для народа.
Второй князь. Ничего для рыцарей.
Третий князь. Ничего для городов.
Четвертый князь. Ничего для императора.
Пятый князь. Все для нас.
Фридрих. А имущество церкви?
Все князья. В наши карманы.
Фридрих. Теперь в полный голос. Лютер прибывает на рейхстаг. Один за всех. Все за одного.
Второй князь. А он выдержит?
Фридрих. Предоставь это мне.
Третий князь. Он не должен пользоваться излишней популярностью у народа. Это нехорошо.
Фридрих. Он скоро потеряет популярность.
Альбрехт. Я против.
Фридрих. Против чего?
Альбрехт. Против Лютера.
Фридрих. Сказано тебе, можно делать исключения.
Альбрехт. А я против.
Фридрих. Заткнись, болван.

Альбрехт. Сам болван.

Фридрих берет пивную кружку и бьет ею Альбрехта по голове. Альбрехт падает.

Первый князь. Господа, господа! Культура!

Альбрехт пытается подняться. Фридрих берет вторую кружку.

Альбрехт. Я всегда был за Лютера.

Фридрих *(ставит кружку)*. Недурной камертон.

Первый князь. Один за всех. Все за одного. Ведь ничего лучше Лютера у нас пока нет.

Второй князь. Я взял в долг четыре миллиона в расчете на церковные владения.

Третий князь. А мне продлили вексель только под залог церковного имущества. Если я его срочно не получу, мне грозит распродажа с молотка.

Четвертый князь. Если Лютер отречется, мы все банкроты. *(Альбрехту.)* Так чего же ты хочешь?

Альбрехт *(кричит)*. Но ведь у меня только и есть, что церковные имения! Если вы конфискуете имущество церкви, я по миру пойду! Я же кардинал!

Фридрих. Я сказал, можно делать исключения.

Альбрехт. Как это?

Фридрих. Лютер что-нибудь придумает. Ты изложи ему свой казус.

Альбрехт. А если он ничего не придумает?

Фридрих. Придумает. Ручаюсь. В теологии все можно.

Альбрехт. Так бы сразу и сказал.

Фридрих. Ну, значит, единогласно. *(Поднимает руки.)*

Первый князь. Господи, как подумаю, что сегодня вечером отделаюсь от долгов!

Фридрих дирижирует.

Князья *(поют хором)*. Мы здесь собрались для деяний достойных...

ПОМОСТ СПРАВА.

Г а т т и н а р а. Нам нужно шесть тысяч легкой кавалерии, две тысячи тяжелой кавалерии. Тридцать тысяч солдат, пятьдесят пушек с канонирами и порохом и по двести штук ядер на каждую пушку. А также саперы.

К а р л. Когда мы начнем войну?

Г а т т и н а р а. Не войну. Освободительную акцию. Мы освобождаем Италию.

К а р л. А когда?

Г а т т и н а р а. Как только освободим Испанию.

К а р л. Моя первая война.

Г а т т и н а р а. Это как первая женщина. К этому привыкаешь.

К а р л. Меня от женщин уже просто тошнит.

М а р г а р и т а встает и уходит.

Г а т т и н а р а. С женщинами — это проходит. А войны остаются. Для холостяка война, что для женатого — жена.

К а р л. А почему — война?

Г а т т и н а р а. Почему?

К а р л. Да. Почему?

Г а т т и н а р а. Надо подумать.

К а р л. Ну, подумай.

Г а т т и н а р а. Положим, войну можно проиграть. Она стоит много денег. Земли истощены. Но разве это аргументы, скажи на милость? В конце концов, долг императора — добывать честь и славу. Если бы войны вдруг прекратились, никто бы этого не понял. Все ждут войны. Нельзя разочаровывать подданных, они перестанут тебя уважать. Они хотят жертвовать собой ради тебя. Ты защищаешь правое дело.

К а р л. Какое?

Г а т т и н а р а. Твое! Сам бог на твоей стороне, и сохранять мир значит искушать всевышнего. Нет, нет. Мир — это богохульство. Мальчик мой, ты просто сбиваешь меня с толку.

К а р л. Я обещал мир.

Г а т т и н а р а. Но это и есть разрыв между идеалами и личными интересами, вполне оправданными для правителя. Король

Франции, чтобы начать войну, заключает союз даже с турками. А ведь они неверные.

Карл. А мы?

Гаттинара. Мы заключаем союз с персами.

Карл. Почему?

Гаттинара. Они враги турок.

Карл. И неверные.

Гаттинара. Да.

Карл. А кроме них — много еще врагов и неверных?

Гаттинара. Мир еще не исследован до конца. Но эта система, без сомнения, может быть развита.

Карл. Дерьмо ты, а не государственный деятель.

Гаттинара. Прости, не расслышал.

Карл. А что говорит папа?

Гаттинара. Он поставляет шестнадцать тысяч солдат и предлагает тебе корону Неаполя, если ты объявишь Лютера вне закона.

Карл. Если я объявлю Лютера вне закона, я не получу от князей ни пфеннига и ни единого солдата.

Гаттинара. Так называемый дипломатический пат. Надо собрать конференцию на высшем уровне. Твоя первая великая задача, Карл.

Карл. С сегодняшнего дня — ваше величество.

Гаттинара кланяется. Фридрих и Карл сходят вниз со своих помостов. Спалатин и Гаттинара следуют за своими повелителями.

Фридрих. Сейчас я обставлю этого сопляка.

Карл. Сейчас я обставлю этого толстяка.

Подходят друг к другу и обнимаются.

Карл. Дядюшка.

Фридрих. Карл, мой мальчик.

Садятся на два стула у рампы. За спинками стульев встают Спалатин и Гаттинара.

Как дела?

К а р л. Хорошо, хорошо.

Ф р и д р и х. Как поживает тетушка?

К а р л. Старая уже. *(Пауза.)* Дядюшка. Я иметь государственный проблем.

Ф р и д р и х. Я тоже. С тебя еще три миллиона.

К а р л. Да.

Ф р и д р и х. Деньги. Три миллиона.

К а р л. Фуггер.

Ф р и д р и х. Фуггер говорит Карл.

К а р л. Фуггер.

Фридрих встает.

Дядюшка, сердиться — нет. *(Гаттинаре.)* Дядюшка три миллиона.

Гаттинара кланяется.

Да?

Ф р и д р и х. Я слушаю.

К а р л. Я иметь деньги.

Ф р и д р и х. Лютер предстанет перед рейхстагом.

К а р л. Я иметь солдаты.

Ф р и д р и х. Требования рыцарской партии и народа отвергаются.

К а р л. Я и папа союзник.

Ф р и д р и х. Вся власть — князьям.

К а р л. Лютер отрекаться?

Ф р и д р и х. Нет.

К а р л. Хорошо. Я объявить Лютер вне закона.

Ф р и д р и х. В Германии распоряжаемся мы.

К а р л. Я могу на тебя положиться?

Ф р и д р и х. А я могу на тебя положиться?

К а р л. Сколько денег? Сколько солдат?

Ф р и д р и х. Никаких денег, только солдаты. С тех пор как твой покойный дед пропил жалованье, предназначавшееся для стотысячной армии, мы поставляем только товар.

К а р л. Вы имперское правительство Германии. Я одобрять.

Фридрих. Плевать мы хотели на твое одобрение.

Карл. Дядюшка. Я император.

Фридрих. Избранный нами. Мною.

Карл. Император!

Фридрих. Если будешь финтить, твоя песенка спета.

Карл. Я сохранять лицо!

Фридрих. Это мы вполне понимаем. Мы готовы признать тебя как верховного главу и соответственно оказывать тебе поддержку, но Германия принадлежит нам.

Карл. А Лютер! Папа хочет эдикт, а то нет война.

Фридрих. Как же быть?

Спалатин. Император может издать эдикт только с разрешения имперских сословий. Если в этом дело.

Фридрих. Дело в этом. Карл, малыш, послушай! Как только Лютер выступит, у меня случится приступ подагры и я уеду. Мои друзья тоже уедут — без подагры. Тем самым коллегия курфюрстов и этот рейхстаг окажутся неправомочными, и ты сможешь издавать какие хочешь эдикты. Все будет недействительным.

Карл. Папа тоже знать, когда райхстаг закрыться.

Гаттинара. Можно внести небольшую поправку. Мы датируем эдикт задним числом. Днем, когда райхстаг еще был полностью правомочным.

Фридрих. Пожалуйста. Эдикт все равно будет недействительным. Поскольку он не будет представлен на одобрение рейхстага, он не войдет в число постановлений и не будет иметь никакой законной силы. И прошу тебя, не присылай мне этой бумаги. К чему мне недействительные документы? Они только обременяют администрацию.

Карл. Ты хотя бы прочесть.

Фридрих. То, чего я не видел, для меня не существует. Я знать не знаю ни о каком эдикте. А то потом мне придется доказывать общественности, что ты подписал незаконный документ. Приятного мало.

Карл. Хорошо. Мусорная корзина. Но Лютер тоже немедленно исчезать.

Фридрих. Это мы урегулируем.

Они встают и обнимаются.

Карл. Дядюшка.
Фридрих. Карл, мой мальчик.
Карл. Лютер не отрекаться. Ясно?
Фридрих. Все ясно.

Расходятся в разные стороны.

Карл. Он думает, что обставил меня.
Фридрих. Он думает, что обставил меня.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Карл. Этот Лютер — опасное оружие. Хорошо бы заполучить его в свои руки.
Гаттинара. К нему не подберешься, ваше величество. Фридрих с него глаз не спускает.
Карл. Есть у меня одна идея. Не пора ли снова собрать Собор?
Гаттинара. Давно пора, ваше величество.
Карл. Папа терпеть не может соборов, а?
Гаттинара. Собор для него страшней чумы. Ведь Собор может сместить папу и выбрать другого.
Карл. Другого папу, который будет делать то, что я хочу. И не будет диктовать мне условий договоров.
Гаттинара. Собор — это было бы прекрасно.
Карл. Надо перетянуть Лютера на нашу сторону. У тебя есть возможность заслужить орден.
Гаттинара. У меня уже все есть.
Карл. Тогда смотри, как бы всех их не лишиться.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Фридрих. Лютер приехал наконец?
Спалатин. Только что прибыл.
Фридрих. Держится?
Спалатин. Не очень. У него вдруг объявились всевозможные болезни.

Фридрих. Ни на минуту не оставлять его без охраны.

Спалатин. Я выделил для этого сто человек. Дом, в котором он остановился, занят нами. Двое наших лучших людей ночуют с ним в комнате.

Фридрих. Чтоб не вздумали спать.

Спалатин. Если позволите, я посоветовал бы вам немного поддержать его. Он боится.

Фридрих. Все равно его время прошло. Он свое дело сделал. Очень похвально, очень мило. Мы его арестуем. Скажите ему, что я его спрячу, если он не отречется. Возьмите двух-трех верных людей. На обратном пути разыграйте нападение и отправьте его в надежное место.

Спалатин. Он уже давно мечтает о каком-нибудь замке. Мы могли бы отвезти его в...

Фридрих. Никаких названий. Ничего. Я ничего не знаю. Понятия ни о чем не имею.

Спалатин. Но мы можем — независимо от Лютера — побеседовать о достоинствах ваших замков.

Фридрих. Это другое дело.

Спалатин. Например, Вартбург — красивая, спокойная крепость. Кругом густые леса, людей мало, помещения прекрасные. Короче, для человека, который вдруг захотел бы уединиться, лучшего места не придумаешь.

Фридрих. Согласен с вами. Но о Лютере я ничего не знаю. Клянусь пред лицом всемогущего, я к этому делу непричастен.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА

Во время следующих сцен все понемногу отходят в глубину сцены и стоят на помостах спиной к публике. В центре остается свободный проход. Входит Лютер. Все вежливо аплодируют. Гаттинара направляется к Лютеру.

Гаттинара. Мой дорогой доктор! Я восторженный поклонник ваших книг.

Л ю т е р. Я рад.

Г а т т и н а р а. Да-да. Весьма интересные сочинения. Конечно, встречаются преувеличения, но о них можно было бы поговорить особо — или нет?

Л ю т е р. Я готов. Готов ко всему. Я всегда заявлял, ваше... простите... ваш титул?

Г а т т и н а р а. Не важно. Все мы люди.

Л ю т е р. Я бы охотно... Я не могу здесь...

Г а т т и н а р а. Понимаю. *(Отводит его в сторону.)* Если вы опасаетесь ваших саксонских друзей, я мог бы предложить вам богатый приход недалеко от одного замка и под защитой императора. Там бы мы с вами договорились. Есть столько возможностей. Мы бы полностью во всем следовали вашим пожеланиям. Например, что вы думаете относительно созыва Вселенского Собора?

Л ю т е р. Я требую его вот уже много лет подряд.

Г а т т и н а р а. Чудесно. Тогда можно было бы сместить этого ужасного папу и спокойно диспутировать о ваших книгах.

Л ю т е р. Я был бы готов замолчать. Немедленно.

Г а т т и н а р а. Вот видите. Вас несправедливо предают анафеме. Вы совсем не тот, за кого вас принимают.

Л ю т е р. Если бы все это понимали, ваше превосходительство. Я бы хотел...

С п а л а т и н *(подходит)*. О чем вы беседуете?

Г а т т и н а р а. О погоде.

С п а л а т и н. Интересная тема.

Г а т т и н а р а. Да. Думаю, пойдет дождь.

С п а л а т и н *(Лютеру)*. Вы тоже так думаете?

Л ю т е р *(смущен)*. Не знаю.

С п а л а т и н. Вы позволите? *(Отводит Гаттинару в сторону.)*

К Лютеру подходит П о й т и н г е р.

Л ю т е р. Доктор Пойтингер!

П о й т и н г е р. Дорогой доктор, что вы вытворяете? Вы все взвесили?

Л ю т е р. Что вы имеете в виду?

Пойтингер. Неужели вы хотите предать Германию в руки этих головорезов? Ваши проповеди только помогают им набивать карманы.

Лютер. Я придерживаюсь Библии.

Пойтингер. Ох, уж эта ваша Библия! Там много чего написано. Вы отвергаете непогрешимого папу, но зато связывате нас непогрешимой книгой. Папу можно сменить. Книгу — нельзя. Вы должны отречься. Что будет с этой страной? Две религии. Война всех против всех. Неужели вы никогда не читали Эразма? Князья сразу же начнут резню.

Лютер. Я вообще уже ничего не понимаю.

Пойтингер. Говорю вам, эти господа такое натворят в Германии, что у нас у всех волосы дыбом встанут.

Лютер. Я ничего не могу изменить.

Пойтингер. А кто же?

Лютер. Дорогой доктор, я лишь один из самых малых в моей партии. Другие много значительнее. Ничего не выйдет, даже если я отрекусь, потому что те, кто значат более меня, и те, кто много превосходят меня ученостью, молчать не станут. Они будут, несмотря ни на что, продолжать дело. *(Смотрит в землю. Вытирает рукавом глаза.)*

Подходит Спалатин и оттесняет Пойтингера в сторону.

Спалатин. Погода?

Пойтингер. Я думаю, будет дождь. *(Уходит.)*

Спалатин *(Лютеру.)* Вам не следовало бы так много говорить. А то попадете из огня да в полымя. Курфюрст и так уже недоволен, что вы опоздали. Несмотря на ваши заверения.

Лютер. Я, право же...

Спалатин. Вы, право же, целую неделю проваландались в Виттенберге, хотя вам был предоставлен императорский конвой.

Лютер. Я плохо себя чувствовал. Я болен.

Спалатин. Расскажите это вашему врачу. Вы получили инструкции?

Лютер. Да.

Спалатин. Хорошо. Если вы отречетесь, я не ручаюсь за вашу жизнь.

Лютер кивает.

Убирайтесь.

Несколько вооруженных людей отводят Лютера назад по свободному проходу. Спалатин следует за ними. Входит мойщик окон, он напевает песню.

Шут. Закрытое заседание.

Мойщик окон. Я собирался вымыть стекла. Они уже там?

Шут. Все, кому положено.

Мойщик окон. Что они там могут выяснить, если они даже не видят дневного света? Чтобы увидеть все как есть, нужны свет и ясность. Лютер тоже там?

Шут. Один против всех.

Мойщик окон. Ну, значит, скоро начнется. Наконец-то нашелся человек, который отважится сказать этим важным господам всю правду в глаза.

Шут *(гадает на пуговицах)*. Отречется. Не отречется. Отречется. Не отречется. Отречется. Не отречется.

Мойщик окон. Этот не отречется. Этот — нет. Он за нас, он еще им покажет. Раз они здесь, значит, северное крыло свободно. Попробую-ка зайти оттуда. *(Уходит, напевая.)*

Волнение в толпе. Князья и гости выходят на авансцену.

Первый князь. Время на обдумывание. Он попросил дать ему время на обдумывание!

Лютер в сопровождении вооруженных людей поднимается на помост. Его начинают убеждать.

Фридрих *(выходит на авансцену, рычит)*. Спалатин! Спалатин!

Спалатин бросается к нему.

Он что, спятил? Хватил лишнего? Что он о себе воображает? Мое реноме! Время на обдумывание. На кой же черт

его сюда привезли? Он опозорить меня хочет? Если он немедленно не...

Спалатин. Все будет в порядке. *(Уходит.)*

Карл. Дядюшка. Что это? Что я скажу папе?

Фридрих. Он не отречется, даю слово.

Второй князь. Я разорен! Я разорен!

Третий князь. А я-то, я-то! Такого банкрота еще свет не видывал!

Фридрих. Господа, спокойно. Не горячитесь. Помните, что вы первые мужи Германии. Держитесь. Не думайте о ваших долгах. Думайте о ваших именах.

Карл и князья отходят в глубину сцены. Лютер в сопровождении вооруженных людей тоже возвращается назад. Проходит мимо Фридриха. На мгновение останавливается. Фридрих, смерив Лютера взглядом, делает знак, указывая назад. Лютера уводят.

Спалатин. А вы не пойдете?

Фридрих. Я к этому делу касательства не имею.

Спалатин отходит в глубину сцены. Фридрих остается на авансцене. Мойщик окон вваливается на сцену слева.

Мойщик окон *(вопит)*. Я же мойщик окон! Сволочи! Мойте сами ваши окна. *(Фридриху.)* Вот уж неделя, как я пытаюсь вымыть окна в северном крыле. Каждый день тайное совещание. А ты? При них состоишь?

Фридрих кивает.

Писец? Секретные документы? А я мойщик окон. *(Пожимает Фридриху руку.)* Хочешь шнапса? *(Вытаскивает бутылку.)*

Фридрих. Спасибо.

Мойщик окон. Сами гнали. *(Отхлебывает из бутылки.)* Лютер все еще там?

Фридрих кивает.

Лютер — мужик что надо. Он один только и думает о нашем брате. Он за нас.

Фридрих. Любят его?

Мойщик окон. Спрашиваешь. Конечно, любят. Посмотри-ка в окно. На улицах полно народу. И везде лозунги. Вот только что повесили свой лозунг крестьяне. Восемь тысяч человек хотят защищать Лютера. Да-да, времена меняются. Вот здесь в листовке так и написано. Читай. Поворотный момент немецкой истории. Начало новой эры. Все переменится. Все изменится к лучшему. Все будет прекрасно. Теперь все пойдет вверх дном. Теперь карусель завертится. Конец властям. Князей, церковь — все к чертям. Разве я не прав, друг?

Фридрих. Пожалуй.

Мойщик окон. Я тебе говорю, все изменится, хотя, как мойщик окон, я человек консервативный.

Фридрих. Почему?

Мойщик окон. Вечно одно и то же. Как только что-нибудь случается, они сначала выбивают стекла. Дурацкая привычка. Ну, посмотрим, может, сегодня южное крыло свободно. Хотя, наверно, уже не стоит и начинать. *(Уходит направо.)*

Волнение в толпе. Некоторые князья совещаются с Карлом. Спалатин бросается на авансцену.

Спалатин. Во-первых, он утверждает, что писал только христианские сочинения, от которых ему нет нужды отрекаться. Во-вторых, он писал памфлеты против папы, которые он готов изменить. В-третьих, он писал дискуссионные тезисы о вере. Дискуссионные тезисы не нуждаются в том, чтобы от них отрекались. В-четвертых, он хочет, чтобы его наставили в вере. Если он заблуждался, он отречется. В-пятых, он призывает императора к войне.

Фридрих. Подкуплен?

Спалатин. Выкручивается.

Фридрих. Поставьте его около меня.

Фридрих и Спалатин отходят на задний план. Круг снова смыкается. Мойщик окон вваливается на сцену справа.

Мойщик окон *(вопит)*. Я же мойщик окон! Черт вас возьми совсем. А потом будут говорить, что в Вормсе повыбивали грязные стекла. А где мой друг, тайный писец?

Шут. Это был курфюрст Саксонский.

Мойщик окон. Господи помилуй. *(Снова отхлебывает из бутылки.)* И всегда-то наш брат попадает пальцем в небо. Лютер еще там?

Шут. Да.

Мойщик окон. Долго же он собирается сказать «нет».

Из залы слышатся рев толпы и аплодисменты.

(Кричит). Он не отрекся. Начинается. Выбивайте окна. *(Уходит.)*

На авансцену выходят князья. Карл и Фридрих обмениваются поклонами.

Фридрих *(громко)*. Карл, мой мальчик, я уезжаю.

Карл *(громко)*. Уже? Хворать?

Фридрих *(громко)*. Подагра. Такие боли, просто невыносимо.

Карл. Мне жаль. Счастливого пути.

Фридрих уходит. Карл оборачивается. Входит кардинал. Карл передает ему грамоту. Кардинал в свою очередь передает грамоту Карлу. Они раскланиваются и расходятся. Из глубины сцены выплескивается народ. Люди несут Лютера на руках. Лозунги, плакаты: «Долой тех, кто правит», «Власть — народу», «Лютер — немецкий титан», «Лютер — народный герой» и пр. Крики, возгласы «ура».

Лютер *(истошно вопит)*. Смерть и кровь! Убивайте епископов! Разрушайте монастыри! Убивайте их! Вырывайте их с корнем! Обагрите свои руки в их крови! Господь за вас! Восстание! Восстание!

Народ восторженно вторит ему.

Занавес

Занавес поднимается

ПОМОСТ СПРАВА.

Передняя лестница поднята. Л ю т е р сидит за столом и пишет. На нем штаны, куртка, сапоги. Он отрастил бороду. Д в а с о л д а т а приносят завтрак. Они спускают лестницу вниз и маршевым шагом поднимаются на помост.

П е р в ы й с о л д а т *(салютует)*. Вартбург. Башня первая. Личная охрана юнкера Иорга принимает дневную вахту.

П е р в ы й и в т о р о й с о л д а т ы. Доброе утро, юнкер Иорг.

Л ю т е р. Здравствуйте, друзья.

П е р в ы й с о л д а т. Разрешите доложить, ваш завтрак.

В т о р о й с о л д а т. Осмелюсь спросить, хорошо ли господин юнкер спали или господин юнкер опять боролись с дьяволом?

Л ю т е р. С дьяволом, сын мой. Просто ужас. За эту ночь он трижды был здесь.

Солдаты садятся на землю.

Сначала кругом все заскрипело и затрещало.

П е р в ы й с о л д а т. Балки.

Л ю т е р. Нет-нет, дьявол. Потом завыло — уу-уу.

П е р в ы й с о л д а т. Ветер.

Л ю т е р. Нет, дьявол. А потом вдруг слышу, что он идет по лестнице и тащит на спине тяжелый мешок — прямо в ад.

Солдаты смеются.

В т о р о й с о л д а т *(тихо)*. С мешком, это Андерль.

Л ю т е р. Но я продолжал спать, и это его очень разозлило. А потом на лестнице раздался такой грохот, будто вниз покатились бочонки.

П е р в ы й с о л д а т. Он меня чуть не прибил.

Лютер. Я — на лестницу. Никого.

Первый солдат. Я еле-еле увернулся.

Лютер. Я ему кричу: «Если ты пришел, то выходи!» — и опять ложусь.

Солдаты смеются.

А он тогда приходит в мою комнату, швыряет на пол мои вещи, переворачивает стол, стул, толкает мою кровать, так что я чуть из нее не вылетел. Но я призываю бога, поворачиваюсь к нему задом и пускаю ветры прямо ему в морду. Ну, тут он меня оставил в покое. Это самое лучшее средство. Только так и можно от него отделаться. Он воняет, и ты воняй.

Солдаты корчатся от смеха.

Что смеетесь? Когда он вас потащит в ад, вам будет не до смеха.

Второй солдат. А Лютера можете изобразить еще разок?

Лютер. Да уж показывал вчера.

Первый солдат. А сегодня у нашего Бартеля, вот у него, именины, и он очень желает, чтобы вы еще раз изобразили, как видели в Вормсе Лютера. Он какой из себя?

Лютер. Да такой. Ну что, показать?

Второй солдат. Показать. Только с самого начала, как он входит.

Лютер. Хорошо. Значит, я сейчас представлю вам настоящего Лютера. Ну, входит он в зал примерно так... *(Делает по направлению к ним несколько больших шагов.)*

Первый солдат. Вчера вы выходили из того угла.

Лютер. Верно. Дверь была там. *(Отходит назад)*. Значит, он шел отсюда. *(Делает большой шаг.)* Нет, дверь все-таки была там. Впрочем, все равно. Итак, я вхожу. *(Делает несколько шагов и, приняв торжественную позу, останавливается рядом с солдатами.)* Потом я очень осторожно оглядываюсь. То есть он оглядывается. В зале стало совсем тихо. Все побледнели. Там, где сидишь ты, сидел император.

А тут Фридрих Саксонский. А кругом сплошь князья и рыцари. А я здесь. Стою как скала.

Второй солдат. А Лютер?

Лютер. Тоже. Он тоже стоял. Император смотрит, Лютер смотрит, все смотрят. А один сверху смотрел.

Солдаты смеются.

И тут император говорит: «Ему не сделать меня еретиком!» А Лютер и говорит: «Я, говорит, прибил свои тезисы громким молотом на дверях столетия, я сжег отлучение в пламени столетия, здесь я стою — и не могу иначе». *(Выходя из роли.)* Потом я выпил кружку пива, а в Вартбурге шваркнул чернильницей об стену. Пятно можно видеть еще и сейчас. Вот каков истинный Лютер. *(Садится.)*

Солдаты смеются и аплодируют. Вверх по лестнице поднимается Берлепш. Солдаты вскакивают.

Первый солдат. Личная охрана юнкера Иорга на посту. Никаких происшествий.

Берлепш. Кругом!

Солдаты удаляются строевым шагом.

Не к чему так часто изображать Лютера. Мои люди могут догадаться, что за этим кроется.

Лютер. Они глупы и ничего не замечают.

Берлепш. Я за вас отвечаю. Если с вами что-нибудь случится, курфюрст меня повесит.

Лютер. С курфюрстом можно договориться.

Берлепш. Это вам можно, вы теолог. А я капитан. У вас в кармане божье слово, и вы всегда найдете отговорку. А у меня инструкция. И меня повесят. Стул был?

Лютер. Запор. Уже пять дней.

Берлепш. Тоже — судьба. Что ж, у одного не работает сзади, у другого спереди. У меня с бабами уже давно не выходит. Трудитесь?

Лютер. Перевожу Библию на немецкий язык.

Берлепш. На немецкий? Так ведь она уж переведена. Можно купить на любом углу.

Лютер. Мой печатник полагает, что теперь, когда у меня есть имя, на этом можно хорошо заработать.

Берлепш. А он не ошибается? Мой племянник — библиотекарь в Нюрнберге. У него целые полки битком набиты немецкими Библиями. Целые полки, верно говорю.

Лютер. Они все никуда не годятся. У меня здесь есть одна. *(Открывает.)* Плохой перевод. Очень плохой. Вот, например...

Берлепш. Я в этом ничего не понимаю. Поедете со мной на охоту? Затравим зайца, а?

Лютер. К чему убивать зайцев, когда существует еще столько врагов христианства?

Берлепш. Тоже верно. Слыхали про Карлштадта?

Лютер. Что?

Берлепш. Собирается жениться. На пятнадцатилетней. Девочка — пальчики оближешь.

Лютер. Похотливый козел!

Берлепш. Вам теперь тоже можно.

Лютер. Мне? Жениться? Никогда! Мне они не навяжут никаких баб. Я останусь монахом. Не хватало еще, чтобы монахи покидали монастыри и женились.

Берлепш. А говорят, ваш монастырь совсем опустел. Все монахи расстриглись.

Лютер *(стукнув кулаком по столу)*. Чтобы набивать брюхо жратвой и бегать по бабам! Почему я обо всем узнаю в последнюю очередь? Почему меня не спросили?

Берлепш. Один из моих офицеров на рождество ездил в Виттенберг. На побывку. Он рассказывает, что Карлштадт упростил латинскую мессу. Все теперь без всяких церемоний, без облачений, без исповедей и причастия. Говорят, это евангелическая месса.

Лютер. И они еще называют себя священниками! Он мне запаскудит всю религию.

Берлепш. Но теперь, кажется, все можно?

Лютер. Все. Все теперь можно. Им только того и надо. Делают что хотят. Вдруг все стало можно. Меня даже не спросили. А кто стоял перед императором и империей? Кто боролся за свободу? Я тут рискую жизнью, а эти господа, видите ли, вводят реформы. Если меня убьют...

Берлепш. Господин доктор, ради бога, потише! Не дай бог курфюрст услышит. Вы здесь как у Христа за пазухой. Мосты подняты, лестницы подняты, все — согласно инструкции. Мои люди — все как на подбор. Отсюда никто не выходит и сюда никто не входит без моего приказа. А я получаю приказы от курфюрста. И вы говорите, что здесь ваша жизнь в опасности? Я, наверно, ослышался!

Лютер. Нужно срочно что-то делать. Нужно сочинить воззвание. Держите наготове гонца, я пошлю рукопись Спалатину.

Берлепш. Хотите писать против евангелической мессы?

Лютер. Против? За! За! Долой латинскую мессу, долой монашеские обеты!

Берлепш. За?

Лютер. Если здесь кто-то вводит новшества, так это я. Лютер — это я! *(Садится, пишет.)*

Берлепш. Поеду, затравлю зайца. *(Уходит.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Мюнцер. Мы сами должны это сделать, Карлштадт. За нас никто этого не сделает. Нужно убрать с пути безбожников, чтобы дать время и место праведникам. Не может человек при такой тирании задуматься и понять что к чему. Вся Германия исходит кровавым потом, чтобы несколько господ лопались от жира. Германия просыпается. Люди больше не хотят быть волами, запряженными в роскошную карету. Им говорили, что они звери, а они вдруг поняли, что они — люди. Я был в Цвикау у ткачей. Я был в Иоахимстале у шахтеров. Я только что из Праги.

Карлштадт. Из Праги?

Мюнцер. Хотел попытаться начать с Праги. Богемцы кое-что понимают в революциях.

Карлштадт. И что?

Мюнцер. Выслали.

Карлштадт. Как всегда. Ты был везде, Мюнцер, и тебя отовсюду высылали.

Мюнцер. Ничего. Я привык. Наоборот, если меня через три дня не высылают, я настораживаюсь. Значит, в моих проповедях что-то не так.

Карлштадт. Нет, нет. Законные реформы. Шаг за шагом. Против них никто не сможет возразить. Вот. Проект нового устава нашей общины. Мы учреждаем общую кассу. Все церковные сборы теперь идут в эту кассу. Все сокровища монастырей и церквей подлежат инвентаризации.

Мюнцер. Чтобы потом вам было легче разыскать их в княжеской казне.

Карлштадт. Погоди. Кассой распоряжаются два человека из городского совета, два представителя общины и писец. Никто больше не должен нищенствовать. Бедные, больные и сироты будут получать пособие. Одаренные дети получат стипендию, на которую смогут учиться. Остальные должны обучаться ремеслу. Неимущие ремесленники и бедняки получают краткосрочные кредиты, без процентов. Если кто-нибудь много задолжал и вынужден платить высокие проценты, касса берет на себя погашение долга. За это он платит в кассу всего четыре процента. Излишки можно использовать для создания городских запасов. Зерна или еще чего-нибудь. Если денег не хватит, каждый гражданин будет платить небольшой налог — в зависимости от состояния. Потом надо позаботиться о новых учителях, священники получают три четверти их теперешних доходов в качестве жалованья, и, кроме того, здесь будут служить евангельскую мессу.

Мюнцер. И ты рассчитываешь всего этого добиться?

Карлштадт. Городской совет за, и все жители тоже.

Мюнцер. А курфюрст?

Карлштадт. Всё по закону. Спокойствие и порядок. Голосование в совете. Курфюрст должен с этим считаться.

Мюнцер. Но тюрьма уже переполнена?

Карлштадт. Не может же он посадить весь город.

Мюнцер. Я думаю, тебя скоро вышлют. Позволь дать тебе один совет — не бери большого багажа. Что слышно от Лютера?

Карлштадт. Короткое письмо. Боится, что его разыскивают. Умоляет нас молчать. Во имя господа.

Мюнцер. Где он?

Карлштадт. Понятия не имею. Тайна высшего командования. Ни одна душа не знает.

Мюнцер. А где бы он мог быть?

Карлштадт. Откуда мне знать. Где-нибудь. В облаках. Поближе к богу.

Мюнцер. Восседает одесную господа.

Карлштадт. Если мы теперь изменим порядок богослужения...

Мюнцер. ...народу это будет безразлично.

Карлштадт. Нет, не безразлично.

Мюнцер. Я понимаю, это важно. Имущество церкви защищается словом божьим, следовательно, надо захватить его с помощью слова божьего.

Карлштадт *(показывая рукопись)*. У меня вот тут затруднение.

Мюнцер *(задумчиво)*. Мессу надо перевести на немецкий язык, чтобы они ее поняли. Чтобы сами разобрались, чего стоит весь этот трезвон. Немецкая месса. Я напишу немецкую мессу. Есть у тебя немного денег для меня? Только — если можешь.

Карлштадт дает ему деньги.

Я еду в Альштедт. Там шахтеры. *(Уходит.)*

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фридрих с бумагой в руках.

Фридрих *(плаксиво).* И такие решения принимаются здесь? Принимаются здесь, в моем прекрасном Виттенберге! И это — благодарность? Спалатин, это благодарность?

Спалатин. Ваша княжеская милость, это неблагодарность.

Фридрих. А я так милостив со всеми. Я им как отец родной. У меня каждый может делать, что хочет. Если он придерживается моих предписаний. Моих предписаний! *(Читает.)* «Устав общины города Виттенберга». Это мятеж, революция! У меня нет слов. Разве я заслужил? Разве я это заслужил, Спалатин?

Спалатин. Ваша княжеская милость не заслужили этого.

Фридрих *(читает).* «Церковное имущество распределяется среди бедных». Нет-нет-нет! Я такого богохульства и читать не стану! Среди бедных! Зачем им такие деньги? В конце концов, бедные бедны, на то они и бедные! На этом свет стоит. И почему эти люди только и думают, что о деньгах? Я глубоко разочарован.

Спалатин. Ваша княжеская милость найдет средство утешиться.

Фридрих. Какой ужасный свет. Я совершенно подавлен. Князь ведь тоже человек. Об этом они и не думают! Устройство общины. И как раз сейчас, когда я возглавил имперское правительство. Что я скажу моим коллегам? Что церковное имущество — для бедных? Моя столица будет прибирать его к рукам, а я должен смотреть? Да ведь тут стыда не оберешься! Вся Германия будет смеяться надо мной. Меня назовут не Фридрихом Мудрым, а Фридрихом Придурковатым. Стоило ли тогда городить огород с Лютером? Я изо всех сил стараюсь поддержать этого человека, но как только дело доходит до кассы, я узнаю, что мои подданные ее уже обчистили! Это же противоестественно!

Спалатин. Ваша княжеская милость вольны это запретить.

Фридрих. Я и запрещаю! Я решительно запрещаю! Что делать с церковным имуществом — решаю я. Я один! Кланяйтесь от меня городскому совету. Если они будут артачиться, пусть пронумеруют свои головы. Я устрою лотерею. А что здесь сказано о мессе? *(Читает.)* «Немецкая. Евангелическая». Что такое?

Спалатин. Карлштадт реформировал мессу.

Фридрих. Разве я не запретил?

Спалатин. Строжайшим образом.

Фридрих. И тем не менее он это сделал?

Спалатин. Тем не менее.

Фридрих. В тюрьму.

Спалатин. Ваша княжеская милость, эти люди подожгут замок.

Фридрих. Ну вот, пожалуйста. Мятеж. Революция. И в таких условиях я должен возглавить Имперский совет?! Когда у меня у самого в Саксонии революция?! Да мне в глаза скажут — благодарим покорно! Спалатин, даю вам две недели. Когда я возглавлю правительство, здесь должен быть абсолютный порядок. Устав общины долой, евангелическую мессу долой, имущество церкви — в мое распоряжение. Я хочу иметь образцовую страну. Можно читать, диспутировать, проповедовать, но чтоб все оставалось по-старому! Никаких изменений!

Спалатин. Ваша княжеская милость, в таком случае нам понадобится Лютер.

Фридрих. Да он ведь тоже орет во всю глотку!

Спалатин. Он просидел десять месяцев, это его размягчило.

Фридрих. А что скажут другие, если я его выпущу?

Спалатин. Если он восстановит мир и спокойствие — ничего. В конце концов, вы стараетесь для них же. А такой Лютер на вес золота. Вы же видите, что происходит, когда его удалишь. У народа вдруг являются собственные мысли, а они никак не соответствуют нашим. Приходят новые люди и проповедуют не только против церкви, но и против нас. Если они заберут силу...

Фридрих. Но я не желаю иметь с этим ничего общего! Ничего! Совершенно ничего!

Спалатин. Мы можем использовать городской совет и университет. Если убедим их, что без Лютера больше нельзя.

Фридрих. Я хочу иметь от него письмо — для предъявления Имперскому совету. Письмо, в котором он мне напишет, почему он возвращается в Виттенберг. И что возвращается он против моей воли и без моего ведома, что во всем будет соблюдать меру, что никому не будет в тягость. И попрошу вас составить письмо таким образом, чтобы я мог предъявить его Имперскому совету.

Спалатин. Не соблаговолите ли в таком случае подписать вот это?

Фридрих. Что — это?

Спалатин. Приказ о моем увольнении из городского совета.

Фридрих. К чему еще?

Спалатин. Я не хочу, чтобы моя голова разыгрывалась в лотерею.

Фридрих. Педант. *(Подписывает.)* Когда он приедет?

Спалатин. Через неделю.

Фридрих. Боже, вот будет сюрприз для меня!

Спалатин идет к столу на авансцене.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Лютер. Теперь я могу снять маску?

Спалатин. Да. Письмо для курфюрста при вас?

Лютер передает ему письмо, снимает бороду и натягивает рясу.

(Пробегает письмо глазами. Смеется.) Очень удачно сформулировано и звучит героически. Но придется переписать. В таком виде это нельзя предъявить Имперскому совету. Я пришлю вам новый конспект.

Лютер. Спасибо, я сам умею писать.

Спалатин. Списать — надежней. Дорогой доктор, курфюрст желает, чтоб в стране был покой. Покой и еще раз покой. То,

что происходит в последнее время, никак не соответствует нашим намерениям. Народ целыми днями толчется на улицах, устраивает собрания, голосования, дискуссии, с утра до вечера хором скандирует лозунги. Ни побеседовать, ни хорошую книгу почитать. Ужасно.

Лютер. У народа есть причины хвататься за вилы. Такие здесь творятся безобразия и беззакония!

Спалатин. Одного Карлштадта с нас вполне достаточно. Князь хочет иметь тихое, послушное и прилежное население. И прежде всего — никаких перемен.

Лютер. Всё проповеди да проповеди — и никаких перемен. Зачем тогда и проповедовать.

Спалатин. Вы можете снова оказаться в Вартбурге, и скорей, чем того желали бы.

Лютер. Почему вы меня не информировали более точно? Можно было бы вмешаться много раньше.

Спалатин. Насколько мне известно, вы избегали слишком частой переписки, чтобы не обнаружить вашего убежища.

Лютер. А где письма и рукописи, которые я высылал из Вартбурга? Сюда они не приходили. Их никто в глаза не видел.

Спалатин. Мы их задержали.

Лютер. Что? Я требую, чтобы мои манускрипты были напечатаны. Незамедлительно!

Спалатин. Два из них можно бы опубликовать. Если все будет спокойно. Но сочинение против кардинала Альбрехта напечатано не будет. Князь с ним дружен.

Лютер. Оно будет напечатано!

Спалатин *(четко)*. Оно не будет напечатано.

Лютер. Даже если я навлеку погибель и на вас, и на курфюрста, и на весь свет — я желаю, чтобы оно было напечатано.

Спалатин непроницаем.

Ну хорошо, пусть не печатается. Какая разница. *(Теребит рясу.)* Вот здесь тоже порвалась.

Спалатин. Я вижу, вам нужна еще одна новая ряса. Но на этот раз ее оплатит городской совет.

Л ю т е р. К сожалению, она не съедобна.

С п а л а т и н. Князь будет платить вам жалованье. Для начала, скажем, двадцать тысяч в год.

Л ю т е р. А где я буду жить?

С п а л а т и н. В монастыре августинцев. Он теперь опустел и ждет нового хозяина. Было бы весьма целесообразно объяснить городскому совету, что предлагаемый им новый порядок в городе не отвечает божьей воле. Дело в том, что господа из совета собираются конфисковать все церковное имущество и раздать его бедным. Тогда и монастырь августинцев придется ликвидировать, а это прекрасное, доходное хозяйство.

Л ю т е р. Вероятно, божье слово создает великую путаницу в головах простых людей.

С п а л а т и н. Да. И позвольте вам посоветовать по возможности держаться в тени. У общественности должно сложиться впечатление, что вы стремитесь к уединению.

Л ю т е р. Но диспутировать-то можно?

С п а л а т и н. Диспутировать — да. Но при условии, что это не вызовет волнений в народе.

Л ю т е р. Не бойтесь. Народ получит свою проповедь.

С п а л а т и н уходит. Лютер идет направо.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

М е л а н х т о н. Лютер!

Они обнимаются.

Л ю т е р. Мой милый Меланхтон, ты видишь, что в годину испытаний я добровольно навлек на себя гнев папы и императора, дабы отогнать волка от моей паствы. Беззащитный, окруженный врагами, я уповал только на небеса.

М е л а н х т о н. Я нашел укромную комнату. Как ты просил. Можешь жить там в полном уединении.

Л ю т е р. Воля господня неисповедима. Но я знаю, что никогда еще я не был так стоек духом, как теперь.

Меланхтон. Сейчас только все и начнется.

Лютер. Да. И дабы ты не оказался на ложном пути, господь подает тебе знак вернуть все назад.

Меланхтон. Назад?

Лютер. Да. Похоже, что на мою долю выпадают всегда самые большие трудности. Сначала Аугсбург, потом Вормс, теперь Виттенберг.

Меланхтон. Но ведь ты говорил, что со всем согласен!

Лютер. Я так говорил?

Меланхтон. Как ты объяснишь это людям?

Лютер. Дорогой Меланхтон, мы так много рассуждали о вере, о надежде, об уповании на то, чего не видно плотскими очами. Почему же не применить это учение на деле? Ведь все происходит по божьему повелению, а не по нашей воле.

Меланхтон. Не понимаю.

Лютер. Тише едешь, дальше будешь. Пусть меня упрекают в неискренности, в том, что я слушаюсь князя, пусть проклинают за двойную игру. Я успокаиваю свою совесть, говоря, что так делают все.

Меланхтон. Люди будут возмущены.

Лютер. Ты прав. Я делаю достаточно много уступок. Пора наконец заговорить в полный голос.

Лютер идет налево. Меланхтон остается в недоумении.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Карлштадт сидит за столом и работает. На столе Библия и рукопись.

Карлштадт. Скажите,— наш мученик!

Лютер *(подходит к столу).* За малым вы не узрите меня, и в малом вы узрите меня. *(Садится.)* Как поживает твоя пятнадцатилетняя девочка?

Карлштадт. Согревает мне постель.

Лютер. О нашем славном Виттенберге разное поговаривают.

Карлштадт. Что?

Л ю т е р. Говорят, здесь в городе все малость перевернулось вверх дном.

К а р л ш т а д т. Это при дворе все перевернулось вверх дном. Нас это позабавило. Мы находим, что так и должно быть.

Л ю т е р. Мятеж, насилие, возмущение.

К а р л ш т а д т. Так говорит двор. А я говорю — никакого мятежа, никакого насилия, никакого возмущения.

Л ю т е р. А иконоборцы?

К а р л ш т а д т. Это твой любезный собрат Цвиллинг. Ему не терпелось.

Л ю т е р. Во что ты превратил Виттенберг? Был мирный городок. Мы проповедовали, и люди были благодарны. А нынче всякий дурак-крестьянин несет чепуху и задает вопросы. Блаженная свобода чад господних — где ты?

К а р л ш т а д т. У нас есть свобода добиться свободы.

Л ю т е р. Прекраснодушные мечтания!

К а р л ш т а д т. Стоит нам потребовать свободы, как свобода оказывается не про нас. Сразу же со всех сторон нам кричат: «Кругом марш!» Произошло недоразумение! Не это имелось в виду! Время еще не пришло! Радикалистские перегибы! Слишком преждевременно, слишком быстро, порядок, милые, порядок! Образумьтесь, ради бога!

Л ю т е р. Ты за мятеж?

К а р л ш т а д т. Нет. Я ненавижу мятеж, ты знаешь. Я запретил всякое насилие.

Л ю т е р. Вот видишь. Во всем должен быть порядок.

К а р л ш т а д т. Да. Вопрос только, чей порядок. Вот, смотри, это наш порядок. *(Передает ему документ.)* Устав общины города Виттенберга. Принято городским советом и гражданами города. Добровольно. Без принуждения.

Л ю т е р *(разрывает бумагу)*. Отменяется.

К а р л ш т а д т. Если уж ты такой сторонник порядка, ты должен был хотя бы прочесть это. Здесь, к примеру, написано, что в этом городе будут служить немецкую евангелическую мессу.

Л ю т е р. Отменяется.

К а р л ш т а д т. Значит, все как в добрые старые времена? Исповеди и причастия, облачения, пение, церемонии...

Л ю т е р. ...и латынь.

К а р л ш т а д т. Разве не ты первый ратовал за перемены?

Л ю т е р. Можно действовать и так.

К а р л ш т а д т. То есть как — так?

Л ю т е р. Ну, священники без лишнего шума могли бы пропустить несколько слов. Таким образом, они служили бы евангелическую мессу. А народ ничего бы и не заметил.

К а р л ш т а д т. О, это, конечно, решительные перемены! Власти ничего не заметят, потому что не ходят в церковь, а народ ничего не заметит, потому что не знает латыни.

Л ю т е р. Ты придаешь всему слишком большое значение. Не важно, как причащаются, не важно, исповедуются или нет, постятся или нет, живут ли в монастырях или нет. Все это не играет никакой роли. Уж это мне богослужение! Публичное театральное представление для народа.

К а р л ш т а д т. А сборы этого твоего народного театра? Имущество монастырей, их земли, все это тоже не имеет значения?

Л ю т е р. Конечно.

К а р л ш т а д т. Курфюрст будет весьма обрадован. В нашей конституции говорится, что это принадлежит нам всем.

Л ю т е р. Перестань болтать о конституции. Все, что мне нужно, написано в Библии.

К а р л ш т а д т. Библия тоже всего лишь книга.

Л ю т е р. Божье слово.

К а р л ш т а д т. Книга.

Л ю т е р. Божье слово!

К а р л ш т а д т. Это книга, написанная людьми, напечатанная и имеющаяся в продаже.

Л ю т е р. Это во веки веков божье слово!

К а р л ш т а д т. Приветствую нового папу.

Лютер запускает Библией в Карлштадта.

(Карлштадт падает. Потом встает с Библией в руках.)
Осторожней, Лютер. Этой книгой можно убить человека.

Л ю т е р. Вот и имей это в виду.
К а р л ш т а д т. Я скажу завтра в проповеди, что...
Л ю т е р. Ты больше не будешь читать проповедей.
К а р л ш т а д т. Хорошо. Тогда я напишу...
Л ю т е р. И писать ты больше не будешь.
К а р л ш т а д т. Я должен покинуть Виттенберг?
Л ю т е р. На то божья воля.

Карлштадт швыряет Библией в Лютера. Тот ловит ее на лету и бросает обратно. Карлштадт увертывается. Библия падает на пол.

К а р л ш т а д т. Сказать тебе, что ты думаешь на самом деле?
Л ю т е р. Попробуй.
К а р л ш т а д т. Ты бы не моргнув глазом отрекся от Библии, если б только мог стать на нашу сторону.
Л ю т е р *(швыряет в него рукописями и рычит)*. Негодяй!

К а р л ш т а д т уходит. Лютер в бешенстве набрасывается на Библию.

ПОМОСТ СПРАВА.

Во время проповеди Лютера перед помостом собирается народ.

Л ю т е р. Долг, долг, свобода, долг, долг, свобода, свобода. Любезные братья, что вы натворили? Долг вы превратили в свободу, а свободу — в долг. Ваших братьев вы совратили на путь свободы. Нехорошей свободы. Мессу вы отменили. Не то чтобы это было плохо, но где порядок? Если бы вы сделали это с разрешения властей, то было бы ясно, что это исходит от бога. Тогда я был бы с вами. Ибо только то, что происходит с разрешения властей, не есть мятеж. А посему слушайся власти. Пока она не скажет и не прикажет, не согреши ни делом, ни словом, ни в сердце, ни в душе. Если власть не желает, то и ты не должен желать. Но ежели ты продолжаешь упорствовать, то ты уже согрешил и много хуже са-

таны. Вы поступили неправедно, начав это дело без моего приказа и без моего участия, не спросив меня.

В народе ропот.

Конечно, вы должны были спросить меня, я был не так уж далеко.

Человек из толпы. Где же ты был?

Лютер. Вы могли мне написать. Поглядите на меня, я своими речами больше досадил папе, епископам, попам и монахам, чем все императоры, короли и князья — силой. А почему? Потому что это было слово божье. Оно действовало, даже когда я спал или пил пиво с друзьями в Виттенберге. А потому, дорогие братья, следуйте за мной, я еще ни разу не причинил вреда нашему делу. Я был первым, кого бог поставил сюда. И я же был первым, кому было от бога откровение держать перед вами такие речи. И я не могу убежать, мой долг — оставаться здесь, пока бог того хочет. Это дело не наше. Тут кое-кто другой мутит воду. Я бы тоже мог всякое затеять, и немало людей пошло бы за мной. Но разве это поможет? Каково бы это было, если бы я, который был первым, возмутил бы других, а сам сбежал? Один соблазн для бедного люда. А потому смотри в оба, кто тебе проповедует. Проповедник проповеднику рознь. Есть такие, которые не желают ничего слушать, зато своим лживым языком совращают и отравляют других. А посему давайте изгонять этот обман речами и писаниями, пока он не предстанет пред всем миром во всей своей наготе и позоре. Разоблачим его злонамеренность, и богопротивная сущность его будет побеждена. Нужно только искать и распознавать. Ибо нет людей настолько безумных, чтобы они не презирали открытую ложь и фальшь. Дай нам бог жить так, как мы учим, и пусть слово наше обратится в дело. Ожесточились небеса, и земля ожесточилась, никакие мольбы больше не помогут. *(Уходит.)*

Народ остается в недоумении.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Спалатин стоит перед Фридрихом с письмом в руках.

Спалатин. «Если бы ваша княжеская милость веровали, то узрели бы величие божье, но поскольку ваша милость не верует, то ничего вы и не узрели».

Фридрих *(смеется)*. От Лютера? Что он еще пишет?

Спалатин. Ваша княжеская милость должны быть послушным, позволить императору распоряжаться в Саксонии и не возражать.

Фридрих *(смеется)*. У него еще много советов?

Спалатин. Он пишет, что сердце его всегда было преисполнено величайшего расположения к вашей княжеской милости, особенно к прославленному уму вашей княжеской милости.

Фридрих. Скажите, как любезно.

Спалатин. В Виттенберге он, между прочим, находится под много более высоким покровительством, чем покровительство вашей милости.

Фридрих смеется.

Он и не желает вашего покровительства. Более того, скорее он защитит вашу княжескую милость, чем ваша княжеская милость сможет защитить его.

Фридрих смеется.

И если бы он знал, что ваша княжеская милость хочет или может его защищать, то он бы вообще не приехал.

Фридрих хохочет.

Ваша княжеская милость еще неустойчивы в вере, а потому ваша княжеская милость не тот человек, который смог бы ему покровительствовать.

Фридрих корчится от смеха.

С п а л а т и н. Тем не менее он надеется, что поскольку ваша княжеская милость благородны, то ваша княжеская милость не будет в угоду другим господам наказывать его.

Ф р и д р и х *(смеется)*. Этот парень ужасно забавен. *(Смеется.)* Он бы вообще не приехал. *(Смеется.)* Я его назначу моим придворным шутом. *(Показывает на Шута.)* А ты займешься церковью.

Ш у т *(барабанит кулаками по груди)*. Здесь я стою. Моя вера. Я имею. Я буду. Я есть. Мое слово. О боже. Dominus vobiscum [1].

Все уходят.

ПОМОСТ СПРАВА.

Ш в а р ц за бухгалтерской книгой. Т р о е г о с п о д — вокруг глобуса. На помост поднимается Ф у г г е р.

Ш в а р ц. Чрезвычайное собрание акционерного общества фирмы Якоб Фуггер.

Ф у г г е р. Восславим Иисуса Христа.

В с е. Во веки веков. Аминь.

Ф у г г е р. Это глобус, господа. Его прислал нам наш добрый Бехайм. Бог создал мир и в своей неизреченной доброте придал ему форму шара. *(Поглаживает глобус.)* Круглого и удобного в обращении. Чтобы вокруг него можно было плавать и заниматься торговлей. Новые страны, новые сделки. Италия, все Средиземное море становится неинтересным. Великие дела делаются за великими океанами.

Ш в а р ц. Пункт первый: Индия.

Ф у г г е р. Господа, Европе необходимы пряности. Пряности привозят из Индии. Сухопутным путем. Но это стало неинтересным с тех пор, как некий Васко да Гама открыл для Португалии прямой путь в Индию. По морю. Вы припоминаете крупный скандал на бирже? Лиссабон вдруг начал поставлять пряности за полцены, и с тех пор монополию на пряности держит Португалия.

---

[1] Бог да пребудет с вами *(латин.)*.

Второй господин. Но ведь мы в доле.

Фуггер. Я не хочу быть в доле. Я хочу иметь монополию. Для этого мне нужен мой собственный путь в Индию. А поскольку Земля, как утверждают наши ученые, круглая, в Индию можно попасть не только с этой, но и с той стороны. Наш постоянный клиент Карл, который, в частности, является повелителем Испании, учел это обстоятельство и отправил в путешествие некоего Магеллана. И что бы вы думали, господа? Земля в самом деле круглая!

Второй господин. Флот вернулся?

Фуггер. Две недели назад. Ученые правы, и у нас теперь есть свой собственный путь в Индию. Нужно только побыстрее прибрать его к рукам.

Третий господин. Но, дорогой господин Фуггер, какой риск! Мало ли что может случиться! Неизвестные страны, неизвестные моря, корабли могут затонуть. Это колоссальная спекуляция!

Фуггер. Португальцы работают с прибылями до тысячи процентов. Ради этого можно пожертвовать одним-двумя кораблями.

Второй господин. Так что же говорит этот испанец Магеллан?

Фуггер. Увы, он больше ничего не скажет. Он остался там, где растет перец.

Второй господин. Дезертировал?

Фуггер. Пал от стрелы туземца.

Второй господин. Вот варвары!

Третий господин. Как велик был флот?

Фуггер. Пять кораблей, двести восемьдесят человек.

Третий господин. И сколько возвратилось?

Фуггер. Один корабль, восемнадцать человек.

Третий господин. Ну вот.

Фуггер. Согласен, жаль кораблей. Но груза даже одного этого корабля оказалось достаточно, чтобы сделать все предприятие прибыльным. Учтите также, что в Индии, как и вообще на Востоке, мы получим огромный рынок для сбыта нашей

меди. Рынок, который мы можем теперь же, немедленно, обеспечить сырьем. Таким образом, мы заработаем вдвое.

Шварц Пункт второй: Америка. *(Передает Фуггеру лист бумаги.)*

Фуггер. Статистика поступлений золота и серебра из Америки. Поступления неуклонно растут. Это может со временем создать угрозу для нашего европейского рынка. Поэтому нам пора включиться. Нам необходимо иметь в Америке собственные рудники, а лучше всего — собственные колонии. Лучшие инженеры и специалисты, как вы знаете, работают у нас. Поэтому без нас там все равно не обойтись. К сожалению, индейцы не выдерживают наших прогрессивных методов производства. Несмотря на введение обеденного перерыва, они мрут как мухи. Тех немногих, которые еще остались, хотел бы приобрести этнографический музей. Слава создателю, негры оказались более выносливыми, а негры, как известно, беспошлинно поставляются из Африки. Напомню также, что наши изделия из меди находят широкий спрос и чрезвычайно популярны в Африке. Следовательно, мы будем продавать в Африке наши изделия из меди, в Америке — негров, американское серебро и золото поставлять в Европу, нашу медную руду вывозить в Индию, а индийскими пряностями торговать в Европе. Господа, этот глобус — драгоценность. Он от нас никуда не денется. Мы будем покупать и продавать и тем самым приводить его в движение.

Первый господин. Миллионное дело!

Фуггер. Миллиардное дело. Карл, кстати, сильно задолжал нам. Мы представим ему счет.

Первый господин. А Китай?

Фуггер. В торговле с Китаем мы имеем долю. Но здесь я проявляю осторожность. Эта страна внушает мне некоторые опасения.

Второй господин. А мне внушает опасение качество пряностей.

Фуггер. Шварц.

Шварц. Пряности должны храниться во влажных подвалах, чтобы они увеличились в весе. Имбирь мешают с кирпичной

крошкой, перец — с пометом, лучше всего с мышиным, если таковой имеется. Шафран...

Второй господин. Ради бога, а это не опасно?

Фуггер. Можем подмешать туда еще Ave Maria.

Второй господин. А если кто-нибудь от этого помрет?

Фуггер. Все мы смертны. Но прибылью, я полагаю, вы вполне довольны?

Второй господин. Вполне.

Фуггер. Есть еще вопросы?

Первый господин. А что мы поставляем неграм в Африку?

Фуггер. Шварц?

Шварц. Последняя поставка — двадцать четыре тысячи ночных горшков.

Фуггер. Вы видите, господа, европейская цивилизация неудержимо пробивает себе дорогу. Восславим Иисуса Христа.

Все. Во веки веков. Аминь.

Шварц захлопывает бухгалтерскую книгу. Все уходят.

ПОМОСТ СПРАВА.

Лютер — на лестнице. Перед помостом — народ.

Лютер. Вот это и есть порядок: повелители, подданные, рабочие, ремесленники. Такой порядок и должен быть: должны быть власти, должны быть различные сословия. Нам говорят, что низшие сословия должны-де сами управлять собой. Ничего из этого не выйдет. Господу это известно. Для того он и поставил над нами власть предержащую. Для того он и дал детям их родителей, ибо дети по натуре своей злы. Если бы не было у нас ни отца, ни матери, мы должны были бы молить господа поставить перед нами чурбан и камень, дабы мы назвали их отцом и матерью. Чти отца своего и матерь свою. А почитание в том и состоит, чтобы слушаться их. Следует почитать их правыми в их словах и поступках и безропотно сносить их с нами обращение, каково бы оно ни было. Кроме того, следует сдерживаться с ними в речах своих, не перечить им дерзко, не мнить себя правыми, но призна-

вать их правоту и молчать, даже если они превысят власть свою. Ибо когда родители воистину благочестивы, они не устают обуздывать своеволие чада своего, а ему надлежит все терпеть и сносить и поступать согласно их воле, вопреки желаниям своим и натуре своей. И так же точно надлежит терпеть, если они нас укрощают и наказывают со всей строгостью, пусть даже иногда и несправедливо, ибо это не вредит спасению души. Ибо каждый человек должен подчиняться власти и быть подданным других людей. И теперь все мы видим, что заповедь эта научает нас множеству добрых дел, ибо она подчиняет всю нашу жизнь другим людям. А посему послушание есть высочайшая добродетель. Внушайте детям и подданным послушание. Такова воля господня, а непослушание он не оставит безнаказанным. Непослушные чада давно разорили бы все домá, а мятежные подданные разрушили бы весь порядок в мире, ибо числом их много больше, чем родителей и правителей. А посему послушание есть неизреченное благо. И нет деяния более достойного, чем послушание и служение тем, кто поставлен над нами. А посему также непослушание есть больший грех, чем смертоубийство, прелюбодеяние, воровство и обман. Я благодарю господа, что он даровал мне и всему миру такое благое учение, нашу опору и защиту. А посему должно и молодых неустанно приучать к этой заповеди, дабы они всегда помнили о ней, а буде они ее преступят, надо взять розгу и учить их розгой. Вот как их надобно учить. И тот, кто блюдет эту заповедь, обретет счастье и благополучие до конца дней своих. А тот, кто непослушен, умрет до времени и не познает радости в жизни. Потому пусть всякий знает, что его долг перед господом — воспитывать детей в страхе божьем, дабы они были полезными миру, для управления им или для чего другого. Далее речь пойдет о послушании начальникам. Ведь из послушания родителям следует и выводится все остальное. А потому все, кого мы называем господами, стоят на месте родителей. И чем дитя обязано отцу и матери, тем всякий подданный обязан своему повелителю. А посему рабочие

и ремесленники должны не только слушаться своих господ, но почитать их как отца и мать. Они должны исполнять все, что от них требуется, не из-под палки, не по принуждению, а с радостью и удовольствием, ибо такова божья заповедь, которую следует соблюдать прежде всех иных дел. Памятуя об этом, они поистине должны были бы еще и приплачивать за то, что у них есть господа и что они посему могут с чистой совестью совершать богоугодные поступки и праведные дела. Если бы только бедные смогли понять, что им внушают, они запрыгали бы от радости, восславили бы господа и возблагодарили бы его. Ведь их честный труд не только приносит им жалованье, но и сам по себе есть сокровище, каким не владеют даже те, кого почитают святейшими. А кто этого не восчувствует и не даст направить себя на путь истинный, того ждут плаха и топор. Ибо с господом богом шутки плохи, пусть каждый об этом задумается. Пусть каждый знает, что господь глаголет вам и требует от вас послушания. Кто внемлет ему, тот его любимое чадо, но кто презрел его, тому суждены стенания, и позор, и сердечные муки. Вот почему у вас сердце должно прыгать в груди от радости, когда вы идете трудиться и исполняете, что вам велят. Но, к стыду и позору нашему, мир нынче так ослеплен, что никто не хочет верить этому. Несть числа жалобам и нареканиям на то, что трудовой люд оказывает непослушание, неверность, неповиновение и печется лишь о собственной выгоде. Если они не внемлют увещеваниям и вознамерятся упорствовать в своей дерзости, то все они станут добычей дьявола. И настанет такое время, что они будут рады служить за кусок хлеба. А все это происходит оттого, что в мире нет порядка. Никто не желает работать. И потому мастерам приходится ублажать своих подмастерьев. А надо завести такой порядок, чтобы они не могли уходить от хозяев без позволения — иначе их не примут на работу в другом месте. Только так мы справимся с этим злом. Ведь с людьми просто сладу не стало. Хотят иметь деньги, а делать ничего не желают или делают то, что сами захотят. Да разве таково по-

слушание, заповеданное нам от бога? Коли ты ленишься и не хочешь трудиться, значит, ты разбойник, тебя бес попутал. И таковы все ремесленники и рабочие, от которых нынче приходится терпеть неслыханный произвол, будто они хозяева чужого добра и будто каждый обязан им давать, сколько они ни попросят. Что ж, пусть себе требуют денег, пока могут, но господь помнит о своей заповеди, он воздаст им по заслугам, он наградит их виселицей, и не будет им в жизни ни счастья, ни богатства. Воистину будь в стране справедливое правительство, оно бы вмиг усмирило такую гордыню, как в доброе старое время, когда таких гордецов выставляли на всеобщее позорище, чтоб другим неповадно было. А посему исполняй свой долг и предоставь богу заботу о твоем пропитании. Вознесем же руки к небу и радостно возблагодарим господа за его заповеди, их же нам следует соблюдать до конца света. А людей, которые ни к работе, ни к правлению не пригодны, а только бездельничают и предаются лени, их терпеть нельзя, их надобно изгнать из страны или заставить трудиться. Вот почему я ни на грош не верю тем, кто говорит, я, мол, человек бедный. Если бы я встретил бедного, который не заставляет своих детей работать, я бы тотчас попросил бургомистра отправить его в тюрьму, чтобы он там умер с голоду. Я столько в жизни претерпел — а ты не желаешь, чтобы твой сын трудился. Бедняков, которые ленятся, надо наказывать. Они живут лучше, чем курфюрст Саксонский. К чему это приведет? Только к тому, что в городе расплодится видимо-невидимо нищих, а они потом еще воровать начнут по огородам.

И еще угодно было господу, чтобы никаких праздников в будние дни не было, а все бы святые праздники приходились на воскресенье. Тогда мы избежали бы многих зол, а благодаря работе в будни не было бы в стране бедности. А нынче только и есть что праздники — нам всем в наказание и на погибель души нашей и тела и всего нашего добра, ибо по праздникам творятся вещи еще худшие, чем в будни. Безделье, чревоугодие, пьянство, игра и прочие дурные дела.

Простому человеку от этого двойной вред телесный. Ибо он не трудится, зато ест вдвое и всячески ослабляет и губит свою плоть. Только попы не работают, живут за счет податей, и у них каждый день — праздник. У них будней нет, им все дни равны. А посему пусть никто не посмеет заставлять вас справлять какие бы то ни было праздники. Вы — свободные люди, но свободны вы от дьявола, от погибели, от ада, от греха, от безбожия. И потому никто из вас да не увидит свою свободу в том, чтобы заявлять: нет надо мной ни хозяина, ни хозяйки,— свобода не в том состоит. Христианину не подобает оказывать непослушание. Господь не хочет разрушать мирской порядок, но хочет его укрепить. Он хочет, чтобы ты душой и телом был предан власти, поставленной над тобой. А посему необходимо настойчиво внушать это всему честнóму народу. Внушать страх и трепет гнева божьего. И это есть воистину прекрасная проповедь, ибо идет она от сердца. В поте лица своего будешь есть хлеб свой. Человек рожден для труда, как птица для полета. Вот золотые слова, запомните их. Уповай на господа, и он тебя не оставит. Не думай о деньгах, не думай о крове. Не заботься о том, где тебе преклонить голову. Трудись единственно во славу божью, ради того, чтобы не бездельничать и соблюдать заповеди, а не ради страха и заботы о хлебе насущном. Ибо все это в руках божьих, и он воздаст нам сторицей, если мы будем прилежно трудиться, блюдя его заповедь. Будь у нас глаза и уши, мы бы слышали, как говорит пшеница в поле: возрадуйся в господе, ешь и пей, бери меня и служи ближнему своему. И точно так же говорят коровы в хлеву: возрадуйтесь, мы даем вам масло и сыр, ешьте и пейте. И говорят точно так же куры в птичнике: мы будем нести вам яйца. И еще я люблю слушать, как хрюкают свиньи, ибо они дают жаркое и колбасу. А крестьяне все хнычут, словно им приходится помирать с голоду. Нет в них благодарности, не радуются они дарам господним. Не может быть того, чтобы человек умер с голоду, господь не попустит, скорее, все ангелы сойдут с небес, дабы напитать его. Был и я молодым и

успел состариться, но в жизни моей не видел, чтобы господь оставил доброго христианина, уповающего на его милосердие, или чтобы детям его пришлось идти по миру. Бывало, что богатые терпели нужду и голодали, но тем, кто искал бога, убытку ни в чем не было. Я по себе сужу — ведь я остался в живых, хотя и не пекся об этом. А то, о чем пекутся крестьяне и рабочий люд, все от лукавого. Мы, христиане, призваны трудиться и страдать. Кто хочет честно делать свое дело, тому дано будет пострадать за него. Так будем же трудиться и страдать. А заботы предоставим господу. Если и случится с вами что дурное, претерпите испытание с радостью. Такое учение есть только у нас, христиан. У других его нет. Подумайте только, какое это великое благо — тихо и мирно жить в господе, даже если мир полон несчастий. Откуда исходит несчастье, о том не пекись, ибо господь тому владыка. И тогда все, даже самое худшее, будет для тебя сладостным бременем. Простым людям полезно внушать, что все — от бога и обо всем мы должны молить его. И точно так же следует говорить о послушании властям. Наш долг почитать власти и ценить их как величайшее сокровище и прекраснейшую драгоценность на земле. Ты думаешь, почему в мире столько подлости, мерзости, горя и преступлений? Потому что каждый сам себе хозяин и желает быть свободным. Вот нам и воздается по заслугам, как мы того хотели. Чума, война, дороговизна, пожары, засухи, дурные бабы, неблагодарные дети, плохие работники и всякие прочие несчастья. Откуда же иначе быть стольким напастям. Первым делом надобно освятить мирской закон и силу его, дабы никто не сомневался, что он существует по божьей воле и предначертанию. А заповеди, освещающие его, вот какие. Каждый должен подчиняться начальникам и власть предержащим, ибо нет власти, аще не от бога. Если есть где власть, то она есть от бога. И кто не признает власти, тот не признает и божественного порядка. А кто восстает против божественного порядка, тот сам навлекает на себя кару. Так подчинитесь же человеческому порядку, каков бы он ни был. Мирская

власть есть меч карающий, и ему дано право отсекать головы мятежникам. Ибо такова воля божья.

Мы всегда должны помнить, что насилие властей предержащих, будь оно правое или неправое, не может повредить душе, но лишь телу и имуществу. Вот почему мирская власть, даже если она чинит беззаконие, не опасна — не то что духовная. Ибо простой народ верует и поступает так же, как его духовные пастыри. А если он ничего достойного от них не видит и не слышит, то он и не верует и не делает ничего. Вот отчего духовная власть есть великое, огромное благо. Весь наш грешный мир даже и помыслить и постигнуть не может, какой это великий дар — священники, проповедники и вообще милосердное слово божье и святая христианская церковь. А посему пусть неразумные князья и господа творят что хотят, а вы терпите. Эти господа только над деньгами и властны. И если они вас преследуют, памятуйте о том, что предаваться злобе грешно. Ибо вера ваша сделает вас господами в вечной жизни. И тогда станет ясно, кто из нас был истинным христианином. И они будут вынуждены сказать: христиане — это мирные люди. Ибо вы владыки над царством, которое в девять раз больше, чем сто миров, вы властны над грехом, смертью и дьяволом. И сим довольствуйтесь. А посему христианин с готовностью подчиняется земной власти. Он платит налоги, почитает начальников, помогает ближнему и делает все, что может и что ему прикажут, дабы сохранить в силе власть предержащую и проявить смирение и почтение к ней. Ибо это дело в высшей степени полезное и необходимое. А посему ежели ты увидишь, что есть нужда в палаче, судье, господине или князе и найдешь себя к тому пригодным, ты должен добровольно к тому вызваться, дабы власть предержащая, в коей есть такая нужда, не была пренебрежена и опозорена и не погибла бы. Вот оно и выйдет, что ты в одно и то же время душой и телом послужишь царствию небесному и царствию земному, пострадаешь от зла и несправедливости и одновременно покараешь зло и несправедливость, не воспротивишься злу и одновременно воспротивишься злу. Ибо

ты тем самым презришь себя и свое добро и в то же время призришь ближнего своего и добро его. Вот в чем, по моему разумению, согласуется слово божье с призывами поднять меч карающий. Через них воля божья превозмогает нашу волю, а через превозможение нашей воли совершается воля божья. Ибо господу угодно воспрепятствовать нашей воле и уничтожить ее. А потому, ежели кто хочет тебя одурачить, ты должен не противиться, а согласиться. И если он хочет у тебя что-либо отнять или принести тебе ущерб и вред, ты должен до этого допустить. И даже ежели он тем причинит тебе зло, то все же он не причинит тебе зла. Ибо все, что ты имеешь,— от бога, а пути господни неисповедимы. Только не допускай до себя мятежника, дабы он не извратил слов моих и розу не напитал ядом, и не стал учить тебя убивать князей и презирать власти, и оказывать неповиновение. Есть такие, есть, они как увидят несправедливость к себе или к кому другому, так и рвутся прошибить лбом стену. Хотят, чтобы все было по-ихнему. Думают, их долг и право — бить тревогу и подстрекать людей к мятежу. Таким не доверяй: ежели кто не желает терпеть притеснений, это верный знак, что им движет злая воля. Ибо кому всё не по нраву, от того добра не жди. Шастают среди вас всякие бесполезные болтуны, от их пустословия совсем житья не стало, и своими учениями только вводят в соблазн бедных людей, орут на весь свет о своих благих намерениях и доброй воле. Их учение плодит людей своевольных и своенравных, это дерзкие и надменные умы, не желающие смирять свою волю и подчиняться власти. Ибо они полагают, что ими движут благие намерения и их дело правое. Это опаснейшие люди. Ибо никогда нельзя надеяться, что у кого-то может быть добрая воля и благие намерения.

Мне могут возразить на это, что свободная воля — дар божий. Да, конечно, господь одарил нас свободной волей. Но зачем же ты обращаешь ее в своеволие и не даешь ей оставаться свободной? Коли ты делаешь со своей волей, что захочешь, значит, твоя воля не свободна, а есть своеволие. Свободная

воля ничего не желает для себя, потому она и свободна. Наша воля есть величайший дар, но мы должны обуздывать ее и молить всевышнего: отче наш, не допусти, чтобы все исполнилось по моей воле, смири мою волю, воспрепятствуй моей воле, пребудь со мною, и пусть все свершится не по моей, но по твоей воле. И так должно молить господа, пока человек не станет совсем смиренным, свободным и безвольным и не покорится воле божьей. И это — истинное смирение, в наше время, увы, совсем забытое. Господь будет ниспосылать нам страдания и смуту, пока человек не научится смирять себя, быть тихим и покорным, пока человеку не станет безразлично — хорошо ему или плохо, живет он или умирает, возносят его или поносят. И тогда настанет царство божие на земле. И тогда настанет конец делам человеческим. И тогда человек узрит, что нет ничего прекраснее, чем страдания, смерть и несчастья. И в этом вся суть Писания — вся, вся, вся. *(Уходит.)*

ПОМОСТ СЛЕВА.

Перед помостом — народ.

Мюнцер. Я, Томас Мюнцер, желаю вам мира, которому этот свет враждебен. Ибо невинные люди подвергаются наказаниям, а наши господа обижают нас, да еще и говорят: я буду тебя мучить, ибо Христос терпел и нам велел, а ты не будешь мне противиться. Вот и давайте разберемся, по какому праву наши мучители считают себя самыми лучшими христианами. Давайте выясним, в чем главный порок этого неразумного мира, поймем истинную причину. Ибо только истина сделает людей свободными. И тогда великое отступит перед малым и будет посрамлено им. О, знал бы о том трудовой люд, как бы это ему пригодилось! Но крестьяне и ремесленники ничего об этом не знают, ибо они доверились лживым людям, самым лживым из лживых. О господи, говорят эти лжецы, вы так трудолюбивы, вы всю жизнь зарабатываете себе на пропитание.— Да, зарабатываем, чтобы господа могли как сыр в

масле кататься. Да и что простой человек может знать! У него ни кола, ни двора, а он все ждет, что когда-нибудь ему станет легче. Народ никогда и не надеялся ни на что иное, он и по сей день верит, что господам-проповедникам лучше знать. Эх, думает народ, ведь эти господа в красных и коричневых беретах такие благородные, такие ученые люди, им ли не знать, где правда, а где неправда? Они ведь похваляются, что знают Святое писание, они строчат книги одну толще другой, да и язык у них хорошо подвешен, и они говорят: мы-де написали в законе то-то и то-то, Христос сказал так, а апостол Павел написал этак, пророки предсказали то, а святая церковь предписывает се,— воистину, так оно и есть. Они бросили народу Библию, как бросают собаке кость, а сами ничего о ней не знают — разве только, что она очень старая, и проповедуют, что хотят.
А если ты попросишь у них совета, эти ученые мужи, еще не успев раскрыть рта, начинают ломаться и набивать цену, ибо за каждое их слово приходится выкладывать немалые денежки, и ни один из них не ответит, пока не заплатишь ему пятьдесят гульденов, а кто поважнее, берут по сто и по двести и требуют еще и величайшего почтения. А когда ты им уплатишь и скажешь: «дорогой», «досточтимый», «преподобный», «высокоученый» и прочую дребедень,— они тебе на все твои вопросы ответят: веруй, любезный, веруй, а не хочешь веровать — катись ко всем чертям. Ты ему толкуешь: ах, высокоученый доктор, я и рад бы веровать, да только как обрести веру? А он тебе на это: ну, любезный, эти высокие материи — не твоего ума дело. Ты знай веруй и не думай, гони прочь такие мысли, все это суета сует, будь как все и возвеселись духом, и твои заботы как рукой снимет, в этом твое утешение, сын мой, оно же правит миром. Они считают, что людям надо говорить одни приятные вещи, а если, упаси бог, растолковать им разные премудрости, то все обезумеют и сбесятся. Перед свиньями-де бисер не мечут. И на что простому грубому люду столь высокое духовное учение? Его подобает знать только ученым. Да нет же, нет, дорогие

братья, поймите, как они над вами глумятся! Они вас так обманывают, что и рассказать невозможно. Сами же делают так, что бедный человек не может путем грамоте научиться, а потом еще бесстыдно проповедуют, что бедные должны позволять господам измываться над собой. Да и когда бедняку учиться? У простого человека столько забот о хлебе насущном, где уж ему разбираться, что к чему. Вот и выходит, по-ихнему, что ученые должны читать умные книги, а ремесленники и крестьяне — слушать их. Что ж, это они ловко придумали. Называют народ святым и добрым, а сами его обманывают. И не устают твердить свое: веруй, веруй, веруй,— так что с души воротит. Одно слово, свиньи, а не люди. Ведь каждому ясно, что им нужны только почести и богатства.

Вот и надо простому человеку учиться, чтобы его больше никто не мог ввести в заблуждение. Ибо мало еще в нас благородства души, мы хуже тварей неразумных! Разве осознаем мы чинимые нам притеснения, разве знаем все козни этого мира? И вот мы ропщем на бога, потому что такие уж мы жалкие, ничтожные христиане. И никого это не тревожит, и все думают, что лучше отмолчаться. Ох эта наша несчастная слепота, когда каждый наловчился смотреть лишь вполглаза. Вы только подумайте, до чего мы, христиане, дожили. Только и знаем, что ссоримся и бранимся из-за денег и имущества. И день ото дня становимся все корыстнее. А кричим, что веруем, что блюдем христианскую веру и уповаем на бога всей душой. Сами же не знаем, чему говорим — да, чему — нет. О да, есть такие, что родились от христианских родителей и никогда даже не колебались в вере. Можно подумать, что они и впрямь добрые христиане и хорошие люди,— такая у них твердая и крепкая вера. Но хороши они будут, если сорвать с них личину и перестать слушать их болтовню. Оглянитесь окрест себя — и вы поймете, что у нас самая неразумная вера на свете. И если сыщется хоть один человек, кого исправила эта наша вера, то, значит, он и впрямь редкий счастливец. Ибо нет другого народа под солн-

цем, который так поносил бы и попирал свой собственный закон, как нынешние христиане. Стоит только оглянуться — многие народы земного круга превосходят нас. Они помогают своим братьям, а мы у своих братьев отнимаем. Никого мы не любим, кроме самих себя. И если мы не исправимся в ближайшее время, то из-за непомерного своекорыстия лишимся даже здравого смысла. Мы слепцы, но не верим никому, кто говорит нам о нашей слепоте. Если мы хотим, чтоб у нас открылись глаза, мы должны сперва признать свою слепоту. Слепой ведет слепого, и оба они падут в пропасть невежества. И потому нам должно единодушно объединиться с людьми всех наций и религий, и тогда правда выйдет наружу, тайное станет явным. Время жатвы настало, дорогие братья. Хоть плевелы и вопиют на всех углах, что урожай еще не созрел, но человечество все-таки обретет истинный путь. Верую в это.

Мюнцер уходит, народ следует за ним.

ПОМОСТ СПРАВА.

Карл — в тронном кресле, Фуггер поднимается на помост.

Фуггер. Ваше величество.

Карл. Мне нужны деньги. Немедленно. Сегодня.

Фуггер. Вы говорите, как ваш блаженной памяти покойный дед. Правда, ему всегда было нужно «деньжонок». Звучит приятней.

Карл. Хорошо. Мне нужно деньжонок.

Фуггер. Могу ли я напомнить вам о ваших поистине величественных долгах?

Карл. Не говорите мне про старые долги. Это прошлогодний снег.

Фуггер. Вылитый дед, царство ему небесное.

Карл. Не говорите мне про деда. Мы живем в новое время.

Фуггер. Со старыми долгами.

Карл. Значит, вы больше ничего мне не дадите?

Фуггер. А как насчет возврата?

К а р л. Есть и другие банки.

Ф у г г е р. Ваше величество, если я сообщу на бирже, что вы неплатежеспособны, кредит для вас будет закрыт. Ни один банк не даст вам и пфеннига.

К а р л. Вы говорите с императором!

Ф у г г е р. Я говорю с моим должником. Вы стали величеством, потому что я это оплатил. Эту штуку, что у вас на голове, купил вам я.

К а р л *(снимает корону и протягивает ее Фуггеру).* Хотите ее взять?

Ф у г г е р. Я не торгую утилем.

К а р л *(снова надевает корону).* Я не могу заплатить, вам это прекрасно известно.

Ф у г г е р. Да.

К а р л. Так что же вам угодно? Заклад?

Ф у г г е р. Недавно вернулся корабль некоего Магеллана. Индийские пряности дают хорошую прибыль.

К а р л. Для этого нужен флот. Откуда у меня флот?

Ф у г г е р. Передайте мне право на торговлю пряностями, и через несколько месяцев у вас будет новенький, с иголочки, флот.

К а р л. А испанские купцы? Они ведь тоже уже чуют миллионы.

Ф у г г е р. Ваше величество, не виляйте. Мне время дорого. Я хочу получить торговлю пряностями.

Карл смотрит на Гаттинару. Тот кивает.

К а р л. Даю вам свое благосклонное соизволение.

Ф у г г е р. Тогда можете назначать себя адмиралом.

К а р л. Я предпочел бы деньги.

Ф у г г е р. Дайте мне ваши ртутные рудники.

К а р л. Ртутные рудники? Единственное, что еще приносит мне доход?

Ф у г г е р. Я готов уступить в арендной плате.

К а р л. Но тем самым вы получаете монополию и на ртуть!

Фуггер со скучающим видом разглядывает потолок. Карл смотрит на Гаттинару. Тот кивает.

Даю вам свое милостивое соизволение. А как насчет арендной платы?

Ф у г г е р. Гуаяковое дерево — великолепное средство против сифилиса.

К а р л. У меня его пока нет.

Ф у г г е р. Но у многих господ есть. Оборот большой. Я хочу иметь монополию.

К а р л. Даю вам мое соизволение.

Ф у г г е р. Как вы сказали?

К а р л. Мое всемилостивейшее и благосклоннейшее соизволение. На что еще вам нужна монополия? Давайте уж сразу.

Ф у г г е р. Мне что-то больше ничего не приходит в голову. Может, стоило бы решить вопрос кардинально. Взять монополию на монополии.

К а р л. А мне нужны деньги и деньги. Мои солдаты разбегаются. Я собираюсь покорить Францию. Если я получу Францию, я спасен.

Ф у г г е р. Хорошо. *(Выписывает чек.)* Скажем, сорок миллионов за аренду рудников?

К а р л. Сорок миллионов?

Ф у г г е р. Двадцать миллионов я удерживаю для погашения ваших долгов. Двадцать миллионов на войну с Францией. Этого хватит? *(Протягивает Карлу чек.)*

К а р л. Двадцать миллионов? *(Берет чек.)* Считайте, что война выиграна.

Ф у г г е р. Когда ваше величество получит победные реляции, пусть ваше величество подпишет вот здесь. *(Передает ему бумагу.)*

К а р л. Что это?

Ф у г г е р. Некоторые соображения о монополистическом капитализме. Я покупаю вам господство над Европой, а вы мне обеспечиваете монополистический капитализм.

К а р л. Монополистический... что?

Ф у г г е р. Ну, вылитый дедушка. Тот тоже никогда ни в чем не разбирался. Но вы еще разберетесь. *(Встает.)* Позвольте откланяться. У меня деловое свидание. Как только у нас будет

флот, мы с вами побеседуем о неграх и американских колониях. Ваше величество. *(Уходит.)*

Карл *(держа в одной руке чек, а в другой бумагу)*. Скажи на милость, кто же, собственно говоря, повелитель Европы? Я или он?

Гаттинара. Вашему величеству угодно знать правду?

Карл снимает корону, запихивает в нее чек и уходит вместе с Гаттинарой.

ПОМОСТ СПРАВА.

Лютер стоит на лестнице. Перед помостом — народ.

Лютер. Никто не должен бунтовать и восставать на своих господ, ибо наш долг оказывать властям послушание и почитание и трепетать перед ними. Не должно рубить сук, на котором сидишь, как не должно бросать вверх камень, ибо он упадет тебе же на голову. Вот и весь закон, данный нам господом богом.

Мужской голос *(из толпы)*. А может выйти такой случай, чтобы нужно было свергнуть власть?

Лютер. Новоявленным язычникам ничего не было ведомо о боге, и они не понимали, что мирская власть от бога, и мнили, что человек может достичь власти собственными деяниями. Вот они и полезли не в свое дело и даже возомнили, что похвально смещать бесполезную, дурную власть. Но нам их пример ни к чему. Ибо язычники нам не указ. Даже если не сегодня-завтра какой-либо народ взбунтуется и свергнет своих господ, это еще не значит, что он поступит по законному праву и себе на пользу. Мне еще не доводилось видеть, чтобы такое дело было правым. Ни единого случая не могу припомнить. Ну, может быть, допустимо свергнуть правителя, коли он впадет в безумие.

Мужской голос *(из толпы)*. Тиран много хуже, чем сумасшедший. От него больше вреда.

Лютер. Вроде бы оно и так, да только сразу здесь не решишь. Но все же, скажу я вам, тиран и безумец — это вещи разные.

Тиран сам участвует во многих делах. И он знает, когда совершает беззаконие, ибо у него есть и совесть и разум. И кроме того, нельзя подавать дурной пример. Если одобрить убийство или свержение тирана, то все пойдет прахом и начнется всеобщий произвол. Пусть лучше тираны сто раз причинят зло вам, чем вы один раз причините зло тиранам.

Мужской голос. А как же швейцарцы?

Лютер. Говорят, швейцарцы в свое время тоже поубивали своих господ и стали свободными. Они оправдывали себя тем, что страдали от невыносимой тирании. Но ведь я уже сказал, что язычники нам не указ и что от таких дел все только прахом пойдет, как и бывало много раз. Швейцарцы поплатились тогда немалой кровью, что же здесь хорошего. Зато я не знаю более прочного правления, чем там, где владыка пользуется почтением народа, например у персов, татар и прочих. Они не только себя уберегли от порабощения, но и разорили дотла многие другие страны.

Мужской голос. Значит, от тиранов надо все терпеть? Слишком уж много ты им позволяешь. Такое учение только усилит и распалит их злобу. Неужто отдавать на поругание, на позорище своих жен и детей, свое родное и кровное? Да сделаешь ли что путного при такой жизни!

Лютер. Допустим, ты видишь, что твой владыка лютует и бесчинствует. Но что он тебе может сделать? Отнять жену и детей? Опозорить твой дом? Но он же не может повредить спасению твоей души. А себе он приносит вред больший, чем тебе, ибо обрекает на вечное проклятие свою бессмертную душу. Неужели ты думаешь, что мало отомщен? А если твоему владыке придется вести войну? Война может не только погубить твою жену и детей, разорить твой кров — тебя самого могут взять в плен, сжечь, задушить. Что ж, станешь ты из-за этого душить твоего владыку? А сколько достойных людей загубил во время войн император Максимилиан! И ничего ему за это не было. Хотя он — причина их гибели, ибо они погибли ради него. Так разве тиран не то же самое, что разорительная война, которая стоит жизни

многим хорошим, честным, невинным людям? И не лучше ли терпеть лютого тирана, чем лютую войну? Не так ли? Вот и выбирай и посуди сам, предпочитаешь ли ты тиранов или войну, ибо ты заслужил и то и другое.

Мужской голос. А нам не надо ни войны, ни тиранов!

Лютер. Вот вы каковы. Мало того, что не хотите нести кары за свои грехи,— еще и сопротивляетесь. Если власти дурны, на то существует господь бог, а у него есть огонь, вода, железо, камни и многие прочие средства, чтобы убивать. Ему погубить тирана проще простого! Он совершил бы это и для нас, но грехи наши не позволяют. Мы вот сразу замечаем, когда народом правит безбожник, но того не желаем замечать, что причина здесь не в его безбожии, а в грехах наших. Люди не хотят знать своих собственных грехов, они мнят, что тиран владычествует благодаря своему безбожию. Вот как ослеплен, извращен и непонятлив этот свет. А посему нельзя осуждать наше учение за то, что оно якобы ограждает тиранов и правителей и позволяет им творить зло. Да, мы учим, что их должно ограждать и не спрашивать, творят ли они добро или зло. Но мы не можем ни дать, ни обеспечить им защиту. Ибо мы не в силах принудить большинство следовать нашему учению. Мы проповедуем, сколько есть сил, а народ все равно поступает по-своему. Но господь пособит нам вразумить тех, кто возлюбил добро и уважает закон, дабы они помогли нам удержать толпу. Ибо мятеж направлен не только против правителей, но и против всех богатых людей, а из них, я уверен, вряд ли кому мятеж по душе. Что может быть чудовищней и богопротивней, чем скопища черни? Ее не обуздает никто, кроме тирана. Если бы толпой можно было управлять лучшим способом, то господь поставил бы над ней иную власть, чем тирана. Уже по мечу мы ясно видим, кем он правит — исчадиями зла, бессовестными злодеями.

Мужской голос. А если правитель дает обещание под присягой, а потом присягу нарушает?

Лютер. Ну, хорошо. Допустим, твой повелитель именно таков,— что же, нападать на него, судить его, мстить? Кто повелел те-

бе это? Если кто ведет войну или тяжбу с твоим повелителем — пусть их воюют и судятся, тебе что за дело. Твое дело терпеть свою долю. А на воюющих и тяжущихся судья найдется. Когда подданные окончательно погрязнут во грехах, тогда господь и допускает их до мятежа и непокорства, чтобы хорошенько проучить. Ибо господь предназначил человека подневольного единственно к тому, чтобы он был только за себя, и не дал ему меча. А если вы собираетесь в толпы, вступаете в союзы, беретесь за меч, то господь накажет вас смертью. Против мятежников и подстрекателей следует вести правую войну. А есть еще среди военного сословия люди, которым это не по душе, я сам слыхал от них такие речи. Но если они так думают, то им вообще не следует впредь воевать, раз война для них такое уж необычное дело. Пусть знают все слабые, трусливые, неверные души, что если исполнение власти, если меч, как было сказано, есть служба господня, то и все, что потребно власти, дабы удерживать меч, есть тоже служба господня. А подданные обязаны исполнять эту службу и жертвовать ей своею плотью и имуществом. И в такой войне долг христианина, долг любви христианской — беспощадно душить врагов, грабить, жечь и делать все, что причиняет вред и убыток, как положено на войне. Нужно только остерегаться греха.

Мужской голос. А если мой господин не прав?

Лютер. Поелику ты не знаешь и не можешь знать, прав твой господин или не прав, ты должен оказывать ему послушание и не думать ничего худого о своем господине. Тогда ты можешь быть спокоен и чист перед богом. Ибо у кого перед богом совесть чиста, тот может бороться за правое дело. Тому во всем сопутствует удача, и победа легче достигается, господь же ее и дает. Язычники, которые не знают ни бога, ни страха божьего, мнят, что они сами ведут войну. Но поскольку меч в руках господа, то тем самым доказано, что война, и убийство, и все, что война приносит с собой,— все это ниспосылается богом. Ведь война есть не что иное, как наказание божье за наше зло и беззаконие.

Мужской голос. Зачем же нам драться? Мы — христиане, мы должны любить ближних своих.

Лютер. Ты сам подумай, ведь если считать, что война — дело неправедное, то надо тогда и все другие вещи считать неправедными. А если дело меча благое и правое, то и все другие дела благие и правые. На то он и меч, а не веник. Конечно, нелегко уразуметь, что грабеж и разбой — дело любви. И человек по простоте и убогости своей может подумать, что это дело не христианское и христианину не подобает вести войну, но воистину это все-таки дело любви. Когда я вижу, как душат злодеев и кругом стоит великий плач, то дело это и впрямь может показаться не христианским и даже полной противоположностью христианской любви. Но когда я вижу, что там защищают праведных, честь и мир, то оно и выходит, что дело это достойное и угодное богу. А посему господь так восхваляет меч, что называет его своим собственным законом. Он не желает, чтобы говорили или думали, будто меч изобрели люди и люди подняли меч. Ибо и рука, которая подняла меч, которая рубит и режет, есть тем самым уже не рука человеческая, но рука господа, и не человек вешает, колесует, обезглавливает и ведет войну, а господь. Все это — его дела. И как хороший ремесленник может любому продавать свое искусство и свое умение, так точно и военный человек, солдат. Коли он получил свое ремесло от бога, то он может служить тому, кто его наймет, и принимать плату за свою работу. О работе по оплате судят. Но есть еще и такие, что перед битвой лишь о блудодействе помышляют. Да разве это воины? Никогда бы не поверил, если б сам не услыхал о том от двух достойных людей. И подумать только, что в таком серьезном деле люди могут так забываться и проявлять такое легкомыслие. Таких людей надо призывать к порядку, надо им говорить: послушайте, приятели, мы здесь все на службе господа, и долг наш есть послушание и покорность властям. Пусть мы такие же бедные грешники, как наши враги, но мы знаем, что наш господин дерется за правое дело, или по крайней мере мы не знаем ничего иного, а потому

мы уверены и не сомневаемся, что нашей службой и послушанием мы служим самому господу. И пусть каждый проявит такую стойкость и мужество, пусть каждый знает, что его рука есть десница божья, его копье — копье господне. Если господь пошлет нам победу, то не нам, а ему хвала и слава, а мы себе возьмем добычу и жалованье,— их ниспосылает нам доброта и милость господня, и за то мы возблагодарим его от всей души. Так возрадуемся же — и в бой, во славу господа! А захочешь еще прочесть «Верую» или «Отче наш», то так и сделай. А потом — меч из ножен и круши во имя божье. Ибо христианская вера — дело нешуточное и немалое. Она все может. И многих она приводит к господу. А тем, кто презирает святое учение и не помышляет о спасении души, предстоит дать ответ пред вечным судией. Мы свое дело сделали, нам дано отпущение. Истинный воин всегда должен иметь чистую совесть, он ведь исполняет свой долг, делает свое дело, он уверен, что служит господу и может сказать себе: это не я режу, колю, убиваю, это господь и мой князь, а я служу им своей рукой и плотью своей. А потому не сомневайтесь в том, что война дело справедливое и угодное богу. И да пребудут над вами мир и милость божья. *(Уходит.)*

ПОМОСТ СЛЕВА.

Мюнцер стоит на лестнице. Перед помостом — толпа народу.

Мюнцер. Дорогие братья, расширим узкую щель, дабы весь свет увидел и понял, кто такие наши знатные господа. Вон они прячутся за своими корыстными деяниями, сцепившись друг с другом, как мерзкие жабы.

Мужской голос *(из толпы)*. От поборов, налогов и процентов ум за разум заходит.

Мюнцер. Чем дальше, тем больше ширится зло в этом мире. Мы еще не хотим и не умеем видеть, что к чему, и все уповаем на божественную веру, а если вашим господам проповед-

никам слово поперек сказать, они сразу показывают зубы и говорят, что я мятежник. Ах, господа хорошие, остерегитесь, не рано ли возомнили вы, в своем ослеплении и по привычке своей, что всех предадите анафеме. Всех, значит, к дьяволу, кроме вас самих.

Мужской голос. Нынче опять только и делают, что предают анафеме всех подряд.

Мюнцер. Они так и норовят записать в еретики всех, кто им хоть слово поперек скажет. Сами в своих книжках знай твердят о духе святом, а кто хоть слово одно в духе этом скажет, они того начинают травить днем и ночью, только и думают, как с ним расправиться. Я говорил, что власть принадлежит народу, что князья не господа, а слуги этой власти. Князья не должны делать, что им заблагорассудится, они должны блюсти справедливость и закон. Если это мятеж,— ну что ж! Самое страшное зло на земле в том и состоит, что никому нет дела до самой страшной нищеты.

Мужской голос. А господа делают что хотят!

Мюнцер. Они сами — причина стяжательства, воровства и грабежа. Они присваивают себе все, что сотворил господь. Рыбы в воде, птицы в воздухе, злаки на полях — все должно принадлежать им. И всегда-то у них наготове слово божье, и они говорят бедным, господь-де заповедал: не укради. И так они держат в страхе всех людей, крестьян, ремесленников, рабочих, и со всего живого дерут три шкуры, а если кто возьмет хоть самую малость — тому виселица.

Мужской голос. Господа сами виноваты, что бедные им враги.

Мюнцер. Они не желают устранить причину мятежа. Ничего хорошего из этого не выйдет. А если я так говорю, значит, по-ихнему, я мятежник. Что ж, пусть мятежник. Вот доктор Лютер говорит, что мы должны почитать даже неразумных господ, слушаться их во всем. Ах, господи, да они всю жизнь только и делали, что жрали и напивались как свиньи. Их с юности нежили в роскоши, и не знали они в жизни ни одного черного дня и вперед знать такого не хотят и не желают. Они

ни на грош не уменьшат ваших налогов, а еще хотят быть нашими судьями и защитниками. Ах, горемычный народ, какой хомут на тебя надели. Господа держатся не прекрасными речами, а только страхом виселицы.

Мужской голос. Они палачи и вешатели, вот они кто. В этом все их ремесло.

Мюнцер. Их правление в том и состоит, чтобы сеять повсюду злобу и чинить произвол, а кое-кто еще только входит во вкус, как обижать и притеснять бедный люд. Мало того, они держат в страхе все человечество и мучают и терзают не только своих людей, но и другие народы. Они бы хотели поработить все человечество, чтобы самим оставаться главными и чтобы их боялись больше всех, чтобы им поклонялись и почитали их. Это и есть идолопоклонство, когда люди боятся своих господ и отрекаются от своего предназначения, и пресмыкаются, и лгут ради жалкого куска хлеба насущного. А для них пот рабочих — сладок, ох как сладок!

Мужской голос. Он еще попортит им печень!

Мюнцер. Здесь не поможет никакое умничанье, никакие красивые словеса. Истина должна открыться. Дальше так продолжаться не может. Поиграли в бирюльки — и хватит, народу это уже поперек горла стало, и грядут великие перемены. Люди во всем мире начали разбираться, что к чему, и власть имущие еще ужаснутся своему бессмысленному насилию. Ибо великая страшная дерзость — применять старые средства власти, когда мир так изменился. А потому не давайте опутать себя красивыми словесами о милосердии, тогда наше дело победит. Мы должны вспомнить, что мы существа, наделенные духом. Мы должны знать, что делаем, а не только слепо верить. Человек должен руководствоваться своим разумом. Пускай эти ученые господа изрыгают хулу и анафему на то, чего они признавать не желают. Они ничего не хотят видеть, ничего не хотят слышать, для них все инакомыслящие — опасные мечтатели, одержимые, слова «разум» они на дух не переносят. Еще бы! Да слыхано ли дело — чтобы народы стали свободными.

Мужской голос. Многие люди и думают, что это только заумь одна.

Мюнцер. Они просто не могут себе представить, что можно столкнуть господ с их тронов, а на их место возвести низших. Они слышать этого не могут, потому и называют это заумью. Ах, господа хорошие, перестаньте кривляться. Можете выбросить к дьяволу ваши румяна. Ваша ложь все равно выйдет наружу. Разве вы не видите, что от искры разгорается великое пламя? Да, вы это видите, и я тоже это вижу!

Мюнцер уходит, с ним восторженный народ.

ПОМОСТ СПРАВА.

Гайлер фон Кайзерсберг, лениво облокотясь на пюпитр, негромким елейным голосом читает проповедь. Перед ним на стульях сидят Фуггер, несколько знатных дам и господ.

Гайлер. Богатые — это зло мира.

Аплодисменты.

Эти господа, живущие ростовщичеством, суть причина голода и дороговизны, а их сундуки набиты деньгами.

Аплодисменты.

Их надо истреблять как волков, ибо они не боятся ни бога, ни людей.

Аплодисменты.

В стране столько бедных и слабых, нищие и калеки умирают с голода, а они тратят по полмиллиона на какой-нибудь банкет, в кости же и миллионы проигрывают. Посреди ужасающей нищеты они наслаждаются своим растущим благоденствием. Истинно говорю вам, перед лицом столь резких имущественных различий в один прекрасный день дело дойдет до революции.

Громкие аплодисменты.

Фуггер *(поднимается, жмет проповеднику руку)*. Дорогой Гайлер фон Кайзерсберг, вы прочли нам одну из ваших самых прелестных проповедей. Проповедей, которые хватают за сердце. Я позволил бы себе сказать, что мы не скоро забудем ваши пророческие слова.

Аплодисменты. Гайлер кланяется.

Я приказал подогреть простой гороховый суп.

Гайлер. Гороховый суп? Я думал, будут холодные закуски.

Фуггер. Вы проповедуете скромность. Мы стараемся, как можем.

Гайлер и остальные гости уходят. На помост входит Шварц и передает Фуггеру окровавленную отрубленную руку.

Что это?

Шварц. Рука.

Фуггер. Придет же такое в голову. *(Возвращает руку Шварцу, тот кладет ее на бухгалтерскую книгу.)* А где владелец?

Шварц. Возможно, пришлют и прочие части.

Фуггер. Надеюсь, они ничего не забудут. А то как же сложить беднягу?

Шварц. Они могут и три головы прислать. Разбирайтесь тогда.

Фуггер. Кто же отправитель?

Шварц. Партия рыцарей. Зиккинген нанес первый удар.

Фуггер. А партия князей?

Шварц. У них, как всегда, нет денег.

Фуггер *(заполняет чек и передает его Шварцу)*. Думаю, этого достаточно. Но чтобы партия рыцарей была ликвидирована. Полностью.

Шварц. Будет исполнено. Я передам.

Фуггер. Не только Зиккинген. Все. Надо разделаться со всей бандой разом.

Шварц. В этих вопросах князья очень добросовестны. Тогда, собственно, останутся только рабочие и крестьяне.

Фуггер. И до них очередь дойдет. Зачем вы положили мне на бухгалтерскую книгу эту руку? *(Снимает руку.)* Сплошь кровавые пятна. А я не выношу даже чернильных.

Шварц торопится стереть пятна.

(Рассматривает руку.) Как эти люди ведут войну! Отвратительно. Что за стиль!..

Шварц. Не стирается. Вам придется примириться с тем, что в балансе будет кровь.

Фуггер. Назовем это красными цифрами и спишем. *(Отдает руку Шварцу.)*

Шварц *(зовет)*. Господин Гайлер фон Кайзерсберг!

Гайлер появляется перед помостом.

(Кидает ему руку.) Вот вам холодная закуска!

Гайлер *(уходит, забрав руку; в восторге)*. Мысль свободна, мысль свободна!

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Мюнцер и несколько его товарищей, длинноволосые и бородатые.

Мюнцер. Все равны. Все общее, и выдается каждому по его потребностям. Вся власть должна быть передана народу. Имущество тех, кто окажет сопротивление, будет конфисковано, ибо люди эти своими деньгами с самого начала мешали делу справедливости. А народ по темноте своей верил их красивым словам, когда они без конца вопили о справедливости.

Первый товарищ. Они и дальше будут вопить, а народ будет им верить.

Мюнцер. Наше дело подобно доброй красной пшенице. Когда она в земле, кажется, что она никогда не взойдет. Но она взойдет. Власть имущие будут свергнуты, и никакие вопли им не помогут. Слишком долго они делали свое черное дело, и раскаяния от них не дождаться. Я говорил со многими людьми. Везде простой человек принимает правду. Люди слишком

долго терпели. Народ не глуп, он понимает, что к чему. Он полон решимости. Он будет творить справедливость и не побоится сильных мира сего.

Второй товарищ. Да каждый думает только о себе!

Мюнцер. А почему? Почему? Мы должны сплотить горожан, рабочих и крестьян. Если они будут действовать порознь, у них ничего не выйдет. Они должны понять: их беда — наша общая беда. Их требования — наши требования. Нет иного пути помочь человечеству, кроме как со всей серьезностью, постоянно и терпеливо обличать несправедливость этого мира.

Гут. Я хочу основать новую общину. Объединить несколько человек, которые хотят жить вместе и к которым смогут присоединиться другие. Брак остается, но детей мы будем воспитывать сообща. Каждый получает, что ему требуется. Общественное добро, общественная кухня, школа, больница. Мы будем вместе работать и вместе покупать и отказываться от любой военной повинности. Ибо всякая война есть грех.

Мюнцер. Гут, ты прекрасный человек, но прежде всего необходимо создать предпосылки.

Гут. Я хочу основать новую общину.

Мюнцер. Когда мы победим, вы можете организовывать, что хотите. А сейчас нам нужны ячейки во всех городах и землях.

Третий товарищ. Так нам господа и позволили!

Мюнцер. Наступила пора испытания. Неужели вам дорого только ваше добро? Боитесь за ваши жизни? Кто хочет заложить краеугольный камень нового дома, пусть рискнет своей головой. Я отправлюсь на рудники, к горнякам. Нам нужны массы. А вы?

Первый товарищ. Я еду во Франконию.

Второй товарищ. Я в Швабию.

Третий товарищ. Я в Вюртемберг.

Гут. Я хочу основать новую общину.

Пфайфер. Я уже вижу всех нас на виселице. И вижу, как массы платят за вход, чтобы присутствовать при казни.

Мюнцер. Я верю в народ.

Все уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

С п а л а т и н. Список разрушенных рыцарских замков.

Ф р и д р и х. Превосходно.

С п а л а т и н *(читает)*. «Фельберг, принадлежал Вильгельму фон Фельбергу, сожжен. Боксберг, принадлежал Гансу Мельхиору, сожжен. Бальбах, принадлежал Рюдигеру Зютцелю, сожжен. Ашгаузен, принадлежал Гансу фон Ашгаузену, сожжен. Вальбах, принадлежал Францу Рюду, сожжен. Вальмансгофен, принадлежал Кунцу фон Розенбергу, сожжен. Рейсенберг, принадлежал Йоргу фон Тюнгену, сожжен. Кригельштейн, принадлежал Вольфу фон Гих, сожжен. Оппенрот, принадлежал Себастиану фон Спарнеку, сожжен».

Ф р и д р и х. Сколько страниц?

С п а л а т и н. Десять.

Ф р и д р и х. Я почитаю в постели, на сон грядущий.

Спалатин передает ему список.

Хочу взять себе новый титул. Верховный исполнитель всех добрых дел в земле Саксония. Звучит?

С п а л а т и н. Звучит убедительно.

Ф р и д р и х. Ну тогда впишите.

С п а л а т и н. Кстати, о добрых делах...

Ф р и д р и х. Снова Мюнцер?

С п а л а т и н. Да. Все развивается очень быстро.

Ф р и д р и х. Толковый парень.

С п а л а т и н. Как посмотреть.

Ф р и д р и х. Да. Два великих человека — не многовато ли для одной страны? Лютер мне по нраву, он меня устраивает, но Мюнцер мешает. Пригласите его, пусть изложит нам свою точку зрения. Посмотрим, решится ли он продолжать.

С п а л а т и н. Вы хотите лично...

Ф р и д р и х. Нет, я к этому делу касательства не имею. Ни малейшего. Вы же знаете. Старые люди не меняют своих привычек. Этим займется мой брат. *(Просматривает список.)* Замок Абсберг, скажи на милость, я там как-то гостил. В девяносто восьмом. Его тоже, значит. Увы, все проходит. *(Уходят.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Лютер, элегантно одетый. Жакет из темного сукна, рукава отделаны атласом. Плащ подбит мехом, с широким меховым воротником. На голове — красный берет. Тяжелая золотая цепь. На пальцах золотые кольца. Он стоит перед толпой крестьян и размахивает письмом.

Лютер. Мятежники! Смутьяны! Я уже вижу, как вы все, все горите в геенне огненной! Грязный сброд! Не думайте, что мне охота возиться с вами. У нас в Виттенберге есть дела поважнее. А куда девался этот умник, ваш священник? Вам бы давно надо было прогнать его в шею!

Карлштадт *(выходит вперед. Он в сером грязном крестьянском платье, в старой фетровой шляпе)*. Ты обо мне?

Лютер. Ты что — ряженый? Разве нынче масленица?

Карлштадт. Это платье бедных людей, а у них, как известно, масленица круглый год.

Лютер. Ну, твое дело. *(Народу.)* Вы написали мне враждебное письмо!

Крестьянин. Враждебное?

Лютер. Вы невежливо именуете меня! Я требую, чтобы, обращаясь ко мне, вы называли мой титул! Даже князья и господа, мои враги, именуют меня полным титулом.

Крестьянин. Да мы не нарочно и без всякой вражды...

Лютер. Здесь написано: христианскому учителю Мартину Лютеру, нашему брату во Христе. Это вам что, не вражда? Без всякого титула!

Карлштадт. Мы здесь все братья. Мы не делаем различий.

Лютер. Что значит — не делаем?

Карлштадт. Мы все равны.

Лютер. Кто это?

Карлштадт. Граждане нашего города.

Лютер. А ты? Ты кто?

Карлштадт. Да. Кто я? Я бы сказал — новообращенный.

Лютер. Ты? Профессор и дважды доктор!

Карлштадт. Мы больше не говорим — господин доктор, господин профессор.

Лютер. А что же вы говорите?

Карлштадт. Брат, сосед. Да ведь это не важно.

Лютер. И как поживает господин сосед?

Карлштадт. Работает. Как говорится, кормится трудами рук своих.

Лютер. Как крестьянин?

Карлштадт. Как крестьянин. Не хочу жить на средства общины. Люди, подобные нам, слишком долго жили за счет других. Я хотел бы вернуть мой долг бедным.

Лютер. И ты, значит, работаешь?

Карлштадт. Да.

Лютер. Так прямо пашешь и сеешь?

Карлштадт. Да.

Лютер. Воистину ряженый. Мужик со знанием древнееврейского. *(Смеется.)*

Карлштадт. К чему народу ученость, раз она служит только для охраны власти? Все, что вы провозглашаете — ты и другие профессора,— крестьянам ни к чему. Зато власть имущим это нá руку, вот уж много столетий подряд. Вам платят, вас поощряют, ваши книги распространяют и в конце концов называют это наукой. Не надо нам такой науки. Нам нужно новое образование. Новый человек.

Лютер. Это уж твое дело, раз ты связался с этим сбродом.

Карлштадт. Не кажется ли тебе, Лютер, что честнее иметь на руках мозоли, чем золотые кольца?

Лютер *(прячет руки в карманы)*. Знаешь, почему я здесь?

Карлштадт. Догадываюсь.

Лютер. Твои проповеди вызывают недовольство.

Карлштадт. У курфюрста или у тебя?

Лютер. У курфюрста и у меня.

Карлштадт. Разве я имею такой большой успех?

Лютер. Ты проповедуешь мятеж. В народе начинается волнение.

Карлштадт. Да ты погляди — разве у нас здесь мятеж? Где он?

Лютер. Я говорю мятеж, значит, мятеж. Собирай свои вещи и поедешь со мной.

Карлштадт. Куда?

Лютер. Обратно, в университет и в монастырь.

Карлштадт. Я здесь священник.

Лютер. Мы можем тебя заставить.

Карлштадт. По старому церковному праву. Но, сколько мне известно, ты провозгласил, что каждая община имеет право сама выбирать себе священника.

Лютер. Ты лишен сана!

Народ ропщет.

Карлштадт. Община вроде бы другого мнения.

Лютер *(рычит на крестьян).* Заткните глотки! Мне понадобилось три года, чтобы обрести истинную веру. А вам наверняка понадобится еще больше.

Карлштадт. Нигде не сказано, что господь поручил проповедовать свое слово только одному доктору Лютеру. Да и люди интересуются, отчего это один лишь доктор Лютер может толковать Библию в ее истинном смысле.

Лютер. Ты предстанешь перед университетской цензурой — или твои сочинения будут запрещены.

Карлштадт. Ты отправил бы на костер и апостола. С тобой не поздоровилось бы и самому Христу!

Лютер. Мужицкий профессор!

Карлштадт. Придворный профессор!

Лютер. Я тебя насквозь вижу, мой милый.

Карлштадт. И я тебя.

Лютер. Больно ты зазнался! Много о себе понимаешь! Прославиться хочешь!

Карлштадт. Оно и видно, кто зазнался и много о себе понимает, кто сам себя хвалит и ищет высоких почестей.

Лютер. Тогда, в Лейпциге, ты тоже очень важничал, все лез в диспуты.

Карлштадт. А что мне было делать? Тебя ведь допустили только позже. И тебе это известно. Зачем же ты лжешь? Все-

гда и везде ты старался, чтобы вся слава приходилась на твою долю, а к другим разжигал ненависть. И сегодня ты только и делал, что натравлял на меня народ. Ну, продолжай, продолжай, другие тоже свое слово скажут.

Лютер. Ты собираешься писать против меня?

Карлштадт. Почему бы и нет?

Лютер. Ну, давай. Давай, проповедуй, пиши, нападай на меня. Я даже заплачу за это. Вот, возьми. *(Бросает на землю монету.)*

Карлштадт поднимает ее.

Карлштадт. Дорогие братья, пусть эта монета послужит доказательством, что я имею право писать против доктора Лютера. Будьте свидетелями. Расскажите об этом всем.

Лютер. Свидетели, тоже мне! К чему это? К чему нам свидетели, старина? Все это между нами. Есть у вас пиво?

Им подают две кружки.

Что ж, старина, твое здоровье!

Чокаются, пьют. Карлштадт и крестьяне уходят. Лютер переходит налево.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Лютер. Я требую, чтобы Карлштадта немедленно выслали.

Спалатин. Он собирается приехать в Виттенберг, чтобы дать объяснения.

Лютер. Его нужно выслать. Немедленно.

Спалатин. Община писала нам. Этой зимой. У него маленький ребенок и жена беременна. Люди на его стороне. Это только вызовет смуту.

Лютер. Я настаиваю и еще раз настаиваю. И Мюнцера тоже надо убрать. Обоих убрать. Иначе я ни за что не ручаюсь. Смута, убийства, революция!

Спалатин. Это не ваша забота.

Лютер. Ваша, стало быть. С чего это вдруг? Вот мило. За тысячу лет не нашлось ни одного человека, который столько бы сде-

лал для господ, как я. Только благодаря мне власть имущие очистили свою совесть.

Спалатин. За что и выражают вам свою признательность.

Лютер. Я почти готов гордиться, что со времен апостолов никто лучше меня не разъяснил суть светской власти и администрации. Даже мои враги вынуждены это признать. А мне платят тем, что хулят и проклинают мое учение, как мятежное и враждебное власти.

Спалатин. Заблуждение журналистов.

Лютер. А вы к нему приложили руку! В Вормсе вы заставили меня разыгрывать комедию, никогда вам этого не прощу. Сидели, как идолы, вокруг императора, он-то ничего в таких вещах не смыслит, а я был вынужден делать все, как вы хотели, за что вы меня и прокляли беззаконным образом.

Спалатин. Только для проформы. Вы это знаете.

Лютер *(кричит)*. Но мир этого не знает! Как я выгляжу? Меня считают мятежником, смутьяном, революционером. А я охраняю вас от гнева господня. Но погодите — когда я умру, он сокрушит вас!

Спалатин. Вы преувеличиваете, как всегда.

Лютер. А что, если моя жизнь столь ценима богом, что после моей смерти ни ваша жизнь, ни жизнь ваших господ более не будет в безопасности? Что, если моя гибель принесет гибель всем вам?

Спалатин. Не впадайте, пожалуйста, в истерику.

Лютер *(срывает с себя жакет)*. Ну, убивайте, убивайте меня, вот он я, вот, но уже больше не воскрешайте!

Спалатин со скучающим видом осматривается.

(Застегивает жакет.) Да, я знаю, мне не дано пострадать от тиранов этого мира, в то время как других убивают и сжигают. Зато мне приходится все чаще бороться с дьяволом.

Спалатин. Вот это уж воистину ваше личное дело.

Лютер. Уберите Карлштадта. Он посягает на чистоту учения.

Спалатин. Ну хорошо. Вышлем.

Лютер. И Мюнцера.

Спалатин. О нем уж мы позаботимся.
Лютер. Благодарение господу.

Оба уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

На помосте — Иоганн Саксонский, брат Фридриха (его играет тот же актер). Рядом — Файлич. Перед помостом — Спалатин и Мюнцер.

Спалатин. Брат курфюрста ожидает вас.

Они поднимаются на помост. Спалатин подходит к Иоганну и что-то шепчет ему на ухо. Иоганн кивает.

(Мюнцеру.) Ваша проповедь, прошу.

Мюнцер. О вы, господа, называющие благо злом, а зло благом, настало худое время, пришли черные дни. Нужны великие перемены, и тщетно противиться им. Нынче, говорят, нет ни помощи, ни прощения бедному, несчастному, погибшему человечеству. Но что же делать, если в мире воцарилась мерзость запустения. О каких переменах можем мечтать мы, жалкие черви, ежели мы столь почитали достоинство величия, что сам Христос кажется нам размалеванной куклой по сравнению с великими титулами и именами мира сего. Оглянемся окрест себя — везде ложь, везде суетность, и кривляется она, и расползается по всей земле, и соблазняет людей великим суесловием. Что ж, вам, владыкам этого мира, легко болтать о вере. Вы изображаете великую доброту и долготерпение, и нет на земле прекрасней одежд, чем те, в которые вы рядите вашу лживую доброту. И вот мир наполнился святошами, из коих ни один не имеет смелости сказать истинную правду. Ибо тогда правда выйдет на свет. Но человек должен иметь мужество, чтобы понять истину и отличить честных людей от лживых. А ведь ясно как божий день, что ничто не подвергается такому презрению, такому вопиющему поруганию, как дух святой. Они публично осмеяли его и осмеивают по сей день. Глас народа — глас божий, а они

украли его, а на место господа бога поставили деньги, чтобы бедные люди алкали. Ибо они хотят прибрать весь мир к рукам, дабы умножать свое богатство и тешить свое тщеславие, и думать, что только они одни возвеличены надо всеми. Но нет места этим безбожникам на земле! Ибо Христос говорит: если кто притесняет хотя бы одного из малых сих, ему следует привязать на шею жернов и бросить в глубокое море. Можете говорить, что угодно, а ведь Христос говорил только об одном из малых сих,— что же сказать, если притесняют целый народ. А его притесняют эти мерзавцы и кричат, что они добрее самого бога, а сами испоганили весь свет.

Иоганн угрожающе рычит.

Вот видите, эта лживая коварная доброта сразу обернулась злобой. И только не втолковывайте нам с постной рожей, что-де господь сам покарает их, что нельзя-де подымать меч. Мы не дадим себя совратить лживыми речами о долготерпении, смирении и доброте, ибо если камень покатился, значит, он стал велик. Он стал велик и мощен и бедным людям лучше виден, чем вам. Ах, любезные господа, как славно будет запустить железной палкой в старые горшки! А посему, дражайшие и любезнейшие наши правители, узнайте свой приговор. У вас отнимут власть, ибо, пока не началась жатва, дурную траву — с поля вон! И тогда наша красная пшеница даст добрые всходы.

Иоганн в бешенстве вскакивает. Короткая пауза, затем он оборачивается к Спалатину и что-то шепчет ему на ухо. Спалатин кивает. Иоганн, Спалатин и Файлич уходят. Мюнцер стоит один на помосте. Потом уходит.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Двое журналистов приготовились записывать ответы Лютера. Лютер садится за стол.

Лютер. Вот скотина, а вот и стойло, сказал дьявол и загнал муху в зад своей мамаше. *(Смеется.)*

Первый журналист. Господин доктор, почему ваши сочинения столь резки?

Лютер. Того, кто в наше время пишет спокойные трактаты, быстро забывают, и никому до него нет дела.

Первый журналист. Господин доктор, откуда вам известно, что вы — избранник божий?

Лютер. Я уверен, что мое слово не мое, но божье, а потому и уста мои суть уста того, чье слово они возвещают.

Второй журналист. Но это вы так считаете.

Лютер. Никому, даже ангелу небесному, я не уступлю чести судить о моем учении. Кто не примет моего учения, тот не спасется.

Второй журналист. Вы в этом уверены, господин доктор?

Лютер. Я стоял в Вормсе перед императором и империей и не колебался. Я немецкий пророк. Вся Германия последует за мной по одному моему слову.

Первый журналист. Что вы думаете о князьях?

Лютер. Господь наш велик, потому и нужны ему столь благородные, высокорожденные, богатые палачи и мытари, и он пожелал дать им в изобилии богатство и почести и внушить нам страх перед ними. Повинуясь его божественной воле, мы называем его палачей милостивыми государями, падаем им в ноги и служим со всем смирением.

Первый журналист. А ваш князь?

Лютер. Я им доволен.

Второй журналист. Самим собой вы тоже довольны?

Лютер. За тысячу лет господь ни одному епископу не дал столь великого дара.

Второй журналист. Находятся люди, которые утверждают, что вы лжете.

Лютер. Если верное сердце притворяется — в этом нет лжи.

Первый журналист. Господин доктор, теперь повсюду говорят, что простые смертные тоже хотят участвовать в диспутах.

Лютер. Об этом не может быть и речи. Диспутами должны заниматься соответствующие учреждения и пророки. Даже если

они учат неправильно, народа это не касается. Представляете себе, что начнется, если все начнут перебивать друг друга? Пророки вещают, а община внемлет.

Второй журналист. Господин доктор, что вы думаете об Эразме?

Лютер. Эразм — величайший враг Христов,— такого свет не видел за последнюю тысячу лет. Во всех своих сочинениях он ратует не за веру, а за суетный ничтожный мир на земле.

Первый журналист. А Коперник?

Лютер. Этот шут собирается перевернуть вверх дном всю астрономию. Впрочем, сейчас время такое. Каждый умничает на свой лад.

Второй журналист. Господин доктор, что вы скажете о магометанах?

Лютер. Позорная, лживая и чудовищная вера. Я возмущен, что люди по дьявольскому наущению исповедуют такие мерзости.

Первый журналист. Господин доктор, что вы думаете о докторе Мюнцере?

Лютер. Кто видел Мюнцера, видел дьявола.

Второй журналист. Он ввел в Альштедте немецкую мессу.

Лютер. Мы будем говорить обо мне или о Мюнцере?

Второй журналист. Почему вы не введете немецкой мессы? Потому что ее ввел Мюнцер?

Лютер. Сначала нужно посмотреть, угодно ли это богу.

Первый журналист. Этот бог — ваш курфюрст?

Лютер. Об этом судить не мне, но господу.

Второй журналист. Как вы относитесь к папе и кардиналам?

Лютер. Кто видел папу, видел дьявола. Все, чем он владеет,— краденое. Содомит этакий. Сластолюбец со своими гермафродитами. Чума на него, сифилис, проказа, язва и все прочие напасти и болезни. Наши князья должны объединиться и все у него отобрать. Всей этой папской сволочи нужно повытягивать из пасти языки и прибить к виселице.

Первый журналист. Что вы думаете о евреях?

Лютер. Кто видел еврея, видел дьявола. Все, чем они владеют,—

краденое. А князья и власти сидят, раскрыв рот, и хлопают ушами. Евреи не должны ничего иметь, а все, что они имеют, должно быть нашим.

Второй журналист. Что же следовало бы делать властям?

Лютер. Во-первых, поджечь все синагоги, а что останется, засыпать землей, чтобы ни единая душа не видела даже камня, во веки веков. И это надо совершить во славу господа, дабы он узнал, что мы истинные христиане. Потом нужно разрушить их дома. И загнать их всех в стойла и сараи, как цыган, дабы они знали, что они — в нищете и в неволе. Надо отобрать у них их молитвенные книги и запретить их раввинам учить — под угрозой смерти. Потом отнять у них все наличные деньги и все серебряные и золотые драгоценности и спрятать подальше. Молодым сильным евреям и еврейкам нужно дать в руки цепы, топоры, молоты, лопаты и веретена, пусть зарабатывают хлеб свой в поте носа своего. А если мы боимся, что, работая на нас, они причинят нам вред, то надо призвать на помощь здравый смысл, рассчитаться и разделаться с ними, а их в любом случае изгнать из страны.

Первый журналист. Господин доктор, что вы думаете о немцах?

Лютер. Мы немцы и останемся немцами, то есть свиньями и неразумными животными.

Второй журналист. А об иностранцах?

Лютер. Итальянцы коварны, французы похотливы, испанцы — варвары, Англия смеется над нами.

Первый журналист. Господин доктор, каково ваше мнение о женщинах?

Лютер. У них две сиськи и дыра между ног. *(Смеется.)* Жена должна любить, слушаться и уважать своего мужа. А ежели баба надорвется и помрет,— ничего, на то она и баба. Лучше жить недолго, но быть здоровым, чем жить долго и болеть.

Второй журналист. А студенты?

Лютер. Распущенны, безнравственны, непослушны.

Второй журналист. Как выглядят небеса?

Лютер. Небеса — это великий свет. Цветы, листва и трава, красивая, как изумруд. Золотые агнцы. Вообще очень будет красиво, очень.

Первый журналист. Как выглядел Ноев ковчег?

Лютер. Триста локтей в длину, пятьдесят в ширину, пятьдесят в высоту. В самом низу — медведи, львы и прочие дикие звери: мирные звери — на промежуточной палубе, там их и кормили, а наверху — домашние животные и птица. Там было очень темно. Удивительная история. Если бы о ней не писала Библия,— просто невероятная.

Второй журналист. Когда было грехопадение?

Лютер. В два часа пополудни. Господь молчал до четырех или до пяти.

Второй журналист. Когда будет судный день?

Лютер. До сих пор считалось — в тысяча пятьсот девяностом году. Но теперь он настанет раньше. Я рассчитал.

Первый журналист. Есть ли черти?

Лютер. У нас в Виттенберге две тысячи чертей на крышах, сорок тысяч на облаках. Много злых духов в Пруссии. В Швейцарии, недалеко от Люцерна, на одной высокой, очень высокой горе есть озеро, называется Пилатов пруд, так там целые поселения чертей.

Второй журналист. Вам приходится часто бороться с дьяволом?

Лютер. Я хорошо знаком с сатаной.

Первый журналист. Господин доктор, мы благодарим вас за беседу.

Журналисты уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Писец, два товарища Мюнцера и Мюнцер, у которого связаны за спиной руки. На помост поднимается Спалатин.

Спалатин. Письмо.

Писец отдает ему письмо.

(Бьет Мюнцера письмом по лицу.) Чтоб ты знал, что князь — это князь. Что здесь написано?

Мюнцер. Администратору Саксонии.

Спалатин. Князь *(пощечина)* есть князь *(пощечина)*. Что здесь написано?

Мюнцер. Администратору Саксонии.

Спалатин. Князь *(пощечина)* есть князь *(пощечина)*. Что здесь написано?

Мюнцер. Администратору Саксонии.

Спалатин. Так сожри это!

Запихивает Мюнцеру бумагу в рот.
Мюнцер ее проглатывает.

Вы знаете этого человека?

Первый товарищ. Никогда не видел.

Спалатин. А ты?

Второй товарищ. Знаю, это сапожник с Лангенгассе.

Спалатин. Сапожник?

Второй товарищ. Да.

Спалатин *(первому товарищу Мюнцера)*. А ты его совсем не знаешь?

Первый товарищ. Если присмотреться, вроде припоминаю. Имел я как-то дело с таким Альбрехтом из Остероде. Он канатчиком был.

Второй товарищ. Нет-нет, этот парень сапожник, я ж его знаю.

Первый товарищ. Да я о брате говорю.

Второй товарищ. О каком брате?

Первый товарищ. Канатчика.

Второй товарищ. Я его не знаю.

Первый товарищ. Но лицом он был схож.

Второй товарищ. С канатчиком?

Первый товарищ. С этим вот парнем.

Второй товарищ. Да это же сапожник.

Первый товарищ. Да они и похожи-то вовсе не были.

Второй товарищ. Вот я и говорю.

Первый товарищ. Это брат был.

Второй товарищ. А у этого и брата никакого нет.

Первый товарищ. Ну, значит, не он.

Второй товарищ. Значит, не он.

Писец. Кто?

Первый товарищ. Сапожник.

Второй товарищ *(одновременно с ним)*. Канатчик.

Спалатин. Наш всемилостивейший курфюрст любит комедии. Особенно если там в конце отрубают голову. Ибо за участие в заговоре положена смертная казнь.

Первый товарищ. Оно и верно. А то до чего же мы дойдем? Наши милостивые господа стали бы опасаться за свою жизнь.

Второй товарищ. Без смертной казни никак нельзя. От милосердия проку никакого. Только портить людей.

Спалатин. Прекрасно. Значит, вас и обезглавят как заговорщиков. У нас здесь есть список участников вашего союза.

Второй товарищ. Я состою только в церковном хоре.

Спалатин. Здесь стоит твое имя.

Второй товарищ. Я читаю только ноты.

Спалатин. А вот твое имя.

Первый товарищ. Тут с нас намедни деньги собирали. Может, это тот листок и есть?

Второй товарищ. Верно. Я полгульдена внес. Пожертвование на церковь.

Спалатин *(Мюнцеру)*. Хороши оба, а?

Мюнцер. Да, честные люди.

Спалатин. Этот вот уже целую неделю как чинит церковную крышу.

Мюнцер. Ах, это вы.

Спалатин. У него в кармане была твоя записка: «Последние станут первыми».

Мюнцер. Да, я хотел читать об этом проповедь. Потерял, наверно.

Первый товарищ. Я ее нашел на церковном дворе.

Спалатин. И собирался передать Мюнцеру?

Первый товарищ. Да ведь я его не знаю.

Спалатин *(Мюнцеру)*. Но этого ты знаешь. Он поет в церковном хоре.

Мюнцер. Хором занимается дьячок. У меня нет слуха.

Спалатин. И имена их тебе неизвестны?

Мюнцер. Нет.

Спалатин. И парней этих ты в глаза не видел?

Мюнцер. Нет.

Спалатин. У нас есть свидетели.

Мюнцер. Город велик. Мало ли с кем здороваешься. Одному ответишь, другому ответишь. Бывает.

Спалатин *(вынимает новый лист бумаги)*. Четвертого числа вы сидели в трактире «У золотого осла».

Второй товарищ. Верно. Я ему отдал мои башмаки.

Спалатин. Мюнцеру?

Второй товарищ. Сапожнику.

Спалатин. Это Мюнцер, идиот!

Второй товарищ. Вот этот?

Спалатин. И ты сидел с ним в трактире.

Второй товарищ. Никогда в жизни. Неужто Мюнцер будет чинить мои башмаки?

Спалатин. Именно. Так о чем вы говорили?

Второй товарищ. Я ему отдал чинить мои башмаки.

Спалатин. Мюнцеру?

Второй товарищ. Сапожнику.

Спалатин. Но это же Мюнцер!

Второй товарищ. Врет!

Спалатин. А о чем вы с ним говорили шестого числа?

Второй товарищ. Я забрал у него из починки мои башмаки. Там должно быть так и написано. А если не так, значит, переврано.

Спалатин. А девятого?

Второй товарищ. Башмаки моей жены.

Спалатин. И опять в трактире?

Второй товарищ. Да он пьет без просыпу.

Первый товарищ. Точь-в-точь, как тот канатчик,

Спалатин *(рычит)*. Убрать их! Вон!

Писец выталкивает обоих товарищей Мюнцера.

(Мюнцеру.) А до тебя мы еще доберемся. *(Уходит.)*.

Писец *(развязывает Мюнцеру руки. Тихо)*. Вы все под наблюдением. Они схватят вас на ближайшем собрании. Сегодня у южных ворот будет лежать веревочная лестница. Тебе лучше пока исчезнуть.

Мюнцер. Спасибо. Передай остальным, что я отправлюсь в Мюльхаузен. Там что-то заварилось.

Оба уходят.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Лютер сидит за кружкой пива и сочиняет песню.

Лютер *(поет)*.

Христу мы новый гимн споем,
Вовеки его восславим...

Меланхтон входит, держа под мышкой пачку документов.

Ты слышал? У меня есть два мученика. В Брюсселе сожгли двух молодых парней. Я сочинил об этом песню.

Меланхтон. Забавно.

Лютер *(поет)*.

Мы верить в господа должны,
Соблазнов всех бежать...

Тут чего-то не хватает.

Меланхтон.

От века люди все грешны,
Нельзя им доверять.

Лютер *(одобрительно кивает и поет)*.

И вот они сгорели...

Хорошо. *(Пробует на разные лады.)* Сгорели, сгорели, сгорели, сгорели...

М е л а н х т о н *(швыряет ему документы)*. Прислали от курфюрста.

Л ю т е р. Ну и лицо у тебя.

М е л а н х т о н. Повсюду конфискуют церковное имущество. Вот. Целый епископат.

Л ю т е р. Знаю.

М е л а н х т о н. Им всем нужны только деньги. Религия никого не интересует.

Л ю т е р. Да.

М е л а н х т о н. Князья хотят только власти. Евангелие для них — ширма.

Л ю т е р. Да.

М е л а н х т о н. А мы им эту ширму сделали.

Л ю т е р. Да.

М е л а н х т о н. «Да», «да». А пока что монастыри исчезают один за другим.

Л ю т е р. Наша задача спасать души. Если мы ее осуществим, пусть князья делают что хотят. Мне все равно. Пусть грабят церковное имущество. Ведь оно все равно принадлежит дьяволу.

М е л а н х т о н. Князьям.

Л ю т е р. Предоставь делам идти своим чередом. Чему быть, того не миновать. Нам-то для чего лезть из кожи? Кое-кто зря воображает, что ему удастся изменить мир. Пива хочешь?

М е л а н х т о н. Нет.

Л ю т е р. Ты должен больше грешить, Меланхтон. Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься. Я жру, как богемец, а пью, как немец, слава богу. *(Поет.)*

Они зажгли два огромных костра
И отроков привели...

Я бы предпочел, чтобы сгорели все мои книги. Но я во всем уповаю на господа. Истина всегда пробьет себе дорогу.

М е л а н х т о н. Что князь пропустит, то и пробьет себе дорогу.

Л ю т е р. Пока можно, они нас используют, а потом всех — к ногтю. Стало много хуже, чем под папой. Тогда люди были мягче. Теперь все травят друг друга, а князья только и делают, что жрут, спят и пьют. Будь моя воля, я бы в три

недели вернул всех к старой церкви. Я оплот папы в Германии. Вот когда я умру, они поймут, кого во мне потеряли. Другие не будут так смирять себя, как я.

М е л а н х т о н. Слышал бы это курфюрст.

Л ю т е р. Знай я раньше, что знаю теперь, я бы ни за что не ввязался в эту историю. Ни за что. Меня бы на аркане в нее не затащили. Я бы молчал как рыба. Но господь поразил меня слепотой. Если бы начать все сначала, я бы все сделал иначе. Я безмозглый осел.

М е л а н х т о н. Зачем же ты продолжаешь читать проповеди?

Л ю т е р. Чтобы они могли потом рассказывать, что слышали самого Лютера.

М е л а н х т о н. Мне нужна твоя подпись.

Л ю т е р. Конечно, пострадать за божье дело — прекрасное утешение. Но надо же и меру знать. *(Подписывает.)*

М е л а н х т о н. Мне страшно. Очень страшно.

Л ю т е р. А меня злит твой жалкий и мелочный страх. Ты опасаешься за судьбы мира. Тебя волнует судьба грядущих поколений. Не наше это дело — предвидеть будущие войны. Наше дело — слепо верить и исповедовать веру. Слабому нашему разуму может казаться, что мир — это благо. Но господь, в чьей власти послать нам войну или мир, значит больше, чем любой мир. А посему я с глубоким спокойствием наблюдаю за событиями. Наше дело правое и истинное, и оно есть дело Христово. Если сразят нас, значит, будет сражен и Христос. Еще пива.

С л у ж а н к а приносит еще одну кружку.

М е л а н х т о н. К сожалению, я не в таком мирном согласии с господом.

Л ю т е р. Это все твоя философия. Ты хочешь, чтобы миром правил разум. Признаю — в философии ты силен, но мне еще придется и твоей философии отрубить голову.

М е л а н х т о н. Я ученый, а не теолог.

Л ю т е р. Если наука не служит Христу, а попирает его ногами, то пусть лучше погибнет наука, чем религия.

Меланхтон. Аминь.

Лютер. Согласно разуму, бога вообще никакого нет.

Меланхтон. Значит, надо отменить бога.

Лютер. Нет, разум. Разум — злейший враг веры. Мудрость разума есть величайшая блудница дьявола. Ее нужно раздавить, попрать ногами. Либо слово божье — либо голос разума. Нельзя слушаться того и другого, нужно выбрать одного из двух.

Меланхтон. Тогда я выбираю разум.

Лютер. С точки зрения разума нет ни одной религии, которая была бы столь же глупа и несуразна, как христианская. Все символы веры перед лицом разума — сплошная нелепость. Да разве мыслимо, чтобы во время причастия господь давал нам вкусить от своего тела и крови или чтобы мертвые восстали в день Страшного суда, или чтобы Христос — сын божий, зачатый девой Марией, был рожден из ее лона, стал человеком и умер позорной смертью на кресте? А эти сказки про Иону и кита, про Эдем и змея, про Иисуса Навина и солнце? Смех. Но так написано в Библии, и значит, мы должны в это верить.

Меланхтон. Я больше не могу веровать.

Лютер. Ну, слава богу, что не я один. А то я уж думал, так бывает только со мной.

Меланхтон. Христианство хочет лишь одного — дать людям душевный покой и подсказать им, как следует поступать. Все остальное — буквоедство и грызня сект.

Лютер. И для чего только нужен бог в этой жизни? Лучше всего живут как раз те, кто бога не знает. Я уже не могу веровать во Христа, хотя раньше верил во всякое дерьмо. Но таких мыслей нельзя допускать. Господь запретил. Нужно закрыть глаза и верить. Нужно верить, верить, верить. Больше ничто не поможет.

Меланхтон. Я уйду в отставку.

Лютер. Хочешь уехать?

Меланхтон. Мне хотелось бы вернуться к науке. Теологическими склоками я сыт по горло.

Л ю т е р. Ты послан богом, ты останешься.

М е л а н х т о н. Я нанят курфюрстом.

Л ю т е р. Тебя послал господь мне в помощь.

М е л а н х т о н. Показать тебе грамоту курфюрста о моем назначении?

Л ю т е р. Грамота — дело рук человеческих. Ты же — орудие господа.

М е л а н х т о н. Я профессор на жалованье у князя.

Л ю т е р. Я пойду к князю, и он запретит тебе выезд.

М е л а н х т о н. Либо выслать, либо не выпускать — вот и вся твоя мудрость.

Л ю т е р. Я пророк Германии. Пока я жив, Германия не должна знать никаких бед. Но если я умру — тогда молитесь.

М е л а н х т о н *(встает).* Ты пьян. *(Уходит.)*

Л ю т е р. Да, я пьян. *(Орет вслед уходящему Меланхтону.)* Да, пьян! *(Пьет.)*

ПОМОСТ СПРАВА.

На помосте — М ю н ц е р и П ф а й ф е р. Перед помостом — г о р о ж а н е.

М ю н ц е р. Граждане Мюльхаузена, повсюду запрещают следовать моему учению, ибо оно крамольно. Тем из вас, кто хочет судить здраво, возможно, крамола и не по душе, но справедливое возмущение не может быть им чуждо. Пусть они обратятся к собственному разуму, не то на долю моего учения выпадет слишком большая ненависть, либо слишком сильная любовь. Я не хочу ни того, ни другого. Нам нужен новый совет и новый суд. Ибо народ должен участвовать в свершении правосудия. А если власти захотят вынести несправедливый приговор, вы должны его отвергнуть. Я знаю, вы боитесь на что-либо решиться. Я помогу вам. Сосчитайте все злоупотребления, нарушения закона, преступления, проступки и несправедливости, совершенные вашими господами. Список будет бесконечным. Вы обнаружите сотни преступлений ваших господ, вашей власти. Запишите их. Напечатайте

этот перечень. Представьте его всему свету, ибо в нем ваше оправдание перед всем светом. Тот, кто увидит этот список, не посмеет упрекать вас. Люди скажут, что вы слишком долго терпели и слишком долго ждали, и другие города и земли последуют вашему примеру. Ибо противоречия стали вопиющими. Надо положить этому конец. На что вам еще надеяться в будущем? На господ надежда невелика. Но и господа не всесильны. Власть будет отдана народу, и тогда уж господам придется поступать по справедливости, хотят они того или не хотят.

Пфайфер. Кто за то, чтобы выбрать новый совет?

Большинство горожан поднимает руки.

Хорошо. Завтра выборы. Каждый квартал выдвигает одного кандидата. Членам нового совета будем платить мы сами. Мы конфискуем имущество церкви. Мы выберем новый суд. Ни один гражданин не может быть арестован без причины. Все налоги и сборы будут подвергнуты проверке, а также долги и долговые проценты. Бедные будут питаться за счет общины. Мы можем сами осуществлять управление. В Мюльхаузене — демократия.

Горожане ликуют.

Горожанин *(кричит)*. Мюнцер!
Мюнцер. Чего ты хочешь?
Горожанин. Проголосуем еще раз!
Мюнцер. Выборы завтра.
Горожанин. Но нам охота!
Мюнцер. Зачем?
Горожанин. Просто так. Для удовольствия.
Мюнцер. Итак, кто за?

Все поднимают руки.

Кто против?

Все поднимают руки.

Мюнцер. Кто воздержался?

Все поднимают руки.

Принято.

Смех.

(Пфайферу.) Я отправлюсь в Южную Германию и Швейцарию. Крестьяне пробуждаются!

Мюнцер и Пфайфер уходят. Горожане уходят налево.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Перед помостом собираются крестьяне. У каждого в поднятой руке Библия.

Хор *(скандирует).*
Адам пахал, а Ева пряла,
Тогда богатых не бывало.

Первый крестьянин *(всходит на помост).* Все люди равны. Мы хотим быть свободными, мы не животные. Мы хотим нового порядка. Мы хотим сами управлять, решать. Мы хотим избрать новые суды. Мы хотим, чтобы закон был один для всех. Мы требуем устроить в стране всеобщие свободные выборы.

Рабочий *(взбегает на помост).* Братья! Я работаю на руднике. Рудник принадлежит Фуггеру. Я добываю руду. Руда принадлежит Фуггеру. Мой брат работает на заводе. Завод принадлежит Фуггеру. Мой брат обрабатывает руду. Фуггер ее продает. Посмотрите, чем владеет мой брат и чем владею я. Посмотрите, чем владеет Фуггер. Разве это правильно? Разве это порядок?

Мужской голос. Отобрать рудники!

Второй крестьянин *(взбегает на помост).* Мы, крестьяне, надрываемся круглый год с утра до вечера, чтобы несколько господ могли жить как подобает их сословию. Что значит —

подобает сословию? Почему существуют разные сословия? Разве не все мы — люди? Тысячи людей работают, чтобы один мог на это жить. Как подобает его сословию. В замке. А зачем им замки? Почему они не могут жить, как мы, в обычных домах?

Мужской голос. И почему мы не имеем права тоже отправиться в город и стать горожанами?

Первый крестьянин. Дорогие братья, вы выбрали меня вожаком. Нам нужна дисциплина. Никаких непродуманных действий. Мы устроим демонстрацию в защиту наших прав. Мы потребуем немедленных переговоров. Если они согласятся на переговоры, мы разойдемся по домам.

Третий крестьянин *(вспрыгивает на помост)*. Мы двенадцать раз вступали в переговоры с нашим господином. Эти переговоры обошлись нам в четыреста тысяч. И каждый раз, как только мы начали думать, что все вот-вот уладится, этот подлец седлал коня — и только его и видели. Он заявлял, что все останется как есть. Недавно он повысил налоги в двадцать раз. Мы снова пять дней вели переговоры. А толку? Он грозится позвать солдат.

Первый крестьянин. Дорогие братья, мы сделали все по закону, мы сообщили господам о создании нашего союза и заверили их, что не собираемся применять насилия. Мы не хотим кровопролития. Мы люди мирные. Мы по-братски предупредим наших господ и вежливо пригласим их присоединиться к нам. Мы никого не хотим оскорблять. Тот, кто присоединится к нам, сохранит свои земли и свои замки. Если кто нажил свое добро честно, у того ничего не отберут. Пусть наши споры с господами решает мировой суд. Мы напишем Лютеру и Меланхтону, они люди надежные. Они сочувствуют крестьянам. А до тех пор пусть каждый слушается властей как положено. Всякое насилие над начальниками запрещается строго-настрого. Кто станет противиться, того мы накажем. Нужно во что бы то ни стало сохранить в стране мир. Добро каждого находится под защитой. Право и суд останутся пока прежними, и все должны подчиняться

закону. Нельзя никого лишать законных прав. Имения дворян и духовных лиц следует охранять особенно. За своевольный грабеж и подстрекательство к мятежу — смертная казнь. Старосты обязаны следить за соблюдением порядка. Долги и проценты будем платить по-старому.

Крестьяне ропщут.

Да, по-старому, если вы не хотите, чтобы потом о вас говорили, что вы не платите долгов. Что вы нечестные люди. А налоги мы будем сдавать на сохранение, пока не договоримся насчет них с господами. И чтобы никто не смел прикасаться к церковному имуществу! Ничего не отбирать и не продавать! Все будет точно записываться в книгу. А теперь, Ганс, прочти насчет порядка службы в войске.

Ганс. Каждая деревня выставляет четыре отряда, которые служат посменно восемь суток и содержатся за счет деревни. Офицеры и советники остаются при войске и получают за это жалованье. Чтобы покрыть большие расходы, взимается налог. С каждого причитается по два крейцера. Слово божье проповедуется два раза в день.

Мужской голос. Хватит и одного.

Ганс. Богохульство, ругань, пьянство, игра и блуд запрещаются. Всех девок — прогнать.

Мужской голос. Таких порядков ни в одном монастыре нет.

Ганс. Все войско делится на полки по пятьсот человек. Каждый полк выбирает капитана, прапорщиков, фельдфебелей, интенданта, начальника трофейной команды, казначея, фуражира, профоса, каптенармуса, начальника арсенала, начальника обоза и вахмистра.

Мужской голос. Да, хлопот у нас полон рот.

Ганс. Во главе стоит капитан, его заместителями являются лейтенант и старшина. При капитане состоит советник от крестьян. Без его одобрения не принимается и не отправляется ни одно письмо. Кроме того, для канцелярии нам еще нужен писарь.

Крестьянин. Да здравствует революция! Смерть князьям!

П е р в ы й к р е с т ь я н и н. Этого человека арестовать немедленно!

Все уходят.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Входит М ю н ц е р.

Л ю т е р. Здравствуй.

М ю н ц е р. Здравствуй. *(Садится.)* Пора, Лютер. Осень на пороге. Перестань умасливать своего князя. Мы не можем больше ждать.

Л ю т е р. Это все дьявол! Он хочет уничтожить меня! До сих пор ему не удавалось сделать это ни хитростью, ни силой, но он не унимается. Он перевернул свет вверх дном — все из-за меня. Я всему причина. Он хочет отделаться от меня. Он уже много раз пытался меня убить. Он распространил пророчества, намекающие на меня. О, я его знаю!

М ю н ц е р. Народ хочет свободы.

Л ю т е р. Дьявол и его проповедник!

М ю н ц е р. Я только говорю людям, что человек не должен так жестоко притеснять себе подобных. А коль скоро наши важные господа об этом и слышать не желают, значит, надо отнять у них власть. Я не собираюсь затыкать себе рот. Нужно все объяснить людям. Люди голодают. Они хотят есть.

Л ю т е р. Что ж, тогда, с божьей помощью, я буду готовиться к смерти и приму ее от своих новых господ, убийц и разбойников, которые уверяют меня, что никому не причинят зла.

М ю н ц е р. Господам будет сохранена жизнь и самое необходимое из имущества.

Л ю т е р. Пусть другие в это верят, только не я. Кто дерзает на такое противозаконие, кто идет против своих господ, тот отберет у них все. Мудрец говорит: Cibus, onus et virga asino — ослу положен корм, ноша и плетка. А крестьянину положены розги. Если они не хотят слушаться, пусть услышат свист ядер, и поделом им. Мы должны молить господа, чтобы он

внушил им послушание. Иначе не будет им пощады. Заговорят пушки.

Мюнцер. Да ты стал прямо записным спасителем, с мучениками, молитвами и прочей дребеденью. Удобная вера для богатых — и приторный Христос для бедных.

Лютер. Христос явился мне в откровении. Я знаю истинную веру.

Мюнцер. Ну, ну!

Лютер. Мне пришлось рисковать головой. Мне грозила смерть.

Мюнцер. Да, знаю, ты всюду кричишь, что тебя травят, тебя преследуют. А то, чего доброго, люди заметят, что ты сам гонитель истины. Я вообще удивляюсь, как это ты до сих пор не умер от столь чудовищных преследований и такого хорошего пива? К чему ты обманываешь людей? В Лейпциге тебе жилось совсем неплохо, ты преспокойно выехал из городских ворот, и тебя еще проводили цветами и добрым вином. А в Аугсбурге тебя оберегали твои советники.

Лютер. В Вормсе я был один на один с императором и империей.

Мюнцер. Ты так трубишь об этом, что, кажется, и сам веришь в эту несусветную чушь, будто в Вормсе ты оказался один на один с империей. Скажи спасибо немецким князьям, перед которыми ты так распинался и которым своими проповедями сулил златые горы. Обещал монастыри и угодья. Если бы в Вормсе ты отрекся, то тебя бы прикончили, а не отпустили, это каждый знает. А потом ты преспокойно сдался в плен и еще сделал вид, что не по своей воле. Если не знать твоих плутней, то можно и впрямь поклясться всеми святыми, что ты праведник. А теперь, когда правда выходит наружу, ты хулишь и поносишь малых, а отнюдь не великих мира сего. Зачем ты льстишь князьям? Чтобы сохранить свою славу? Зачем ты называешь их светлейшими? Зачем ты называешь их благородными, хотя они попирают Христа ногами?

Лютер. Христиане ли они — это сомнительно, но что они князья — это несомненно. А посему следует пренебречь тем, что сомнительно, и делать ставку на то, что несомненно.

М ю н ц е р. Игра наверняка — с богом в качестве джокера.

Л ю т е р. Лягушкам нужен аист, чтобы он отрывал им головы. Князю все позволено. Князь — это великолепно, в нем я не сомневаюсь. Под его защитой мы сидим здесь, как в райских кущах. Но все остальные не внушают мне доверия. Если бы не князь, то крестьяне, рыцари и горожане заморили бы нас голодом или просто поубивали бы. И кроме того, теперь не то, что раньше, бедных больше нет,— попробуй найти работника. Не понимаю я этого. Глупый народ.

М ю н ц е р. Ну да, конечно. Правителей никто не смеет судить, а чтобы успокоить крестьян, ты пишешь, что князья будут наказаны словом божьим. Все уладится в день Страшного суда. Вот если бы княжеский суд выносил такие приговоры, крестьянам хоть раз в жизни повезло бы! Все наказания отсрочились бы до второго пришествия, и дело с концом.

Л ю т е р. Каждый несет свой крест.

М ю н ц е р. Если он крестьянин, а не господин! Ты думаешь, вся страна не знает, кого покрывают и охраняют наши суды?

Л ю т е р. Если крестьянам не нравится, пускай уходят в другую страну.

М ю н ц е р. А почему не уйти князю?

Л ю т е р. Не греши. Швейцарцы тоже с этого начинали, а теперь у них дела — хуже некуда. Ни страха божьего, ни стыда, ни совести.

М ю н ц е р. Значит, люди должны страдать и не роптать? Господам только того и надо. А кто сделал их господами над народом?

Л ю т е р. Бог.

М ю н ц е р. Ну да, свет — это мрак, а мрак своекорыстия есть свет. Так проповедуют народу. Народ не ведает, что на этот раз его обманывают в сто, в тысячу раз хуже, чем раньше. Теперь его дурачат с помощью новой логики. Логики слова божьего.

Л ю т е р. Mundus vult decipi — мир хочет быть обманутым.

М ю н ц е р. А народ еще и верит, что власть от бога. Народ считает преступлением защищаться от властей.

Лютер. Да. Так оно и есть. Что дважды два четыре, можно постичь разумом, но если власть говорит, что дважды два — пять, в это должно верить вопреки знанию.

Мюнцер. Ну да, безумец тот, кто не лжет.

Лютер. Люди называют меня лицемером, что ж, приятно слышать. Все должно быть и будет так, как я написал. Ничто здесь не поможет.

Мюнцер. Ненавижу это твое ханжеское смирение! Что ты натворил своим фанатичным разумом? Воистину великий грех — так нагло презирать людей. А что, если они вдруг захотят хоть раз взять свое дело в собственные руки?

Лютер. Для этого вам пришлось бы устроить специальное повеление божье, подтвержденное знаками и чудесами. Если господь что-то изменяет, он всегда при этом творит чудеса. Где твои чудеса?

Мюнцер. Я работаю без трюков.

Лютер. Мой бог помешает твоему богу творить чудеса без его соизволения! Нельзя противиться злу. Если кто отнимет у тебя плащ, отдай тому и кафтан.

Мюнцер. Уже отдали. У большинства людей только и осталось, что рубашка на теле.

Лютер. Значит, следует смиренно молить, чтобы так не было. А если молитва не будет услышана, терпеть и благодарить бога, что живешь в мире и имеешь хлеб насущный.

Мюнцер. Если он есть, и если князья случайно не ведут войну.

Лютер. Человек несвободен. Он, как колода, как камень, как соляной столб.

Мюнцер. Да-да, вот она — свобода христианина. Если народ хоть немного потеснит господ, это означает возмущение и мятеж. А если господа перебьют весь народ, это значит, что царит покой и порядок. Не объяснишь ли ты мне, где здесь логика?

Лютер. То, что вы делаете, называется революцией!

Мюнцер. А то, что делаете вы,— государственным переворотом!

Лютер. Из двух зол следует выбирать меньшее. Черни нужна строгая, жестокая власть. Пусть никто не думает, что миром

можно управлять без крови. Инструмент власти — не четки и не цветочки. Да есть ли на свете что-либо непокорнее крестьян? Ослу нужна плеть, а черни — власть.

Мюнцер. Не презирай малых сих.

Лютер. Народ станет слишком дерзок, если на него не нагрузить тяжелой ноши. *(Берет в руки листовку.)* Ну вот, пожалуйста вам. Крестьянские требования, двенадцать статей. Они собираются упразднить налоги.

Мюнцер. Можно подумать, что ты не умеешь читать. Здесь написано черным по белому, что они хотят платить. Они хотят на эти деньги содержать проповедников, кормить бедных, оплачивать военные расходы. Они хотят, чтобы налоги расходовались по назначению, а не шли в господские карманы.

Лютер. Это грабеж, это разбой на большой дороге! Решать такие вещи — дело властей. А крестьяне рассуждают так, словно они уже хозяева в стране. Вот, пожалуйста: отменить крепостное право. Да ведь это преступление против Евангелия, ибо тем самым они хотят отнять у господ их добро. В Библии сказано: Абимелех взял овец и коров, рабов и наложниц. И все это было его собственное добро, как прочий скот, который можно было продавать. Лучше всего, если бы так было и по сей день. А как же еще можно заставить людей слушаться? Вы хотите сделать всех равными? Это невозможно. Мир может существовать, только если не будет равенства, а будут свободные и крепостные, господа и рабы.

Мюнцер. Мне кажется, ты и вправду разучился читать. Здесь же написано, что они собираются и впредь подчиняться властям. Они только не хотят быть крепостными.

Лютер. Истинному христианину до этого нет дела, и мне тоже. Истинный христианин должен терпеть разбой, грабеж, поношения, чревоугодие и распутство. Ибо он есть мученик на земле. *(Берет другую листовку.)* Вот, пожалуйста: Эрфурт. Выборы городского совета. Если вы не доверяете совету, зачем же вам выборы?

Мюнцер. Совет должен отчитываться перед городом.

Лютер. Да какой же это совет? Ведь править будет чернь!

Мюнцер. Вся власть — народу.

Лютер. Черни.

Мюнцер. Народу.

Лютер. Я же и говорю — черни. Вот еще: отменить проценты с процентов. Может, и процентов не платить? Тогда уж я лучше попридержу свои денежки. Давать в долг без процентов? Я не ребенок. Им там, в Эрфурте, слишком хорошо живется. Будь я у них хозяином, я за такую неслыханную наглость устроил бы все как раз наоборот. Они просто хотят перевернуть свет вверх дном! Хотят, чтобы властям всегда причиняли ущерб, чтобы городской совет боялся народа и был его слугой, а народ стал бы хозяином. Ничего не скажешь, милый городок! Нет, пусть они молят бога, чтобы князья не взялись за них и не наказали их за гордыню. Есть еще бог на небе. Он этого не допустит.

Мюнцер *(кричит)*. Послушай, ты, болван!..

Лютер. Не желаю. Не желаю. Ничего не желаю слушать. Бросьте это дело. Ничего у вас не выйдет.

Мюнцер. В Библии сказано...

Лютер. Если вы идете с Библией против Христа, то мы заставим Христа идти против Библии!

Мюнцер. Народ будет свободным.

Лютер *(кричит)*. Там, где не слушаются властей, там все идет прахом! Там мятеж и смертоубийство!

Лютер и Мюнцер уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА И СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

На помосте — Альбрехт и его адъютант.
Перед помостом — трое крестьян.

Первый крестьянин *(кричит снизу вверх)*. Бог в помощь, господин князь, мы революционеры.

Альбрехт. Ах, как это мило с вашей стороны, что вы заглянули ко мне! *(Сходит с помоста, адъютант неотступно следует за ним.)*

Второй крестьянин *(наступает на ногу первому)*. Это курфюрст.

Третий крестьянин *(наступает на ногу первому)*. И кардинал.

Первый крестьянин. Где грамота? Куда же я дел грамоту? *(Читает по бумажке.)* «Достопочтенный, высокоученый, высокородный, благородный, благомыслящий, справедливый, могучий, мудрый, милостивый господин курфюрст...».

Альбрехт. Ну что вы, любезнейший. К чему эти титулы? Пустой звук. Разве я не прав?

Первый крестьянин. Оно конечно...

Альбрехт. Вот видите.

Первый крестьянин. Да.

Альбрехт. Чем могу служить?

Второй крестьянин. Значит, дело такое. Мы взяли власть.

Альбрехт. Слышал, слышал. Ну и как, нравится?

Третий крестьянин. Ответственности больно много.

Альбрехт. И не говорите.

Первый крестьянин. Да.

Альбрехт. Да.

Второй крестьянин. Не будет ли ваша княжеская милость столь любезны подписать вот тут...

Альбрехт. Конечно, конечно.

Третий крестьянин. Это наши двенадцать статей.

Альбрехт. Интересно. Двенадцать статей. Так-так.

Первый крестьянин. Вы их знаете?

Альбрехт. Нет.

Первый крестьянин. Прочесть?

Альбрехт. Нет надобности. Замучила меня писанина.

Второй крестьянин. А ежели какой пункт неподобающий, то мы просим прощения вашей милости.

Альбрехт. Не беспокойтесь. *(Подписывает.)*

Первый крестьянин. Значит, так. Теперь вы больше не господин. Теперь ты наш брат и такой же человек, как и мы.

Альбрехт. Интересно.

Первый крестьянин. Брат Альбрехт, милости просим к нам.

(Пожимает ему руку и обнимает его.) Меня зовут брат Мельхиор, это брат Бальтазар, а это брат Каспар.

Крестьяне и Альбрехт весьма сердечно приветствуют друг друга.

Альбрехт. Кстати. Дорогие братья, может, отобедаете у меня?
Второй крестьянин. Это нам большая честь.
Альбрехт *(адъютанту).* Прикажите приготовить небольшую закуску.

Адъютант делает знак назад, но сам остается рядом с Альбрехтом.

Да. Присядем.

Садятся за стол.

Подойди сюда, брат... как тебя?
Первый крестьянин. Мельхиор.
Альбрехт. Брат Мельхиор. Верно.
Второй крестьянин. Да.
Альбрехт. Знаете анекдот? Выходит епископ голый из исповедальни...
Крестьянин. Знаем, знаем.

Смеются.

Альбрехт. Да.
Первый крестьянин. Да.
Альбрехт. Может, в кости сыграем?
Третий крестьянин. Мы не прочь.
Альбрехт *(берет бокал с игральными костями и ударяет им об стол).* Четырнадцать. *(Передает бокал по кругу.)* Так как вы говорите, что теперь с нами будет?
Первый крестьянин. Ты наш брат, и мы будем защищать твои права не на жизнь, а на смерть.
Альбрехт. Защищать?
Первый крестьянин. Да. Только прикажи.
Альбрехт. Ах так... А конфискация?
Второй крестьянин. Нет-нет. Об этом не может быть и речи.

У братьев мы ничего не отнимаем. Ты сохранишь свои замки и все свое имущество. *(Передает Альбрехту бокал с костями.)*

Альбрехт. Пардон. У меня все остается?

Третий крестьянин. А в качестве возмещения ты получишь церковное имущество.

Альбрехт *(бокал падает у него из рук)*. Пардон. Я что-то не совсем уяснил. Как вы сказали? Я получаю церковное имущество?

Первый крестьянин. В качестве возмещения.

Альбрехт. Возмещения? За что?

Первый крестьянин. Но ведь власть-то теперь наша!

Альбрехт. Ах, так, так, понимаю. Да.

Второй крестьянин. Видишь ли, брат, теперь новые порядки. Дай только нам развернуться. Мы для тебя все сделаем. Мы сделаем тебя богаче, чем ты был.

Альбрехт. Ну, тогда... *(Ударяет бокалом об стол.)* Сто шестьдесят восемь. *(Передает бокал по кругу.)* Но ежели что будет разрушено, вы возместите мне убытки.

Первый крестьянин. Само собой.

Альбрехт. Всё денег стоит. Строить нынче стало дорого. И много чего было разрушено?

Второй крестьянин. Ничего.

Альбрехт. Ничего? Но все-таки, там монастырь, там замок.

Первый крестьянин. Нет-нет, совсем ничего. На этот счет у нас строго. Мы не имеем права и пальцем ничего тронуть.

Альбрехт. Но это же глупо. Просто крестный ход какой-то. Я думал, вы все отберете.

Третий крестьянин. Нет, тогда нам придется возмещать убытки.

Альбрехт. Вот именно! Наличными денежками. Я так на это рассчитывал. Знаете, у меня тут поблизости есть несколько развалюх. Охотничий замок, старый монастырь. Я, собственно, давно уже хотел... Ну, понимаете? У меня есть кое-какие планы насчет застройки.

Второй крестьянин. У нас строгий приказ. Нам нельзя.

Альбрехт. Но, дорогие братья, вы же не бросите меня на про-

извол судьбы. Во время революции всё разрушают. Это каждый знает. Написано во всех учебниках истории. Ну, так как?

Крестьяне в нерешительности.

Каждый получит по гульдену. Ну, так и быть, по два.

Третий крестьянин. Ладно, только для тебя, брат.

Альбрехт. Только чтоб поскорей.

Второй крестьянин. Мы поставим тысячу человек.

Альбрехт. И разрушить все до основания. Не оставить камня на камне. Учините самый настоящий разгром.

Первый крестьянин. Можешь на нас положиться.

Альбрехт *(бросает на стол кости)*. Ваш ход. Я выхожу из игры.

Адъютант. Если мне будет позволено заметить, у меня тоже там есть кое-что. Мой родовой замок.

Альбрехт. Ваш родовой замок? Крысиная нора. Все прогнило.

Адъютант. Согласен, жить там нельзя. Но что с того? Все-таки родовой замок. Существуют ведь и духовные ценности. *(Крестьянам.)* Может, возьмете заодно?

Второй крестьянин. Нет-нет, так дело не пойдет. Теперь еще и родовой замок. Мы не управимся.

Адъютант. Он уже почти развалился. Там работы совсем мало.

Первый крестьянин. Нельзя никак.

Адъютант. Не везет мне. Такой случай бывает раз в тысячу лет, а я его упускаю, отстаю от жизни.

Третий крестьянин. Да снесите его сами.

Адъютант. А что, это можно?

Третий крестьянин. Конечно, можно.

Адъютант. Да, но только... мм... я имею в виду... поскольку это духовные ценности... ну, в общем, насчет возмещения.

Альбрехт. Но ведь вас принудят. Не правда ли, дорогие братья, вы сами только что сказали, чтобы он его снес?

Третий крестьянин. Да если там жить нельзя.

Альбрехт. Случай совершенно ясный. Подпадает под статью о возмещении убытков.

Адъютант. Я немедленно предупрежу других.

Альбрехт. Только не мешкайте. Если все кончится, а вы еще будете ковыряться со своим замком, это произведет неблагоприятное впечатление.

Адъютант *(ликуя)*. Принудили, принудили! *(Уходит.)*

Первый крестьянин. В Хейльбронне соберется первый парламент, и на нем все будет улажено.

Альбрехт. Парламент? А что это такое?

Второй крестьянин. Ну, из каждой земли выбрали по нескольку человек, и они наши депутаты. Они, значит, соберутся в Хейльбронне и будут держать совет, что делать дальше с Германией. Чтобы у нас был порядок и все такое. Это называется парламент.

Альбрехт *(пренебрежительно отмахивается)*. Политика.

Третий крестьянин. Говорят, в Англии уже есть такое.

Альбрехт. Никакой Англии нет. Это одни слухи.

Входит адъютант.

Адъютант. Ваша княжеская милость!

Альбрехт. Сносите, сносите!

Адъютант. Ваша княжеская милость. *(Со значением.)* Пряности от Фуггера.

Альбрехт *(крестьянам)*. Прошу прощения, я сейчас. Вот меню. *(Встает и подходит к адъютанту.)*

Они разговаривают шепотом.

Второй крестьянин. Какой добрый господин. Говорит с нашим братом, как с ровней. Будто совсем простой, обыкновенный человек.

Первый крестьянин. Руку мне подал.

Третий крестьянин. А меня даже по плечу похлопал.

Второй крестьянин. Да господа-то — они вовсе не такие уж. Все зло от начальников и чиновников. А господа ничего и не знают.

Третий крестьянин. И образованный какой. Англии-то, оказывается, нет.

Альбрехт *(возвращается)*. Дорогие братья, я только что узнал, что все готово. Каша заварилась, можете ее расхлебывать.

Крестьяне, смеясь, уходят.

Адъютант *(берет со стола грамоту)*. А что с этим?

Альбрехт. Это, кажется, их двенадцать статей. Или пятнадцать? Не помню.

Адъютант. Вы подписали.

Альбрехт. В архив.

Оба уходят.

ПОМОСТ СПРАВА.

На помосте — Фуггер и Шварц. Шварц разбирает почту. Перед помостом теснятся князья. Нет только Альбрехта и Фридриха.

Шварц. Жители Вельса написали графу фон Мансфельду. Просят восставших разрушить наш горный завод в Тюрингии.

Фуггер. И они разрушили?

Шварц. Нет.

Фуггер. Всего им не успеть. Им еще столько предстоит разрушить. Года два понадобится, чтобы выполнить все заказы.

Шварц. Наш управляющий безопасности ради подкупил их.

Фуггер. Выброшенные деньги. Не станут же они разрушать свои рабочие места.

Шварц. Теперь они созвали парламент.

Фуггер. Парламент? Это имеет отношение к бухгалтерии?

Шварц. Нет.

Фуггер. Тогда зачем он нужен?

Шварц *(указывая на князей)*. Впустить их? Если мы хотим подключиться, сейчас самое время.

Фуггер. Надо поймать момент, когда акции упадут до предела, тогда мы на этом заработаем.

Шварц. Или все потеряем. Рабочие требуют конфискации рудников и передачи их в собственность государства.

Фуггер. Какая странная идея. Надо же до такого додуматься. Неслыханно! Просто бесчеловечно. Сколько нам приносят немецкие рудники?

Шварц. Двести пятьдесят миллионов в год.

Фуггер. Это свидетельствует против революции. Впустите этих господ.

Шварц делает знак. Князья бросаются на помост.

Первый князь. Дражайший Фуггер...

Фуггер. Сначала перекреститесь. Это христианский дом.

Князья крестятся.

Первый князь. Дражайший Фуггер! Крестьяне! Германия погибла!

Фуггер. Германия? Это вы погибли.

Второй князь. Мы связаны одной веревкой. Если вы не дадите денег, все пропало.

Фуггер. Не думаю. Это вы теперь — господа без подданных, а я все еще царствую на бирже, и у меня деньги. Или я ошибаюсь?

Третий князь. Любезнейший Фуггер! Мы несколько месяцев тянем эти переговоры с крестьянами. Мы уже просто не знаем, на какие еще пойти уступки. Они, в конце концов, могут насторожиться.

Четвертый князь. Они чувствуют, что запахло жареным. Теперь вы должны дать денег.

Фуггер. Я ничего не должен.

Третий князь. Но теперь не время...

Фуггер. Время. Именно теперь. Не правда ли, Шварц?

Шварц. Кое-кто из князей в последнее время осмеливался высказывать неудовольствие монополиями.

Князья. Это было заблуждение! Искажение фактов! Передержки! Злостная клевета!

Фуггер. Это еретические взгляды, господа. Не правда ли, Шварц?

Шварц *(становится перед князьями)*. Добрый Фуггер — наша защита и опора, и без него мы ничто. Ну, быстро!

Князья *(хором)*. Добрый Фуггер — наша защита и опора, и без него мы ничто.

Шварц. Еще раз.

Князья. Добрый Фуггер — наша защита и опора, и без него мы ничто.

Шварц. Уже лучше. Но недостаточно громко.

Князья *(орут)*. Добрый Фуггер — наша защита и опора, и без него мы ничто!

Фуггер. Вот так-то. Люди должны это слышать. И мотать себе на ус. Вольно.

Первый князь. А деньги?

Фуггер. А гарантии? Но не суйте мне ваших земель.

Второй князь. А что же еще?

Третий князь. У нас ведь ничего больше нет.

Фуггер. Я беру только золото и серебро. Разумеется, по выгодной цене.

Четвертый князь. Откуда их взять?

Фуггер. Возьмите церковные сосуды и распятия и переплавьте их, потом скажете, что это сделали крестьяне. Тогда вы даже сможете потребовать возмещения убытков.

Ликование среди князей.

Шварц. Становись!

Князья бросаются вперед.

По одному, мошенники! *(Первому князю.)* Откуда?

Первый князь. Австрия, Тироль.

Фуггер. Десять миллионов.

Первый князь. И пушки.

Фуггер. Хорошо.

Шварц выписывает чек.

Второй князь. Вюртемберг, Швабия, Франкония, Шварцвальд, Алльгау, Бодензее...

Фуггер. Вся южная Германия.

Второй князь. Да.

Ф у г г е р. Десять миллионов.

В т о р о й к н я з ь. Маловато.

Ф у г г е р. Разрешите наемникам грабить.

Т р е т и й к н я з ь. Тюрингия и Саксония, Мюнцер.

Ф у г г е р. Мюнцер — полтора миллиона. Остальными господами займется мой бухгалтер. *(Ко всем князьям.)* Но работать чисто, господа.

П е р в ы й к н я з ь. Мы будем резать и душить их без пощады, сжигать их дома, прогонять их жен и детей. Лучше страна поруганная, чем потерянная.

В т о р о й к н я з ь. А пленным мы аккуратно по всем правилам поотрубаем головы. Но сначала мы устроим им большую и малую пытки, чтобы впредь неповадно было.

Т р е т и й к н я з ь. Наши отцы надели на них тяжелое ярмо, мы сделаем его еще тяжелее. Наши отцы стегали их плетьми, мы будем жалить их, как скорпионы.

Ф у г г е р. Хорошая программа правления. Убедительная альтернатива. Ясная, решительная, трезвая, реалистичная. И скольким же, по-вашему, придется ее принять?

Т р е т и й к н я з ь. Да хоть ста тысячам. Если уж на то пошло.

Ф у г г е р. Не убивайте слишком много. А то как бы вам самим не пришлось потом пахать землю.

Общий хохот.

И запомните раз и навсегда: вашей Германией вы обязаны моим деньгам, а не воле народа. Убирайтесь.

К н я з ь я уходят.

Ш в а р ц. По округленному счету, двадцать пять миллионов.

Ф у г г е р. За сто тысяч убитых крестьян. По двести пятьдесят гульденов за голову. Дешево. Хорошая сделка.

Ш в а р ц. Как всегда.

Ф у г г е р. Я собираюсь наживать, пока могу. У меня много врагов, которые утверждают, что я богат. Я богат милостью божьей. Никому не в ущерб.

Оба уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Хиплер и несколько депутатов за столом. В стороне — писец.

Хиплер *(встает и звонит в колокольчик).* Открываю первое заседание первого немецкого парламента. Впервые свободно избранные депутаты народа сошлись вместе, чтобы взять в свои руки судьбу Германии и дать лучший и более справедливый порядок своей стране. Я убежден, что немецкий народ никогда не забудет этого дня. Он станет началом немецкой демократии. Я знаю, что враги наши называют нас разбойниками и убийцами, но немецкий народ, я уверен, никогда не допустит, чтобы его предтеч, в великих лишениях завоевавших для него право на самоопределение и свободу и учредивших парламент,— чтобы этих людей называли извергами, грабителями, разбойниками, убийцами и поджигателями. Напротив, я верю, что когда-нибудь каждый ребенок будет знать наизусть имена депутатов этого парламента и его политическую программу — двенадцать статей крестьянских требований. *(Садится.)* Пункт первый повестки дня.

Первый депутат. У меня тут еще один договор.

Второй депутат. Это не пункт первый.

Первый депутат. Но это важно. На что нам такие договора? Безнаказанность, мировой суд, послушание, а крестьяне подписывают их и расходятся по домам.

Хиплер. Зато наши действия получают законные основания.

Первый депутат. Но мы же только и делаем, что их нарушаем. Договора составляются в интересах господ. Обязанности крестьян только увеличиваются.

Хиплер. Допустим. Но наши действия получают законные основания. Мы же хотим любой ценой избежать кровавых столкновений. Мы вынуждены идти на уступки. Зато мы получаем законный договор. Тебе понятно?

Первый депутат. Нет.

Второй депутат. Я предлагаю перейти к первому пункту.

Х и п л е р. Господа, нам больше незачем рассуждать здесь о революции. Немецкая революция победила. Народ овладел властью почти во всех немецких землях. Большинство князей, простое дворянство, города примкнули к нам без сопротивления. Отдельные области, лежащие в стороне, не смогут остановить ход событий. Нам следует говорить здесь о создании нового государства. Депутаты должны в ближайшие дни сообщить, как обстоят дела в отдельных землях, рассказать об их заботах, о том, что можно изменить, улучшить, где помочь. Кроме того, следует сравнить друг с другом различные программы и проекты конституции. Самое главное — как можно скорее вернуться к нормальной жизни. Люди должны снова взяться за работу. Войско в основном может быть распущено. Для поддержания порядка достаточно небольших полицейских отрядов. Крепостное право отменяется. Крестьяне, ремесленники, рабочие и горожане освобождаются от всех поборов. Церковное имущество подлежит национализации. Из этих источников поступят средства на государственные расходы и на возмещение убытков, которые понесли князья. Вообще самым важным вопросом является вопрос о том, как уживутся князья с новым государством. Конечно, за потерю власти им предоставят возмещение. Но они могут и в дальнейшем выполнять определенные функции.

В т о р о й д е п у т а т. А почему бы им не остаться главами земель? Мы бы сохранили добрую немецкую традицию.

П е р в ы й д е п у т а т. Я за то, чтобы ввести новые традиции.

В т о р о й д е п у т а т. Ты приверженец Мюнцера.

Х и п л е р *(примиряюще)*. Мы все стремимся к демократии.

П е р в ы й д е п у т а т. Как будто князья к ней стремятся.

Х и п л е р. Князья подписали договора.

П е р в ы й д е п у т а т. Они должны полностью отдать власть. Я предлагаю, чтобы весь народ выбирал правительства земель из людей, которых предложат крестьяне,— двенадцать человек, независимо от происхождения. Эти новые правители тоже могут быть смещены, если они будут допускать ошибки

и получат троекратное предупреждение со стороны парламента.

Третий депутат. Я предлагаю избрать конституционный комитет, который займется улаживанием всех этих вопросов. В том числе и вопроса об императорской власти. Император вполне мог бы остаться номинальным главой государства.

Четвертый депутат. А что это будет за комитет?

Третий депутат. В него должны войти все мы. Скажем так: двенадцать человек от дворянства, двенадцать от городов, двенадцать от народа и семь духовных лиц.

Первый депутат. Священникам нечего делать в правительстве, даже в качестве советников. Пусть проповедники не суют нос в светские дела. У них и с господом богом хватает хлопот.

Писец. Занести это в протокол?

Хиплер. Я тоже за разделение церкви и государства. Тем более что начинается эта история с реформацией церкви. Согласны?

Все кивают.

Теперь переходим к частным вопросам. Предлагаю начать с внешней политики. Мы должны подумать о том, как нам договориться с иностранными князьями. Не исключена возможность их нападения на нас. Император тоже может пустить в ход войска. Надо принять предупредительные меры.

Второй депутат. Без постоянного войска в ближайшие годы не обойтись.

Хиплер. Предлагаю обсудить это подробнее во внешнеполитическом комитете. Переходим к вопросу о сельском хозяйстве.

Второй депутат. Леса, озера и реки снова становятся общей собственностью. Кроме тех случаев, когда они были приобретены законным путем. Для будущей администрации следует выработать инструкции, указания и постановления. Право охоты, право рыбной ловли и так далее. Мы уже занимаемся подготовкой проектов.

Хиплер. Хорошо. Решим в рабочем порядке. Переходим к экономике.

Первый депутат. Во всей Германии вводится единая система мер и весов. Во всей Германии действует единая валюта. Сейчас у нас такая путаница, что ни один человек не разберется. Вот. Точный план. Программа введения новых денег. *(Передает депутатам документ.)* Рудники подлежат национализации. Фирмы крупных капиталистов распускаются. У нас есть три-четыре фирмы, которые благодаря своим монополиям контролируют весь рынок. Дюжина людей забирает себе все, что производит целая Германия. Миллион основного капитала — цифра вполне достаточная. У кого денег больше, пусть отдаст половину.

Второй депутат. А если эту сумму наживает всего один человек?

Первый депутат. Пусть предоставит деньги в кредит городам, а они в свою очередь дадут кредит ремесленникам — из пяти процентов. Тогда и среднему сословию кое-что достанется.

Третий депутат *(держит в руках бумагу)*. Шестьдесят три крейцера?..

Первый депутат. ...равны одному гульдену. Один гульден, полгульдена, один орт, пол-орта. Геллеры будут называться ортами, а пфенниги — геллерами.

Третий депутат. А австрийские геллеры равняются двум пфеннигам.

Первый депутат. Все равно это будут пфенниги.

Третий депутат. Но, коллега, это же девальвация!

Хиплер. Прошу внимания, господа. Переходим к вопросу о финансах.

Третий депутат. Срочно необходима финансовая реформа. Все обложения, побочные налоги, подати и так далее отменяются. И прежде всего право этих больших и малых господ на таможенные сборы. Никаких таможенных пошлин. Они только мешают торговле и удорожают товары. Единого налога вполне достаточно. Ну, может быть, оставить дорожную пошлину, но собирать ее только на строительство дорог.

Хиплер. Как обстоят внутренние дела?

Четвертый депутат. Необходимо гарантировать безопасность движения на дорогах. Вот было бы прекрасное занятие для князей. Каждый смог бы ездить по Германии куда душа пожелает.

Хиплер. Что скажет юстиция.

Пятый депутат *(поднимает толстый том)*. Высшим судебным органом является Судебная палата. Ей подчиняются четыре придворных суда, шестнадцать судов в землях, шестьдесят четыре местных суда, в том числе городские и сельские суды. Каждый суд состоит из шестнадцати человек. Председательствует дворянин, большинство присяжных — горожане и крестьяне. Апелляция осуществляется следующим образом...

Хиплер. Ну, в общем, все в порядке?

Пятый депутат. Через полгода суды начнут работу.

Второй депутат. У меня вопрос. А что с монетами? Как они будут выглядеть?

Первый депутат. На одной стороне имперский орел.

Второй депутат. А на другой?

Первый депутат. Вот это вопрос.

Второй депутат. Профиль князя?

Первый депутат. Я за герб.

Второй депутат. Но на монете такой профиль смотрится совсем неплохо.

Первый депутат. А если князя сместят?

Второй депутат. Ах да.

Первый депутат. Герб держится дольше.

Второй депутат. Может быть, для Баварии следовало бы издать специальное постановление.

Хиплер. Господа, выясните это все, пожалуйста, в рабочем порядке. Я закрываю первое заседание первого немецкого парламента.

На помосте начинается оживленная парламентская суета.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Мюнцер. Время идет. Время идет. Ничего не происходит. Они сидят в своем Хейльбронне и советуются, как им лучше угодить князьям. О святая простота!

Пфайфер. Но ведь князья подписывают договора.

Мюнцер. Князья подпишут все, что угодно, пока они не собрали войска. Им нельзя верить. Нельзя заключать с ними договора. Эти господа не сдержат ни одного слова.

Пфайфер. Мы повсюду захватили власть...

Мюнцер. ...заключили договора и теперь расходимся по домам. Чтобы господа захватили немецкие земли одну за другой — по очереди.

Пфайфер. Но ведь должен же быть какой-то порядок! В конце концов, парламент — это великое дело. Все можно обсудить. Народ будет управлять страной.

Мюнцер. Мы спорим о том, профиль какого князя поместить на монеты, а надо бы заняться самими головами!

Пфайфер. Нет, только не кровопролитие!

Мюнцер. Вот донесения. Князья повсюду собирают войска. «Только не кровопролитие!» Они превратят Германию в братскую могилу, а вашими договорами подотрут себе зады.

Пфайфер. Большинство за переговоры. Было проведено голосование.

Мюнцер. Меня всегда удивляло, почему христиане боятся своих господ больше, чем другие народы. Я думаю, что здесь все дело — в малодушии проповедников.

Пфайфер. Многие еще верят в Лютера. А Лютер за подписание договоров.

Мюнцер. И за цензуру. Никто не берется печатать мои сочинения. Его надо прогнать — не из-за проповедей, но ради восстания. Проповедовать можно, а изменять ничего нельзя. Ну разве это не умно? Еще как умно! Мир долго не заметит, какой непоправимый, страшный вред он нам нанес. И все-таки это очень благородная религия. Она еще сделает много добра. Может быть, она воспитает благородство и в народе.

Пфайфер. Ты требуешь слишком многого.

Мюнцер. Если люди хотят расстаться со своими заблуждениями и знать правду, им придется испытать величайшее удивление и недоумение. Удивление, какое мы испытываем в шесть-семь лет. Когда человек осознает свое *я*. Когда меняется его сознание. Когда он становится новым человеком. Вот что нам нужно. А мы боготворим собственность. Мы обожествляем сундуки и запоры. Прекрасная оловянная посуда на стенах, женские украшения, серебро, золото, чистоган — если люди и впредь будут любить только это, ничто никогда не изменится. Но не будем отчаиваться и ужасаться при виде этой пародии на человека. Люди должны сами стать богами и создать рай здесь, на земле.

Пфайфер. Люди есть люди.

Мюнцер. Иным путем нельзя достигнуть мира, счастья и справедливости, которых все же достоин человек. Или нет? Власть одних людей над другими есть причина всякого возмущения. Если ее не устранить, мир погибнет. Впредь ни один народ не будет доверять своему владыке. И тогда владыка не сможет помочь народу, а народ — владыке. В этом причина всякого смертоубийства. Неразумный мир пока еще смеется над нами. Он полагает, что можно продолжать жить по-старому. В своем заблуждении он идет ко дну, и вода сомкнется над его головой. Говорю тебе, нужно очень внимательно прислушиваться к новому движению современного мира. Старые мерки ни на что не годны.

Пфайфер. А те, которым нужен этот мир, да не употребят его во зло, ибо суть этого мира преходяща.

Мюнцер. Библия, Библия, Библия.

Входит фрау Мюнцер с младенцем на руках.

Мой сын. Вот так-то и становишься добропорядочным бюргером. Куда ты собралась?

Фрау Мюнцер. Мы устраиваем в церкви собрание, чтобы позлить проповедников. *(Уходя.)* Ты слышал, в Зальцунгене рабочие конфисковали фабрику. Да здравствует революция!

М ю н ц е р. Надо подумать о рабочих на рудниках. Пойдем, Пфайфер.

М ю н ц е р и П ф а й ф е р уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Ф р и д р и х сидит в кресле. С п а л а т и н поддерживает его под руку. Шут играет в «казнь» и гремит костями и черепами.

Ф р и д р и х. Что-то неможется мне сегодня.

Ш у т. Когда же ты, наконец, подохнешь, старый мошенник?

Ф р и д р и х *(хохочет)*. Чем это ты занимаешься?

Ш у т. Это веселая старинная народная игра. Он шел, шел, шел, шишел-вышел вон пошел. *(Отрубает кукле голову.)*

Ф р и д р и х. Да, бедные люди. Бедные и безголовые. Мы, князья, дурные люди, Спалатин, очень дурные. Мы должны молить господа о прощении. Может быть, мы сами дали бедным людям повод для возмущения. Ах, бедняги. Мы так обременяли их. Правда, правда. Мы были несправедливы к добрым людям. Хочешь сделать как лучше. Человек предполагает, а бог располагает. На все божья воля. Ну, собрали наконец князья свои войска?

С п а л а т и н. Назначен срок выступления.

Ф р и д р и х. Господь все устроит по своему разумению, и крестьяне, наверно, скоро опять станут послушными. Но я не желаю иметь с этим ничего общего. Ничего, совершенно ничего. Я ни о чем не знаю. *(Поднимается, собираясь уйти.)* Дорогой Спалатин, если мне суждено будет умереть, похороны по обоим обрядам, по католическому и евангелическому. Так надежней. Откуда мне знать, кто прав. *(Уходит.)*

Ш у т *(отрубает кукле голову)*. Шишел-вышел вон пошел. Шишел-вышел вон пошел.

С п а л а т и н. Скоро получишь новые игрушки.

Ш у т. Нет. Нового господина и старые игрушки.

И о г а н н *(поднимается на помост)*. Мой брат умирает. Правительство возглавлю я. Подул новый ветер, Спалатин, холод-

ный ветер. Господь изо всех сил надувает наши паруса. Первым делом мы прищучим этого Мюнцера. Никакого снисхождения. Понятно?

Спалатин. Вполне.

Иоганн. Поставьте в известность Лютера. Пусть сочинит текст обращения к войскам. Но пусть сделает на совесть. Что-нибудь внушительное. Он это умеет.

Спалатин. Восхваление прекрасного божественного порядка.

Иоганн. Превосходно, а я приму верховное командование. Я надеюсь одержать немало славных побед. В конце концов, мы сражаемся против разбойников и убийц.

Спалатин. И святотатцев.

Иоганн. Да, и это. Отдайте приказ выступать и позаботьтесь о пиве. *(Марширует и поет.)* Победным будет наш путь...

Все уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Хиплер и депутаты.

Хиплер. Я открываю второе заседание первого немецкого парламента. Господа, вам известно, что положение критическое. Армия князей атаковала наши войска, и четыре тысячи крестьян были — да, об этом надо сказать прямо — заколоты, как бараны. А князья потеряли лишь нескольких лошадей.

Первый депутат. Я предлагаю захватить все замки и монастыри. Замки — опорные пункты князей и постоянная угроза для нас. Кроме того, нам нужно оружие, которое там хранится. Если мы хотим, чтобы люди не разбегались, мы должны также воспользоваться монастырскими запасами.

Хиплер. Но тем самым мы нарушим собственные же законы.

Первый депутат. Они уже стоили нам четырех тысяч крестьян.

Хиплер. Официально у нас пока еще перемирие. Мы можем поставить под угрозу переговоры с князьями. Может быть, тут просто своеволие какого-то военачальника.

Второй депутат. В конце концов, князья подписали договора.

Хиплер. Мы должны сделать все, чтобы прийти к мирному соглашению. И теперь тоже, именно теперь!

Первый депутат в бешенстве уходит.

Пункт первый повестки дня. В Вайнсберге был убит граф вместе со своими ландскнехтами. Как это могло произойти?

Третий депутат. Единичный случай. В Лейпгейме они зарубили четыре тысячи человек, а ты волнуешься из-за какого-то графа. Я считаю, крестьян еще следует похвалить за их дисциплинированность.

Хиплер. Этот случай не имеет оправданий. Где ответственный офицер?

Офицер выходит вперед.

Что вы скажете?

Офицер. Это произошло в нарушение моего приказа и за моей спиной.

Хиплер. Но ответственность лежала на вас!

Офицер. Граф хотел поджечь деревни крестьян и прогнать женщин и детей. Крестьяне были очень возбуждены, а тут как раз пришло известие из Лейпгейма.

Хиплер. Это все?

Офицер. Да.

Хиплер. Вы разжалованы и больше не возвратитесь в войско.

Офицер уходит. Все встают. Молчание.

Первый депутат *(возвращается)*. Князья повсюду наступают. Они сжигают деревни. Просто поджигают — и все.

Хиплер. Но это же невозможно. Как они могли?

Все депутаты уходят.

(Садится. Пауза.) Как они могли?

Первый депутат *(кричит)*. Они идут на Хейльбронн!

Хиплер *(очнувшись)*. Конституция! Где конституция?

Писец передает ему бумагу. Хиплер собирается уйти.

Писец. Господин Хиплер, вы еще должны закрыть заседание.

Хиплер. Что?

Писец. Заседание не закрыто.

Хиплер. На этом я закрываю второе заседание первого немецкого парламента.

Оба уходят.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Мюнцер *(вспрыгивает на стол)*. Братья! Очнитесь! Ах, сколько раз я говорил вам, что так случится! Пока они живы, вы не найдете в себе сил избавиться от страха. Вам бесполезно говорить о боге, пока они властвуют над вами. Держитесь! Если вы покоритесь, все ваши жертвы были напрасными. На вас обрушатся новые страдания. А потому не малодушествуйте, не льстите больше безбожным этим злодеям! Начинайте борьбу, время не ждет! Зовите всех наших братьев! Иначе мы все погибнем. Вся Германия пробудилась, большая игра началась, пробил час злодеев! Они будут взывать к вам, рыдать, умолять, как малые дети. Не давайте себя разжалобить! Пора, пора, пора! Время пришло! Чаша переполнилась! Пора, пора, пора! Куйте железо, пока горячо! Не давайте остынуть вашему мечу! Разрушьте этот Вавилон! Пора, пора, пора, пока день — ваш. Пора, пора, пора! *(Спрыгивает со стола.)*

Приверженцы собираются вокруг него.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Лютер *(на столе)*. Предатели, клятвопреступники, ослушники, мятежники, убийцы, разбойники, богохульники! Ни одного дьявола не осталось в преисподней, все они вселились в крестьян! А потому давите их, душите, колите, тайно и явно, как только можете, и помните, что нет ничего более ядовитого, вредоносного, дьявольского, чем мятежники! Их надо убивать, как бешеных собак! А потому не время спать. Никакой пощады, никакого снисхождения! Время снисхождения прошло. Настало время меча и гнева! Дело властей — убивать их,

драться до последней капли крови. Их совесть чиста. А у крестьян совесть нечиста, и они защищают неправое дело. И каждый убитый крестьянин будет душой и телом предан дьяволу. А власти не должны иметь угрызений совести, они защищают правое дело. Уж такое нынче настало время, что князь скорее заслужит вечное спасение кровопролитием, чем иные — молитвами. А посему, дорогие господа, избавляйте всех нас, спасайте нас, сжальтесь над бедными людьми, помогите им! Коли, бей, души, кто только может! Останешься лежать мертвым — благо тебе. Более праведной смерти ты никогда не сподобишься. Ибо ты умрешь во имя любви! Да скажет здесь всякий истинный христианин — аминь. Ибо молитва эта истинна, и хороша, и угодна богу. Я это знаю. *(Сходит со стола.)*

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Приверженцы Мюнцера берутся под руки, широким фронтом отступают назад и поют.

С нами бог, святый дух, с нами бог.

Пфайфер остается на месте.

Фрау Мюнцер *(вбегает на сцену слева).* Пфайфер! Рабочие не придут! Им обещали повысить жалованье!

Пфайфер смотрит вслед демонстрантам, потом берет фрау Мюнцер за руку, они быстро уходят. Сзади слышатся стрельба и пушечные залпы. Пение обрывается. Тишина.

ПОМОСТ СПРАВА.

Папа. Религии ни на что не годны. Они совершенно излишни. Кому это знать, как не мне. Я папа.

Каэтан. Новая религия называется наукой. К чему верить, если можно знать.

Биббиена. То, что пишет ваш Лютер,— это же чистое средневековье!

К а э т а н. Да и старо. Об этом писали сотни других. Гус, Вессель Ганцфорт, Гох, Савонарола, Иоганн фон Везель.

П а п а. Эти немцы всегда спохватываются через сто лет. Но земля становится шире. Небо меняется. Все движется. Дух нового времени овладевает умами. А этот человек открывает Библию. Уму непостижимо. Какой-то провинциал из Саксонии. Немецкий профессор. Чего он, собственно, хочет? Может мне кто-нибудь объяснит, чего он хочет?

Б и б б и е н а. Он хочет быть правым.

П а п а. И чтобы доказать свою правоту, он готов ввергнуть в пучину бедствий весь мир?

Биббиена пожимает плечами.

Быть правым. В чем? Чье это право? Что есть право? Ах, бог, вечно этот бог. Заботились бы лучше о Земле. Об этой прекраснейшей из планет. Величайшая ценность — мир на Земле. Вместо этого мы будем тупо, долго и упорно спорить, кто из нас имеет единственного, истинного, стопроцентного и воистину любимого бога. А через пятьсот лет обнаружим, что вообще никто из нас не был прав, и окажемся на том же месте. Повеситься можно. *(Встает, Каэтану.)* Что ж, выброси тогда своего Коперника. *(Биббиене.)* А твой Микеланджело — посмотрим, кто станет оплачивать ему его мрамор.

Биббиена подает ему длинное черное священническое одеяние.

(Облачается.) Вернемся в лоно церкви. Будем носить рясы до полу и снова станем христианами. Прекрасная униформа. Кто-нибудь из вас знает, как служат мессу?

Б и б б и е н а *(оскорбленно)*. Я кардинал, а не поп.

П а п а. Я стал попом после того, как стал папой, и у меня уже не нашлось времени обучаться этому ремеслу. Как же это... Преображение... потом застольная молитва. Неужели в Риме не найдется никого, кто умел бы служить мессу?

К а э т а н. Я не уверен, что найдется. *(Передает ему толстую книгу.)*

Папа. Что это? *(Захлопывает Библию, поднимая облако пыли.)*

Каэтан. Библия.

Папа. Я представлял себе фимиам несколько иначе. *(Громко.)* Верую в бога, всемогущего отца, творца земли и неба.

Все уходят.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Эразм за пюпитром. Гольбейн пишет его портрет. На помост поднимается Парацельс.

Парацельс. Гольбейн пишет Эразма, а Эразм пишет похвалу Гольбейну. Уютно живется у вас в Базеле.

Гольбейн. Застегни штаны, прежде чем раскрывать рот.

Парацельс *(Эразму)*. Дай-ка ногу. У меня есть кое-что новенькое.

Эразм протягивает ему ногу.

(Втирает в нее мазь.) Что поделывает наше искусство?

Эразм. Рифмует. А что твоя наука?

Парацельс. Изобретает мази. *(Гольбейну.)* Я слыхал, ты расписываешь базельцам их ратушу.

Гольбейн. Я тоже слыхал.

Парацельс. На католический манер или на евангелический?

Гольбейн. Красками.

Парацельс. Вам, художникам, хорошо.

Эразм берет рукопись и начинает править ее.

Новая книга?

Эразм. Сижу над ней вот уже пятый год.

Парацельс. Чудной народ эти писатели. Пять лет думают над проблемой, а потом? Пишут о ней книгу.

Эразм. Чудной народ эти врачи. Готовы лечить даже в пьяном виде.

Парацельс. Но ведь и больные идут ко мне даже в пьяном виде.

Входит Фробен, нагруженный рукописями.

Фробен. Здравствуйте, господин Парацельс.

Парацельс. Здравствуйте, господин Фробен.

Фробен. Нравится вам в Швейцарии?

Парацельс. Еще как! *(Эразму.)* Говорят, чтобы получить гражданство, нужно владеть здешним диалектом.

Эразм. Знания английского достаточно.

Парацельс. Ты остаешься в Базеле?

Эразм. Здесь можно писать. В наши дни это уже немало.

Фробен. А немцы все спорят. Интересно, чья возьмет. Мне это важно. Как издатель я предпочитаю споры — из них рождаются книги. Как швейцарский гражданин я стремлюсь к покою. Как человек я колеблюсь и не могу понять, что к чему. Хоть бы по крайней мере вопрос с богом прояснился.

Парацельс. Религия — только потеря времени. Каждый день нужно высовывать голову из окна и смотреть, какая погода — евангелическая или католическая, и слово какого бога в данный момент заволокло небо. У каждого шлагбаума надо менять религию, как деньги. В одном городе ты верующий, в другом — еретик. Через сто лет над нами будут смеяться. Тогда никто больше не будет верить в бога.

Эразм. Дай бог.

Фробен. Вы это всерьез, господин Парацельс?

Парацельс. Господин Фробен, говорю вам: нет никакого бога.

Фробен. Господин Парацельс, вы смелый человек. Я восхищаюсь вами. *(Эразму.)* Вот новые корректурные листы. Все ли здесь верно? *(Читает.)* «Я всегда желал быть один, для меня нет ничего ненавистнее, чем присяжные сторонники партий».

Эразм. Да.

Фробен. «Я хотел бы быть гражданином мира, быть для всех своим или, еще лучше, для всех чужим».

Эразм. Да.

Фробен. «Национализм — проклятие человечества. Задачей политиков должно было стать создание всемирного государства. О людях и вещах лучше говорить так, чтобы этот мир воспринимался как наше общее отечество».

Эразм. Да.

Фробен. «Устоявшиеся мнения легко искоренить в сознании людей, если мы будем опровергать их убедительными аргументами, а не голыми утверждениями».

Эразм. Да.

Фробен. «Все войны развязываются для пользы власть имущих и ведутся в ущерб народу. Властители и генералы извлекают из войны выгоду, а огромная масса должна нести бремя расходов и несчастий. Ни один мир никогда не был столь несправедливым, чтобы его нельзя было предпочесть самой справедливой из войн».

Эразм. Да.

Фробен. «Те, кто отрицают существование бога, не столь безнравственны, как те, кто изображают его непреклонным».

Эразм. Да.

Фробен. Ну, слава богу, все в порядке. А я уж подумал было, что это наборщики решили меня позлить. Такие необычные мысли.

Эразм. Ты можешь все это выбросить вон. Разум, просвещение и терпимость сейчас не пользуются спросом.

Фробен. Может, мы все же поднимем этот спрос?

Эразм. Наше дело проиграно. На много столетий вперед. Для людей, подобных нам, в Германии наступили худые времена.

Фробен. Будет война?

Эразм. Непременно. Германия раскололась на два лагеря, чему же тут быть, как не войне?

Фробен. Этот Лютер...

Эразм. Не произноси этого имени. Я его слышать не могу. Посмотри на Виттенберг и посмотри на Рим, Флоренцию, Париж, Брюссель, Лондон, Базель, Амстердам. Тебе все сразу станет понятно. В какой-то момент слово было за нами. Папа, император, короли Англии и Франции слушали меня. Даже немецкие князья меня слушали. Но это время было недолгим. Его не хватило.

Парацельс. Может быть, хватит писать?

Эразм. И рисовать?

Гольбейн. И заниматься наукой?
Парацельс. И зарабатывать деньги?
Фробен. Могу я пригласить вас, господа, на стакан красного вина?

Все уходят.

РАМПА, СЕРЕДИНА СЦЕНЫ.

Фуггер, Карл и Герольд — без фанфары.

Фуггер. Позвольте поздравить вас с победой над Францией. Молодой человек, Европа теперь принадлежит вам.
Карл. Если вы мне дадите сотню, я приглашу вас на обед.
Фуггер. Бережливость, молодой человек, бережливость прежде всего. Ваш дед кончил тем же.
Карл. Ну, пятерку.
Фуггер. К сожалению, у меня никогда не бывает при себе мелких денег. *(Герольду.)* Прошу вас.
Герольд. С фанфарой?
Фуггер. По мне — без фанфары. Скромно и просто.
Герольд. Но это все-таки государственный акт.
Фуггер. Ну как хотите.
Герольд. В таких случаях мы трубим...
Фуггер. Это уж ваша забота.

Герольд становится в позицию. С одной стороны от него Фуггер, с другой — Карл.

Герольд. Фанфара. Три длинных и шесть коротких сигналов, простых.
Фуггер. Куда вы дели...
Карл. Заложил.
Герольд *(оглашая документ)*. Мы, Карл, император божьей милостью. Всем и каждому. Рудники являются величайшим даром, который ниспослал нам господь, ибо в них заключено великое богатство — золото, серебро, медь, олово, ртуть, железо и прочие металлы. Многие люди работой на рудниках добывают себе хлеб насущный, а доходы князей и господ мно-

гократно увеличиваются, так что горное дело следует всеми средствами поощрять. Ибо чем больше польза для князей и господ, тем больше польза для общества. Если же, напротив, не оказывать этого поощрения, то хозяйство страны неизбежно придет в упадок и общество понесет ущерб. Из всех предупредительных мер, способствующих оздоровлению, поощрению, развитию плодотворного и стабильного хозяйства, самая полезная и надежная — постоянно поддерживать цены на высоком уровне и не продавать товары дешево. Потому нельзя допускать всех и каждого к производству товаров и торговле, а лишь одного-единственного или, в крайнем случае, нескольких избранных людей, которые имеют право их производить, обрабатывать и продавать. Таков обычай уже... *(Фуггеру)* сколько лет?

Ф у г г е р. Сорок лет.

Г е р о л ь д. Сорок лет. Так делается повседневно и в других местах, и, значит, это хорошо. Ибо там, где товары продаются по высоким ценам (что лучше всего осуществляется, если сосредоточить их в одних руках), оживляются и прочие ремесла и тем самым поощряется и умножается общая польза. Таким образом, закладка рудников и добыча металлов подобны другим дарам божьим, ниспосланным человеку, а обработка руд, их купля и продажа есть богоугодное, почетное и достойное занятие. А потому справедливо оказывать всяческое содействие почтенным людям, вкладывающим свой капитал в рудное дело, ибо они рискуют понести большие убытки и тем не менее идут на этот риск. Их следует поощрять в их благих намерениях. Ибо золото, серебро и прочие металлы не являются товарами, необходимыми для жизни простому человеку. Когда цены на них поднимаются, рабочие должны радоваться, ибо в таком случае сохраняется их высокое жалованье. Ясно, однако, что если мы не будем поддерживать капитал, товаров сразу станет очень, очень мало, а это принесет вред обществу. Посему мы полагаем, объявляем, желаем и приказываем со всей полнотой нашей власти и с сознанием правоты нашего дела, чтобы во всех местах все товары, особенно

рудники и металлы, были сосредоточены в руках нескольких, избранных...

Фуггер толкает его под ребро.

...в одних-единственных руках, и тот, кто будет ими владеть, мог бы продавать товары по самым высоким ценам, как ему заблагорассудится. Поэтому мы предписываем, чтобы в будущем сосредоточение всех благ в руках немногих не называлось ни дурным делом, ни монополией и не считалось бы таковой и чтобы человеку этому не приходилось оправдываться перед другими. Никто не смеет его наказывать или обвинять, даже если иные и почтут себя из-за этого в убытке. А если мы когда-либо издавали указы о запрещении монополий или издадим таковой указ в будущем, то настоящим постановлением все они отменяются и мы предписываем всем нашим подданным, под угрозой нашей немилости и тяжких наказаний, придерживаться этого нового экономического порядка и пресекать всякое ему противодействие. *(Скатывает грамоту трубкой.)* Фанфара. Четыре длинных, два коротких сигнала, простых.

Фуггер забирает у него документ.

К а р л. Когда мое отречение? Сейчас или попозже?

Ф у г г е р. К чему? Вы хорошо исполняете ваши обязанности. В администрации тоже нужны люди.

Все уходят.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

За столом сидит к р е с т ь я н и н.

П е р в ы й н а е м н и к *(входит, поет).*

Матушка гуляла,
Папаша воровал,
Будь у меня деньжонки,
Я б горюшка не знал.

Ну и времена, а?

К р е с т ь я н и н. Пошли бог вашим лошадям долгую жизнь, а то начнете ездить верхом на нас.

П е р в ы й н а е м н и к. Я не думаю, чтобы господа всех перебили. Всех, конечно, не убьют. Иначе они одни останутся на свете.

К р е с т ь я н и н. Да.

П е р в ы й н а е м н и к *(поет)*.

Матушка гуляла,
Папаша воровал,
Будь у меня деньжонки,
Я б горюшка не знал.

Лютер больше на глаза народу не показывается?

К р е с т ь я н и н. Да.

П е р в ы й н а е м н и к. За каждого пойманного сторонника Мюнцера мы получаем пятерку. А их потом пытают. И убивают. Может, заключить другую сделку? После битвы при Павии мне случилось продавать труп одного графа. Семье. Для христианского погребения в освященной земле, и все такое. За это платят побольше пятерки. Конечно, если у семьи есть деньги.

К р е с т ь я н и н. Понимаю.

П е р в ы й н а е м н и к. Но это уж дело полюбовное. Чтоб без обмана.

К р е с т ь я н и н. Да. Понятно.

П е р в ы й н а е м н и к. Есть у тебя что-нибудь?

К р е с т ь я н и н. Да.

П е р в ы й н а е м н и к. К примеру?

К р е с т ь я н и н. Несколько домов, в городе.

П е р в ы й н а е м н и к. А семья?

К р е с т ь я н и н. И семья есть.

П е р в ы й н а е м н и к. Свое место на кладбище?

К р е с т ь я н и н. Да.

П е р в ы й н а е м н и к. Пытки очень жестокие. А потом все равно повесят. Скорая смерть легче. Я в этих делах знаю толк.

К р е с т ь я н и н. Да.

Первый наемник. Видишь, брат, у тебя будет легкая смерть, я получу деньги да еще окажусь милосердным человеком. Все будет по-божески.

Крестьянин. Да.

Первый наемник *(вытаскивает нож и подает руку крестьянину)*. Брат мой.

Крестьянин. Брат.

Первый наемник. Деньги. Сам понимаешь.

Крестьянин. Да.

Первый наемник ударяет его ножом. Крестьянин падает.

Первый наемник *(вытаскивает нож, чистит его и поет)*.

Матушка гуляла,
Папаша воровал,
Будь у меня деньжонки,
Я б горюшка не знал.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СЛЕВА.

Входят два наемника, держа каждый на плече по трупу.

Наемники *(кричат)*. Продажа трупов! Продажа трупов! *(Бросают трупы на землю.)*

Первый наемник *(приволакивает своего крестьянина)*. Везет мне. Подцепил домовладельца.

Второй наемник. Если только мы не сожгли его дом.

Первый наемник. Но денежки-то у него, наверное, есть.

Слева входят две женщины. Они осматривают трупы.

Первая женщина. Вот мой.

Второй наемник. Двадцать гульденов.

Первая женщина. Двадцать?

Второй наемник. У него еще стоит. Вот. *(Наступает на пах.)* Если быстро уложишь его в постель, тебе еще кое-что достанется.

Первая женщина. Десять гульденов.

Второй наемник. Пятнадцать или я изрублю его в куски.

Первая женщина платит и утаскивает труп.

Третий наемник. Это твой?

Вторая женщина кивает.

Двадцать.

Вторая женщина. У меня нет денег.

Третья женщина. Да ведь ничего от него не осталось — ни рук, ни ног.

Третий наемник. Нести легче будет.

Вторая женщина. У меня нет денег.

Третий наемник. Ладно, он слегка поврежден, давай десять.

Вторая женщина. У меня нет денег.

Третий наемник *(отсекает трупу голову)*. Тяжело поврежден, пять.

Вторая женщина. Нет у меня денег.

Третий наемник. Тогда я брошу его в реку.

Первый наемник. А этот чей?

Третья женщина. Этот не здешний.

Первый наемник. Хотите меня провести? У него есть дома.

Третья женщина. Нет, такого мы не знаем.

Первый наемник. Надул меня, сволочь.

Солдаты утаскивают трупы.

Матушка гуляла,
Папаша воровал,
Будь у меня деньжонки,
Я б горюшка не знал.

СТОЛ НА АВАНСЦЕНЕ СПРАВА.

Меланхтон. Мне совсем худо.

Лютер. А мне хоть бы что. Я простой крестьянин, и моя душа в таких делах совсем задубела. Надеюсь, они скоро кончат. Я сегодня женюсь.

М е л а н х т о н. Что ты делаешь?
Л ю т е р. Женюсь.
М е л а н х т о н. Что? Сейчас? Когда вся Германия залита кровью?
Л ю т е р. Ну и что? А вот и князья.

Справа входят И о г а н н, А л ь б р е х т *и несколько* к н я з е й. *Меланхтон и Лютер кланяются.*

Светлейшие, высокорожденные, всемилостивейшие князья и господа! Некоторые из вас полагают, что все это плод моего учения. Значит, вы не знаете, чему я учил и что такое евангелие. Те, кто истинно исповедует и понимает мое учение, не создают беспорядков, мятеж идет не от меня. Вы — свидетели, что я проповедовал свое учение в тиши, что я горячо боролся против мятежей и со всем старанием призывал подданных к послушанию даже тиранической и неистовой власти и предостерегал их, так что бунт этот не может исходить от меня. Никто так не сопротивлялся и не противостоял бунтарям, как я. Если я не смог удержать чернь, то я и мое евангелие здесь ни при чем. Ибо я всегда молил за вас бога, поддерживал и помогал сохранять вашу власть над народом. С самого начала я совершенно ясно и неуклонно учил, что надо блюсти гражданский порядок. А посему не опускайте меча. Так надо, и господь хочет от вас, чтобы вы внушили народу страх и ужас, дабы крестьяне в будущем знали, как они были не правы. Не бойтесь совершить грех. Если среди крестьян окажутся невиновные, господь спасет их. А если он их не спасет, значит, они виновны. По мне, пусть лучше погибнут все крестьяне, чем что-нибудь дурное приключится с князьями. Будь я господь бог, я бы ударил и убил бы всех. А потому не давайте себя размягчить. Власти должны карать без пощады, дабы люди замолчали и поняли, что дело пошло всерьез. Если вы скажете, что затыкать им рот силой слишком жестоко, я вам отвечу, что так им и надо. Для них есть один ответ — кулак. Крестьяне не хотели слушать, и вы должны прочистить им уши пулями так, чтобы их головы разлетелись на куски. Кто не хочет слушать слова божьего,

пусть познакомится с палачом. Я не желаю ничего слышать о милосердии. Власти не должны быть милосердными.

Иоганн. Магистр Меланхтон, надеюсь, вы того же мнения?

Меланхтон. Разумеется, я того же мнения. Предписания властей суть добрые дела господа, и их нарушения есть смертный грех. Я написал здесь свое заключение. *(Передает заключение.)* Все требования крестьян несправедливы. Даже если они и были правы в своих двенадцати статьях. Крестьяне должны отдать господам все имущество. Оно больше не принадлежит им, бог отдал его господам. У власти часто бывают причины отнимать добро у других, чтобы сберечь его или просто так. Но хотя это и есть насилие, не подобает восставать против него.

Первый князь. А налоги? Крестьяне утверждают, что мы их неправильно используем.

Меланхтон. Народа это не касается, он должен платить сколько положено.

Второй князь. А крепостное право?

Меланхтон. То, что они не желают быть крепостными, есть насилие и бунт. Крепостные должны слушаться своих господ со страхом и трепетом. Более того, желательно, чтобы такой дикий, необузданный народ, как немецкий, имел еще меньше свободы, чем до сих пор. Наши господа распустили народ, берут с него только деньги и не держат его в повиновении. Народом надо править много строже. Господь называет светскую власть мечом. А меч должен рубить. Налагать только денежные подати — значит быть слишком милостивым. Господь сказал: не оказывай милосердия. Оказывать им милосердие — значит грешить, отрицать бога и искушать его, чтобы он обрушился на нас с небес.

Иоганн. Я полагаю, следует еще раз значительно повысить вам жалованье.

Лютер и Меланхтон кланяются.

Лютер. Вот видите, ваша княжеская милость, миром нельзя управлять только силой, следует иметь ученых людей, которые

словом божьим помогают властям держать народ в узде. Не будь ученых и проповедников, светская власть не долго бы продержалась.

Иоганн *(становится между Меланхтоном и Лютером и кладет руки им на плечи).* Ну, что скажете, господа? Каковы мои любезные молодые люди?

Лютер. Мы молим господа, чтобы он сподобил нас и впредь угождать нашим князьям и чтобы нашими господами не оказались дикие звери или крестьяне.

Иоганн. А как мы поступим с церковным имуществом?

Лютер. Ежели ваша княжеская милость хочет и впредь служить орудием господа, ваша княжеская милость наверняка изыщет способы и средства. Есть достаточно соборов, церквей, монастырей и тому подобных вещей. Пусть только ваша княжеская милость соизволит их осмотреть и прикажет все подсчитать и привести в порядок. Они теперь попадают в руки вашей княжеской милости как нашего главы. Господь бог даст на это свое благословение.

Альбрехт. А мне что делать? Я кардинал. У меня только мои епархии.

Лютер. Ваша княжеская милость должны жениться, точно так же, как я. Жениться, назвать себя светским князем, присвоить себе свое собственное церковное имущество и превратить всю страну в наследственное княжество.

Альбрехт. Но-но-но. Что скажут люди?

Лютер. Проповедники должны постоянно внушать простым людям мысль, что достойнее променять ханжество церковной жизни на законный брак, а чересполосицу епархий превратить в прекрасное княжество. Затем эту мысль следует распространить в народе, а когда он преподнесет эту идею вам и будет покорно просить у вас этой великой милости, вы скажете, что народ вас убедил и что вы исполняете волю народа.

Альбрехт. Ах, так. Ну что ж: вся власть народу! *(Хохочет.)*

Иоганн. Эту революцию делаем мы.

Меланхтон уходит. Альбрехт отводит Лютера в сторону.

Альбрехт. Могу я предложить вам кошелек золота? Это так, мелочь. За вашу любезность.

Лютер. Нет, не может быть и речи. Я никогда ничего не беру.

Альбрехт. Ну, скажем, как подарок к вашей свадьбе.

Лютер. Ни в коем случае. Я ничего не беру. Отдайте моей жене.

Входит фрау Лютер.

Альбрехт. Дражайшая. *(Целует ей руку.)*

Фрау Лютер *(делает книксен)*. Милостивый государь.

Альбрехт передает ей кошелек с золотом.

Лютер *(тихо)*. Сколько?

Фрау Лютер *(взвешивает кошелек на руке)*. Две тысячи.

Лютер и фрау Лютер уходят налево.

Справа входит офицер, за ним несколько ландскнехтов ведут связанного Мюнцера.

Иоганн. Сколько?

Офицер. Шесть тысяч убитых.

Иоганн. Недурно для одного дня. Так-так, значит, это и есть тот самый Мюнцер. Ну, как? Все люди равны?

Мюнцер *(обессиленно)*. Все люди равны.

Иоганн. Так-так, все люди равны. *(Пинает его ногой в живот.)*

Второй князь. Все люди равны? *(Бьет его.)*

Третий князь. Все люди равны? *(Пинает его.)*

Четвертый князь. Все люди равны? *(Бьет его.)*

Князья. Равны, равны, равны, равны.

Избивают Мюнцера, он падает. Ландскнехты оттаскивают его к середине сцены.

Палач *(входит)*. Тут несколько баб, просят о помиловании для своих мужей.

Иоганн. О помиловании? Позвольте, как же нам быть? Проявляя милосердие, я совершаю смертный грех. Кому охота быть грешником. Есть у нас еще главари?

Палач. Да.

Иоганн. Тогда пускай эти бабы потом, когда мы усядемся смотреть на казнь, придут и сами вышибут им мозги. Это научит их думать. Но мозг должен брызнуть, не то они так и не получат своих мужей обратно. *(Альбрехту.)* Вот так и становишься грешником. Из чистого милосердия. Этот народ ничем не исправишь.

Палач. Верноподданнейше просил бы вашего разрешения вручить счет.

Иоганн. Снова счет?

Третий князь. У меня этих счетов полны карманы.

Иоганн. Только давайте по порядку. Чтобы никакой путаницы. Сколько обезглавлено, сколько повешено, четвертовано, колесовано, утоплено, сожжено. И никаких фальшивых трупов — те, что погибли при пытках, не в счет.

Палач. Я их уже вычел из общего списка. Обезглавлено тысяча двести восемнадцать.

Иоганн. Плачу гульден.

Палач. Колесовано, четвертовано, утоплено всего...

Иоганн. Этих я не считаю, это садизм.

Палач. Глаза выколоты у восьмисот тридцати одного.

Иоганн. Полгульдена.

Палач. Языки вырваны у семисот одиннадцати.

Иоганн. Полгульдена.

Палач. Руки отрублены у девятисот десяти.

Иоганн. Полгульдена.

Палач. У многих детей выколоты глаза и вырваны языки.

Иоганн. Детей не считаю.

Палач. Ваша княжеская милость тем дольше будет иметь слепых и немых подданных.

Иоганн. Это аргумент. *(Берет счет.)* И еще люди удивляются, что административные расходы так велики. *(Поднимается на помост к другим князьям.)*

Палач направляется к лежащему в середине сцены Мюнцеру.

ПОМОСТ СПРАВА.

Третий князь. Хорошая добыча. Надо теперь сразу совершить паломничество или пожертвовать на монастырь.

Первый князь. Мои крестьяне сразу же запросили пощады. Вышли мне навстречу без оружия, босые, без шапок, со свечками в сложенных ладонях. Тут мы по ним и ударили. Восемнадцать тысяч крестьян стерли с лица земли. Как сейчас вижу эти сложенные ладони, белые свечи, красную кровь. Белое и красное. Цвета моего герба. Люблю это сочетание. Выглядит так свежо!

Второй князь. Я делаю так. Беру крестьян в плен, за выкуп отпускаю, снова беру в плен и кончаю с ними. Они мертвы, а деньги у меня. А то еще припрячут.

Третий князь. Я заставил их три дня без хлеба и воды просидеть в замковом рву, так что они дрались друг с другом из-за помоев. С ума сойти, как было смешно.

Четвертый князь. А мои убежали в церковь. Тогда я поджег церковь, и они сгорели все скопом. И самое забавное, что до последней минуты они пели «С нами бог».

Все смеются.

Иоганн. Господь ныне, как и всегда, на стороне власть имущих.

Альбрехт. Собственно, они были совсем неплохие люди. Такие любезные, вежливые, услужливые. Я, например, не могу о них сказать ничего худого.

Князья смотрят на него. Напряженная пауза.

Знаете анекдот? Выходит епископ голый из исповедальни... *(Пауза.)* Теперь я его забыл.

Иоганн. Итак, с божьей помощью мы победили и тем самым совершили доброе дело. Возблагодарим же всемогущего господа.

Они молятся.

ПОМОСТ СЛЕВА.

Фрау Лютер вяжет, Лютер разбирает бумаги.

Фрау Лютер. Миленький, что значит: Non putassem?

Лютер. Non putassem? «Я не это имел в виду». Древние считали это выражение самым недостойным мужчины. Ибо оно изобличает человека самоуверенного, упрямого, безответственного, который в одну минуту, одним поступком, одним словом может испортить больше, чем могут исправить десять ему подобных. А после заявляет: воистину я не это имел в виду.

Фрау Лютер. «Я не это имел в виду».

Лютер *(хлопает рукой по документу)*. Этому Мюнцеру во время пытки задавали не те вопросы! Я бы допрашивал его совсем иначе. Он же не признал своей вины. Он утверждает, что не совершил ничего дурного. Нарочно, чтобы меня разозлить! «Ничего дурного». Не могу себе представить, что человеческое сердце может так закоснеть в пороке.

Фрау Лютер. Этот Мюнцер нехороший, да?

Лютер. Очень нехороший.

Фрау Лютер. А Карлштадт?

Лютер. Он еще запросит пощады. Если он отречется, ему позволят жить в одной из здешних деревушек. Будет хозяином мелочной лавки. Сегодня утром я ездил в деревню. Спрашиваю крестьян: почему они больше не платят своим духовным пастырям, ведь оплачивают же они своих пастухов. Знаешь, что они мне ответили? Пастухи нам нужны. Вот до чего дело дошло. Мир погряз во грехе.

Фрау Лютер. Non putassem.

Лютер. Просто они не хотят больше ничего давать. Такая неблагодарность людей в ответ на священное слово божье есть, без сомнения, не что иное, как наказание господне. Живут как свиньи. Никакого страха божьего. Я прямо раскаиваюсь, что освободил их от тиранов. Неблагодарные твари. Они не стоят сокровищ евангелия. Не следует метать бисер перед свиньями.

Ф р а у Л ю т е р. Не сердись, сочини лучше песенку.

Л ю т е р. Ты права. *(Пишет ноты на листе бумаги.)*

Ф р а у Л ю т е р. Теперь, конечно, все люди станут плохо о тебе думать?

Л ю т е р. И пускай. Я уж как-нибудь выкручусь, а они пусть сами расхлебывают эту кашу. *(Напевает песню.)*

Ф р а у Л ю т е р. Не понимаю, почему люди так бранят князя. Такой милый человек. Подарил нам монастырь.

Л ю т е р. Доход-то от него невелик.

Ф р а у Л ю т е р. Но монастырь-то большой. Я хочу открыть в нем пансион. Будет приезжать много народу, и мы сможем брать высокую плату за постой.

Л ю т е р. Да.

Ф р а у Л ю т е р. И жалованье он тебе повысил.

Л ю т е р. Пятьсот тысяч.

Ф р а у Л ю т е р. И потом прислал тебе еще денег, просто так.

Л ю т е р. Шестьдесят тысяч.

Ф р а у Л ю т е р. На них мы купим хороший крестьянский двор. Это будет выгодным помещением денег.

Л ю т е р. Да, крестьянские дворы нынче дешевы.

Ф р а у Л ю т е р. И еще мы купим пруд, виноградник и несколько больших садов. И не забудь, что монастырь имеет право на пивоварение. Ты теперь пивовар. Мартин Лютер, великий пивовар из Виттенберга. Non putassem. *(Громко смеется.)* Давай закажем герб и пристроим к монастырю новый портал с твоим портретом и гербом. Будет красивый новый фасад.

Л ю т е р. Да. Теперь дело пошло всерьез. Пора сидеть тихо и предоставить борьбу господу богу. *(Пауза. Он сочиняет.)* Проповедники — величайшие из убийц. Я, Мартин Лютер, убил всех мятежных крестьян. Я призвал убивать их. Вся их кровь на моих руках. Но я пересылаю ее господу богу, который вложил мне в уста мои речи. Тот, кто внимательно взвесит и проверит эти вещи, тот кое-чему научится.

РАМПА, СЕРЕДИНА СЦЕНЫ.

Фуггер на коленях в молельне. Шварц кладет на молитвенный столик бухгалтерскую книгу и зажигает две свечи, справа и слева от нее.

Фуггер *(складывает руки)*. Конец.

Шварц. Баланс фирмы Якоб Фуггер. Сумма: двести три миллиона двести шестьдесят пять тысяч двести. Это свыше тысячи процентов чистой прибыли.

Фуггер. Хорошие были годы. Восславим капитал.

Шварц. Во веки веков, аминь.

Фуггер. О капитал.

Шварц. Смилуйся над нами.

Фуггер. Ты начало и конец всех вещей.
Ты был, и есть, и пребудешь вечно.
Всё из тебя, всё — через тебя,
Всё — в тебе, чем мы живы и что мы есть.
Ты — вся мощь небесная и земная,
Ключ, число и вес всего сущего,
Царь над царями и владыка над владыками,
И величием твоим исполнилась земля.
И мудрость твоя мощно правит и царит.

Шварц. Смилуйся над нами.

Фуггер. О капитал.

Шварц. Избавь нас...

Фуггер. От твоего гнева,
От неверия и суеверия,
От малодушия и гордыни пред тобой,
От недоверия к твоему милосердному провидению,
От жалоб на твои мудрые предначертания,
От всякого непочтения к твоему величайшему величию,
К твоей бесконечной власти и мудрости,
К твоему изобилию.

Шварц.
Помилуй и спаси нас.

Ф у г г е р.

О капитал.

Ш в а р ц.

Мы молим тебя.

Ф у г г е р.

Дабы все люди уверовали в тебя,
Дабы все признали тебя Творцом,
Дабы все возносили и восхваляли твое святое имя,
Дабы все свято исполняли твою святую волю,
Дабы все возлюбили тебя всем сердцем как высшее благо,
Дабы ты привел нас в твое царство.
Его же ты уготовил твоим чадам,
Дабы мы подчинились всем твоим предначертаниям,
Дабы ты благословил все наши труды и деяния,
Дабы ты укрепил и поддержал нас в святом служении тебе,
Дабы ты воспринял нас в наследники твоего вечного
царствования.

Ш в а р ц.

Мы молим тебя — услышь нас.

Ф у г г е р.

О капитал.

Ш в а р ц.

Смилуйся над нами.

Ф у г г е р.

Ты цель и конец всего сущего,
Ты ужас бедных,
Ты радость богатых,
Ты причина нашей радости,
Ты прибежище грешников,
Ты пища избранных,
Ты источник всех милостей,
В сути своей соединенных с божественным словом.
Ты пучина всех добродетелей,
Ты средоточие всех сердец.
Ты исцеление тех, кто на тебя уповает.

Шварц.

Смилуйся над нами.

Фуггер.

О капитал.

Шварц.

Молим тебя, услышь нас.

Фуггер.

Твоею победой над всеми твоими врагами,
Твоею вечной властью и господством
Сохрани нам твои милости.
И обрати по своему промыслу все наши мысли, слова и деяния,
И восприми нас в число избранных,
И укрепи нас в вере и трепете пред тобою,
И воспламени в нас неугасимую любовь к тебе,
И пробуди в нас жажду наслаждения.

Шварц.

Молим тебя, услышь нас.

Фуггер.

О святые защитники!

Шварц.

Молите за нас.

Фуггер.

Активы и пассивы,
Проценты и дивиденды,
Векселя и чеки,
Облигации и акции,
Ипотеки и расписки,
Налоги и ренты,
Движимое и недвижимое.
Валюты и биржи,
Повышения и понижения,
Золото и брильянты,
Инфляция и дифляция,
Кредит и спекуляция,
Конъюнктура и баланс.

Ш в а р ц.

Молитесь за нас.

Ф у г г е р.

Вы, поклоняющиеся ему в трепете,
Вы, поющие ему славу, славу, славу,
Услышьте его глас и творите его волю.
Благовестите его советы людям,
И исполните его службу,
И охраните, и защитите нас на всех путях наших,
Дабы мы следовали вашим нашептываниям,
И верно исполнили вашу волю,
И почитали господа нашего — капитал,
И вечно славили его вкупе с вами.

Ш в а р ц.

Молитесь за нас.

Ф у г г е р.

Ты утешитель богатых,
Ты свет миллионеров,
Ты огнь испепеляющий для бедных,
Ты светоч правителей,
Ты адвокат пророков,
Ты сила менеджеров,
Ты чистота блудниц,
Ты блаженство земли.
О ты, что питаешься стыдом и позором,

Ш в а р ц.

Смилуйся над нами.

Ф у г г е р.

От мучительных упреков совести,
От великого помрачения,
От чудовищной тьмы,
От ужасных стенаний и жалоб,
От печального одиночества
О капитал, отпускающий грехи этого мира,
Избави нас
И ныне, и присно, и во веки веков.

По мере того как литургия Фуггера приближается к концу, на помост поднимаются Лютер, фрау Лютер, князья. Они поют.

О господи, ты наш оплот.
Оружие и сила!
Ты из нужды спасешь народ —
Что б с нами ни случилось.

Пусть враг еще силен,
В победу верит он,
Для воинства его
Нет святого ничего —
Ему на земле не верят люди!

Им не царить у нас в стране,
И пусть весь мир узнает:
Господь на нашей стороне,
Он нас благословляет.

Пусть нас враги лишат
И жены и чад,
Без чести, без добра
Прогонят со двора,
Царство божье вечно нашим будет!

Во время пения все четверо сходят с помоста и выстраиваются в ряд в центре сцены. Они растягивают во всю ширину свои одежды и загораживают ими казнь Мюнцера. Пение громче. Слышен удар топора по дереву. Пение все громче. Голова Мюнцера, насаженная на длинную пику, поднимается за их спинами и смотрит на публику. Пение еще громче. Фуггер молится.

З а н а в е с

О МЕТОДЕ

В этой пьесе речь идет не о теологии. Теологический аспект Реформации изучался в течение четырехсот лет, на эту тему написано бесчисленное количество книг. Социальные же последствия этих событий почти не принимались во внимание. Между тем мы ощущаем их еще и сегодня.

В этой пьесе речь идет и не об идеологии. Имея сложившиеся мнения, готовые ответы на вопросы, не стоит писать пьес.

Речь идет о четырех молодых людях. Одного из них зовут Лютер, другого — Мюнцер, двое остальных — это Карлштадт и Меланхтон. Речь идет о началах бухгалтерии. Речь идет о первой великой немецкой революции. Их совпадение во времени, вероятно, не простая случайность.

Таким образом, речь идет о том, чтобы как можно более конкретно исследовать ситуацию. Действие пьесы происходит с 1514 по 1525 год. То, что параллели с нашим временем оказались такими четкими и несомненными, поразило меня самого. Не понадобилось никакой актуализации, никакой особой драматизации в целях большей сценичности. Вероятно, бывают исторические модели, которые повторяются по одной и той же схеме.

Я занимался этой темой пять лет. Никакими секретными источниками я не располагал. Имевшийся в моем распоряжении материал был прочитан и проштудирован во всей его широте. Правда, я позволил себе с особой тщательностью рассмотреть сложное взаимопереплетение истории церкви, политической истории и истории экономики.

Пьеса получилась такой длинной еще и потому, что в нее вошли оригинальные тексты, связанные друг с другом. Речи действующих лиц не выдуманы мною, но взяты из соответствую-

щих сочинений, Кроме того, соблюден их хронологический порядок. Когда Лютер подробно высказывается по тому или иному поводу, то его монологи состоят не из подобранных фраз, а представляют собой целиком процитированные письма или сочинения, написанные им в данный период и по данному поводу. Есть лишь несколько исключений, но они оправданны. Например, в те сцены, где речь идет о принципиально важных спорах и диалогах, вставлены высказывания героев, основополагающие для данного вопроса. Там, где я сомневался, я высказывал свои сомнения или просто вымарывал сцену. Поскольку средневековые тексты нельзя приводить дословно, их пришлось слегка «онемечить». В каждом таком случае я опирался на признанные «переводы».

То, что Лютер выглядит не таким, каким мы его знали, может быть многими воспринято болезненно. Но в конце концов, это его собственные слова. Если Мюнцер кажется слишком современным, это не моя заслуга. В том, что Фуггер не был «радетелем за человечество», а наживался на нем, нельзя обвинять меня. В конце концов, это его бухгалтерия.

Вообще я не ставил себе цель возносить или ниспровергать героев. В пьесе нет героев. В ней показан общественный процесс. Читатель может сам сделать выбор: многое, что кажется таким шокирующим, написано в любом солидном исследовании по истории и давно известно науке. Если мы тем не менее знаем лишь то, что укладывается в определенные рамки, если эта пьеса, основанная на фактах, столь решительно переворачивает наши представления о той исторической эпохе,— это должно нас насторожить. А что же нам рассказывали до сих пор?

ЛИТЕРАТУРА
(Выборочный список)

Friedrich Engels. Der deutsche Bauernkrieg. Berlin, 1965.

Roland H. Bainton. Martin Luther. Göttingen, 1958.

Manfred Bensing. Thomas Münzer. Leipzig, 1965.

Manfred Bensing. Thomas Münzer und der thüringer Aufstand 1525. Berlin, 1966.

Ernst Bloch. Thomas Münzer. Frankfurt a. M., 1969.

Heinrich Bochmer. Der junge Luther. Stuttgart, 1970.

Heinrich Bornkamm. Das Jahrhundert der Reformation. Göttingen, 1966.

Karl Brandi. Kaiser Karl V. Werden und Schicksal einer Persöhnlichkeit und eines Weltreiches. Bd. 1. München, 1964.

Jacob Burckhardt. Die Kultur der Renaissance in Italien. Stuttgart, 1966.

William J. Durant. Kulturgeschichte der Menschheit. Bd. 5. Die Renaissance. Bd. 6. Das Zeitalter der Reformation. München, 1961—1962.

Erik Erikšon. Der junge Mann Luther. München, 1964.

Heinold Fast (Hrsg.). Der linke Flügel der Reformation. Bremen, 1962.

Heinrich Fausel. Martin Luther. München, 1966.

Günter Franz. Der deutsche Bauernkrieg. Aktenband (Nachdruck). Darmstadt, 1968.

Quellen zur Geschichte des Bauernkrieges. Darmstadt, 1963.

Richard Friedenthal. Martin Luther. München, 1967.

Geschichte der Kirche. 5 Bde. Hrsg. L. J. Rogier u. a. Bd. 3. Hermann Tuchle. Reformation, katholische Reform und Gegenreformation. Freiburg, 1967.

Friedrich Heer. Erasmus von Rotterdam. Frankfurt a. M., 1962.

Hans J. Hillerbrand. Brennpunkte der Reformation. Göttingen, 1967.

Johann Huisinga. Erasmus von Rotterdam. Basel, 1951.

Erwin Iserloh. Luthers Thesenanschlag. Tatsache oder Legende? Wiesbaden, 1962.

Helmut Junghans (Hrsg.). Die Reformation in Augenzeugenberichten. Düsseldorf, 1967.

Helga-Maria Kühn. Die Einziehung des geistlichen Gutes im Albertinischen Sachsen 1539—1553. Köln, 1966.

Hanns Zilje. Martin Luther. Reinbeck/Hamburg, 1965.

Walter von Löwenick. Die Geschichte der Kirche. Witten, 1962.

Josef Lortz. Die Reformation in Deutschland. Freiburg, o. J.

Martin Luther. Werke in Auswahl. 8 Bde. Berlin, 1962—1967.

Karl A. Meissinger. Luther, die deutsche Tragödie 1521. München, 1953.

Thomas Münzer. Schriften und Briefe. Götersloh, 1968.

Karl-Heinz Neubig. Anbruch der Neuzeit Renaissance und Reformation 1350 bis 1648. München, o. J.

Eugen Ortner. Glück und Macht der Fugger. München, 1960.

Götz Erhr. v. Pölnitz. Die Fugger. Tübingen, 1970.

Götz Erhr. v. Pölnitz. Jacob Fugger, Kaiser, Kirche und Kapital in der oberdeutschen Renaissance. 2 Bde. Tübingen, 1949—1951.

Leopold v. Ranke. Die Geschichte der Päpste. Wiesbaden, 1957.

Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Köln, 1957.

Albert Renner und Arthur Mojonnier. Die Kultur des Spätmittelalters. Das Zeitalter Spanien-Habsburgs. München, 1964.

Gerhard Ritter. Luther. München, 1959.

Gerhard Ritter. Die Neugestaltung Deutschlands und Europas im 16. Jahrhundert. [West]-Berlin, 1967.

Ruggiero Romano und Alberto Tenenti. Die Gründlegung der modernen Welt, 1967.

Robert Stupperich. Geschichte der Reformation. München, 1967.

Rudolf Thiel. Luther. Wien, 1952.

Giorgio Vasari. Künstler der Renaissance. Wiesbaden, 1959.

Max Weber. Wirtschaftsgeschichte. [West]-Berlin, 1958.

Max Weber. Die protestantische Ethik. 2 Bde. München, 1968—1969.

Gerhard Zschäbitz. Martin Luther. Grösse und Grenze. [West]-Berlin, 1967.

Форте Дитер

Ф 80 Мартин Лютер и Томас Мюнцер, или Начала бухгалтерии. Пер. с нем. Э. Венгеровой. М., «Искусство», 1976.

239 с.

Пьеса известного драматурга из ФРГ Дитера Форте посвящена событиям Крестьянской войны и Реформации в Германии.

Ф $\frac{70600\text{-}176}{025(01)\text{-}76}$ 68-69-76 И(Нем)

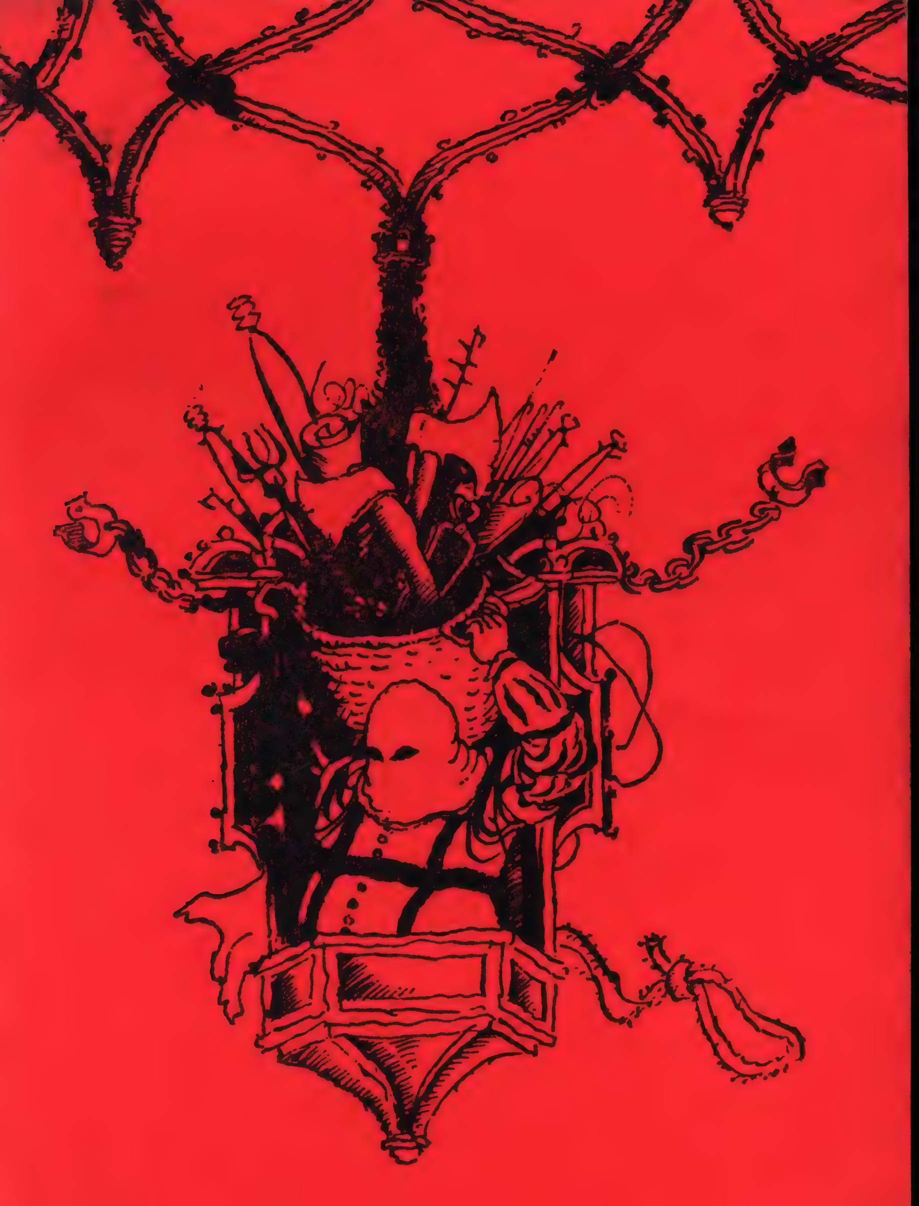
Дитер Форте

МАРТИН ЛЮТЕР и ТОМАС МЮНЦЕР, или НАЧАЛА БУХГАЛТЕРИИ

Редактор
Н. Б. Дайреджиева
Художник
Н. Е. Попов
Художественный редактор
Л. И. Орлова
Технический редактор
Н. И. Новожилова
Корректоры
Н. Я. Корнеева
И. В. Разинкина

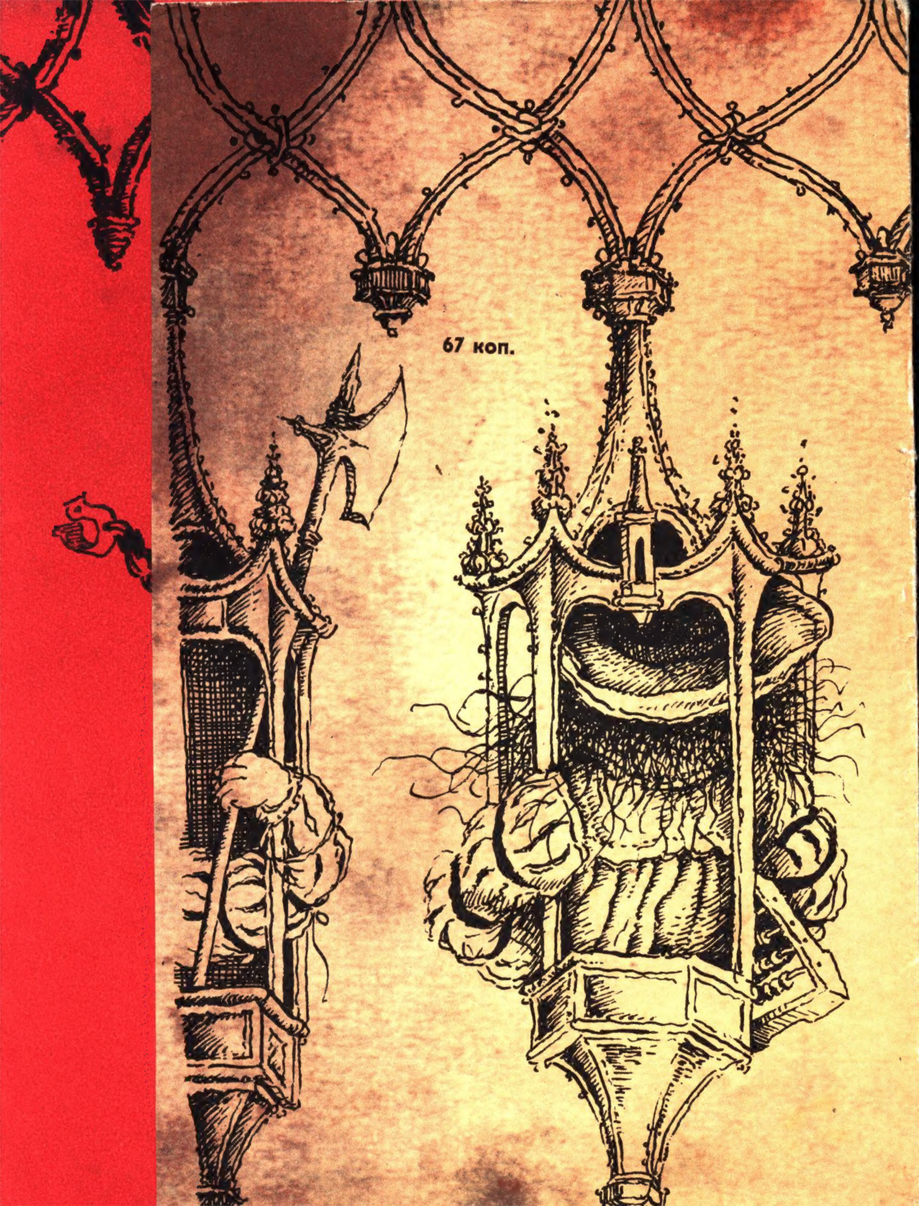
Сдано в набор 20/II 1976 г. Подписано в печать 20/VII 1976 г. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 11466. Изд. № 12030. Тираж 13 000. Заказ 237. Цена 67 к. Издательство «Искусство», 103051 Москва, Цветной бул., 25. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект имени Ленина, 109.

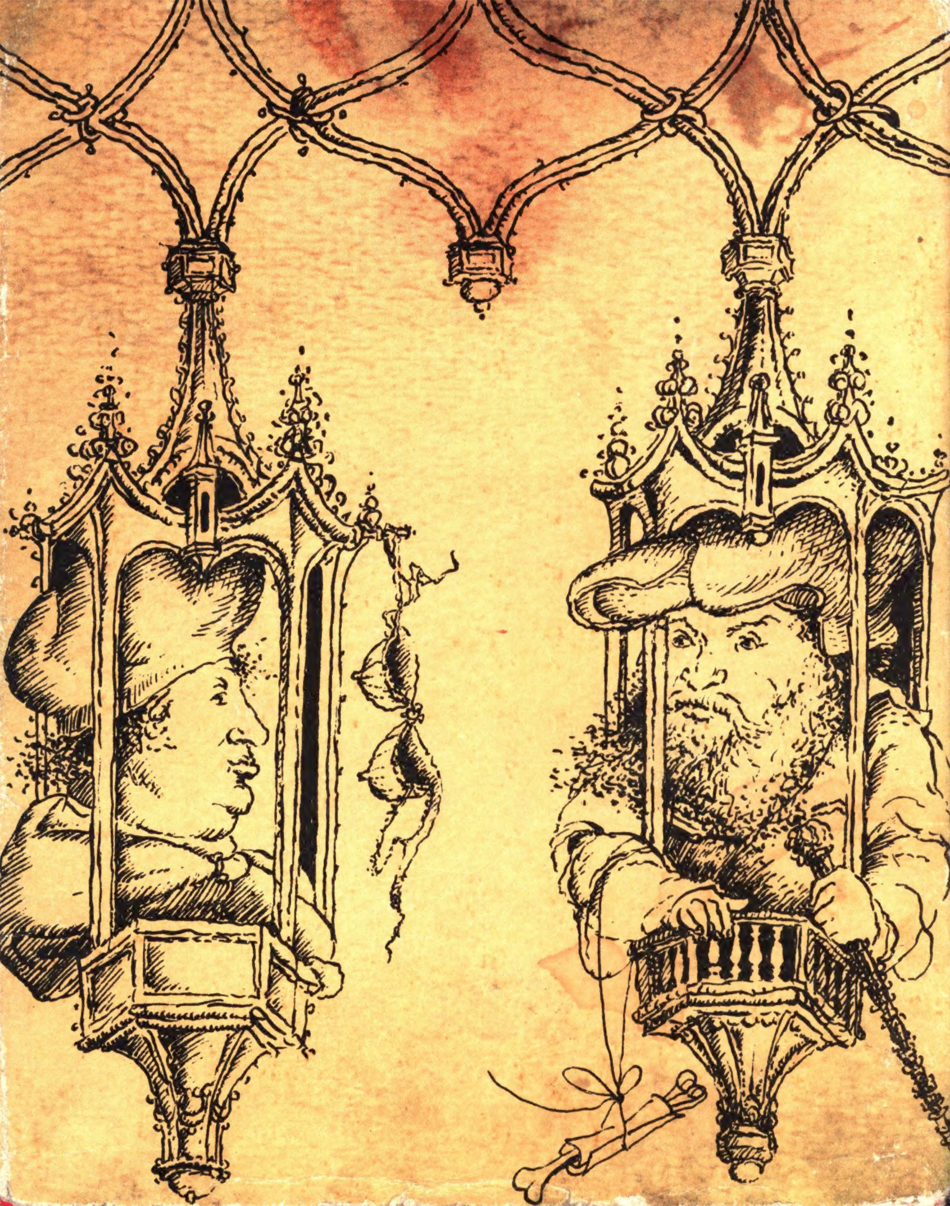

67 коп.

67 коп.

ДИТЕР ФОРТЕ